

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

№ 15 АПРЕЛЬ 1984

ВЕРНИСАЖ МОЛОДЫХ ФОТОЖУРНАЛИСТОВ

См. стр. 32.

«Лина» — фото Александра Левиева

**НА ОРБИТЕ СОВЕТСКО-
ИНДИЙСКИЙ ЭКИПАЖ**

Когда номер журнала уже печатался, в космос поднялся для мирных научных исследований вместе с советскими космонавтами посланец Индии.

На снимке: советско-индийский экипаж — летчик-космонавт СССР, Герой Советского Союза Ю. В. Малышев, индийский космонавт Ракеш Шарма и летчик-космонавт СССР, Герой Советского Союза Г. М. Стрекалов.

Фото А. Пушкирева (ТАСС)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан

1 апреля

1923 года

№ 15 (2960)

7 АПРЕЛЯ 1984

© Издательство «Правда», «Огонек», 1984

В НОМЕРЕ:

12 апреля — День космонавтики.

О новых проектах исследования Вселенной рассказывается в репортаже Ванды Белецкой «Космическое братство». Стр. 6, 7.

«Мы часто видим его на экранах телевизоров, в концертных залах, а голос его — красивый, яркий, сердечный — слышим по радио, на пластинках...»

О народном артисте РСФСР Иосифе Кобзоне рассказывает Н. Смирнова в очерке «Запевала». Стр. 17. Цветное фото Д. М. Бальтерманца.

«Другого выхода у них не было, оставшуюся воду считали уже не литрами — глотками...»

К пешему переходу через Каракумы готовится группа во главе с Николаем Кондратенко — репортаж Ю. Лушина «Бросок через пустыню». Стр. 14, 15.

Из записок прокурора.

А. Безуглов «Наследница». Стр. 22—24.

Во время встречи.

Фото А. Гостева

С ДРУЖЕСТВЕННЫМ ВИЗИТОМ

По приглашению ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Советского правительства с 29 по 31 марта 1984 года в Советском Союзе с рабочим дружественным визитом находился Председатель Временного военного административного совета (ВВАС) и Комиссии по организации партии трудящихся Эфиопии (КОПТЭ), главнокомандующий революционными вооруженными силами Социалистической Эфиопии Менгисту Хайле Мариам.

Высокому эфиопскому гостю и членам возглавляемой им делегации был оказан сердечный, дружественный прием.

Состоялась встреча Генерального секретаря ЦК КПСС К. У. Черненко с Менгисту Хайле Мариамом. Эфиопская делегация имела также

беседы с членом Политбюро ЦК КПСС, первым заместителем Председателя Совета Министров СССР Г. А. Алиевым, членом Политбюро ЦК КПСС, первым заместителем Председателя Совета Министров СССР, министром иностранных дел СССР А. А. Громыко, членом Политбюро ЦК КПСС, министром обороны СССР Маршалом Советского Союза Д. Ф. Устиновым.

В ходе бесед, проходивших в теплой, товарищеской атмосфере, в духе дружбы и полного взаимопонимания, были обсуждены вопросы советско-эфиопских отношений и сотрудничества и актуальные международные проблемы, представляющие взаимный интерес.

Проводы на Внуковском аэродроме.

Фото В. Воронина

«Огонек» на БАМе

Мостостроитель
Михаил Авдеев.

РИТМЫ МАГИСТРАЛИ

С горячим энтузиазмом встретили коллективы всех подразделений БАМа — мостовики, укладчики путей, проходчики тоннелей, строители жилья и станционных объектов — вест о том, что Центральный Комитет КПСС одобрил инициативу бамовцев о досрочной стыковке магистрали века к 67-й годовщине Великого Октября — на год раньше срока.

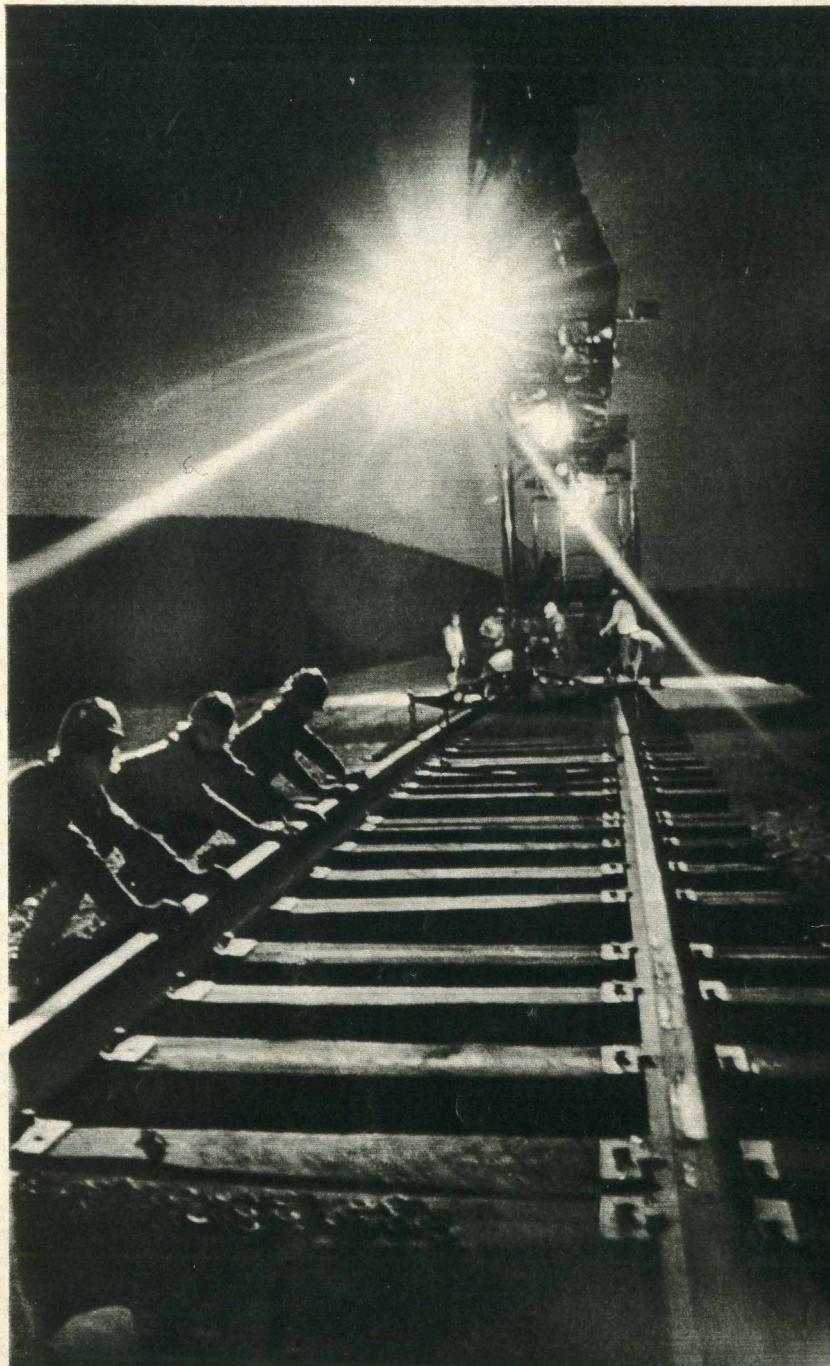
В год «золотой» стыковки БАМа нельзя терять ни дня, ни часа. Ведь для того, чтобы путеукладчики бригад Ивана Варшавского и Александра Бондаря, идущие навстречу друг другу по горнотаежным районам Читинской области и Бурятии, первые — с востока, вторые — с запада, соединили магистраль на станции Куанда, необходимо пройти с рельсами еще 200 километров, переработать десятки миллионов кубометров грунта, построить около 150

железнодорожных мостов и сотню водопропускных труб и — крепкий «орешек» — пробить Кошарский тоннель...

Но до «золотого» часа на Западном участке будет еще праздник на Восточном. 9 мая этого года на разъезде имени Героя Советского Союза сержанта Виктора Мирошниченко замкнется магистраль на востоке от Тынды. Воины-железнодорожники, ведущие строительство, близки к заветной цели. Им остается пройти около сорока километров.

Напряженные дни и у мостовиков. В том, что по 264-метровому мосту через реку Чара, монтаж которого велся в лютые морозы, рельсы пролегли раньше намеченного срока, есть немалая заслуга монтажников Николая Бобко и Михаила Авдеева.

В. КУЗНЕЦОВ,
соккор «Огонька»
Фото автора и А. Чумичева

Магистраль — вперед!

поле-84

Сев в совхозе имени Ульянова Сурхандарьинской области.

Фото В. Сваричевского

БОЛЬШЕ «ШЕЛКОВОГО» ХЛОПКА!

Нынешняя весна в Узбекистане со своим норовом: то снежным платом покроет поля, то подует осенним холодом, то вдруг в полдень ослепит почти летним солнцем и тут же вновь нахмурит небеса... Вот и подстерегают земледельцы просветы, чтобы отсеяться получше да и сроки не упустить.

Первыми приступили к севу хлопчатника мастера Сурхандарьи, а тон задали целинники массива Бабатаг — механизаторы совхозов «Джаркурган», «Шарк юлдузи», имени Ульянова, «30 лет ВЛКСМ», работающие по бригадному подряду.

Эти хозяйства специализируются на самом трудоемком, но и самом ценном — тонковолокнистом хлопчатнике, именуемом не только

хлопкоробами, но и текстильщиками «шелковым».

Самая южная в Узбекистане область и в нынешнем году даст наибольшее в республике количество тонковолокнистого сырья. Сурхандарьинцы обязались за счет ценных сортов выполнить большее половины объема заготовок. Это будет их вкладом в шесть миллионов тонн узбекистанского «белого золота-84» — хороший ответ на недавнее Всесоюзное экономическое совещание по проблемам АПК, призвавшее земледельцев настойчиво бороться за увеличение производства продукции полей и ферм.

Вяч. КОСТЬЯР,
соккор «Огонька»

ЛИЦЕМЕРЫ

Юрий КОРНИЛОВ

С ногшибательные пропагандистские сальто-мортале проделывают в последнее время архитекторы американской внешней политики! Давно ли, кажется, пра-вящие круги США, стремящиеся любой ценой обрести военно-стратегическое превосходство над СССР и открыто провозглашающие ставку на силу, подводили мины под все попытки добиться прогресса в деле обуздания гонки вооружений? И вот теперь, когда в результате милитаристского усердия американской администрации положение в мире стало еще более напряженным, а уровень ядерного противостояния возрастает, тот же Вашингтон с пеной у рта принял вну-шать всем и вся, что он, дескать, больше всего печется об «упрочении мира» и прямо-таки жаждет диалога по проблемам разоружения. «Мы полны желания вести диалог», — возвещает в интервью французской «Монд» президент Р. Рейган. «Вопрос в том, насколько серьезно настроен на возобновление переговоров СССР», — заявляет заместитель пресс-секретаря Белого дома Л. Сликс.

Разумеется, совершая сей пропагандистский вираж, американская администрация преследует вполне определенную цель — она пытается скрыть, замаскировать агрессивную суть своих действий на международной арене. Послушать вавшингтонских мастеров по дезинформации, так получается, будто не США, а чуть ли не СССР повинен в том, что напряженность в мире усиливается, а процесс наращивания ядерных арсеналов приобретает все более широкие масштабы. Ложь грубая, беззастенчивая! Весь мир знает, что именно Советский Союз выразил готовность договориться с другими ядерными державами о совместном признании норм отношений между ними, которые должны в конечном счете способствовать сокращению, а затем — и ликвидации ядерных вооружений. Весь мир знает, что именно наша страна в одностороннем порядке взяла обязательство не применять первой ядерное оружие, что именно СССР настойчиво предла-гает заморозить ядерные вооружения, выступает за предотвращение гонки ядерных вооружений в космосе, за выработку соглашения о полном и всеобщем за-прещении испытаний ядерного оружия. А чем отвечают на эти и другие конструктивные и миролюбивые инициативы США? Одни предложения по обузданию гонки вооружений блокируются ими при помощи надуманных отговорок, другие тормозятся, третий Вашингтон вообще «не замечает». А тем временем «команда Рейгана» все ускоряет и ускоряет бег военных конвейеров: достаточно напомнить, что уже в 1985 году бюджет Пентагона составит, как планируется, 313 миллиардов долларов — в 2 с лишним раза больше, чем три года назад.

С полярно противоположных позиций подходят Москва и Вашингтон к та-кой важнейшей проблеме, как ограничение ядерного оружия в Европе. На про-тяжении всех двух лет, в течение которых велись переговоры в Женеве, Советский Союз активно добивался избавления Европы от ядерной угрозы, предлагая либо полностью ликвидировать ядерные вооружения на континенте, либо — коль скоро Вашингтон к этому не готов — значительно сократить число носителей ядерного оружия. А чем отвечали США? Они полным ходом развертывали под-готовку к размещению на европейской земле своих «Першингов» и крылатых ракет, одну за другую отвергая конструктивные советские инициативы и выдвинув-ая заведомо неприемлемые варианты, рассчитанные на одностороннее разоруже-ние партнера по переговорам. Результат? Женевские переговоры сорваны, а США форсированными темпами превращают Западную Европу в американский ракетно-ядерный полигон, что вызывает растущую и более чем оправданную тревогу и европейской и международной общественности.

Советский Союз не надо убеждать в целесообразности диалога по пробле-мам, связанным с устранением угрозы ядерной войны: сегодня, как и вчера, на-ша страна убеждена в том, что ни одна возможность, ни один шанс не должны быть упущены для возврата на путь переговоров. Советские предложения, ка-сающиеся обуздания гонки как «европейских», так и стратегических ядерных вооружений, остаются в силе. Для их реализации, для возобновления диалога нужно одно — готовность США устранить созданные ими препятствия, вернуться к положению, существовавшему в Европе до начала размещения новых амери-канских ракет. Но именно этого и не желают делать в Вашингтоне! «Риторика Рейгана насчет его готовности к переговорам с СССР — всего лишь маневр ядер-ного ястреба, пытающегося предстать в роли миротворца», — с полным основа-нием констатирует лидер американских коммунистов Гэс Холл.

Цена разглашения Вашингтона о его готовности действовать в пользу ослабления международной напряженности наглядно видна на примере Ника-рагуа, против которой американские спецслужбы и их наймиты ведут ожесточен-ную необъявленную войну. Цена этим разглашениям видна и на примере Афганистана, который остается объектом вторжения вооруженных банд, сколочен-ных и оснащенных на американские доллары под патронажем ЦРУ. А что сказать о бандитском нападении США на Гренаду, о соучастии американской военщины в кровавых преступлениях и геноциде, который творит на многострадальной земле Ливана сионистский агрессор? Что сказать о недавней пиратской акции против советского танкера «Луганск» — акции, которая еще раз продемонстрировала, что разбой, терроризм возведены Вашингтоном в ранг государственной политики?

Словом, с какого угла к «миротворческой» риторике Р. Рейгана и К° ни подойди — не вяжутся, никак не вяжутся концы с концами у вавшингтонских яст-ребов, пытающихся в целях маскировки вырядиться в голубиное оперение. Внеш-няя политика США — это политика наиболее агрессивных сил империализма, ко-торые, вознамерившись перекроить на угодный им манер политическую карту мира, встали на путь безудержного милитаризма и нагнетания напряженности. И это зовет народы к бдительности!

Евгений КОРШУНОВ

А
Е
С
Е
В
А
Е
Х
В
А
Е
П
Е
Т

И в Бейрут пришла весна. Еще погромы хищают изредка последние зимние грозы, еще хмурится море, выбрасывая на песчаные пляжи грязь и всяческие отходы, спускаемые в него кораблями американского 6-го флота, коварно укрывающимися за горизонтом. Еще кутаются в теплые клетчатые платки «комбатанты», зани-мающие позиции в заснеженных горах над Бейрутом. Но весна уже пришла.

Ливанцы с надеждой смотрели на ее приближение: может быть, за ней последует наконец спокой-ное лето, лето возрождения Лива-на, излечения его от затяжных тяжелейших политических, эконо-мических и социальных болезней, слившихся в тот самый клубок, ко-торый на международной арене именуют сегодня «ливанским кри-зисом».

Ливанец — человек по своей на-туре деловой, предприимчивый и чуждый пессимизма. Сами о себе ливанцы говорят: «Мы как кошки, как нас ни брось, все равно пада-ем на все четыре лапы». Но после девяти лет кризиса, после девяти лет огненных сплохов граждан-ской войны и израильских вторже-ний оптимистов в Ливане стано-вится все меньше. Все, кто может уехать в зарубежные страны, за-цепиться там хоть за малейшую возможность жить и работать, стараются сделать это как можно скорее.

Бейрут сегодня вновь разделен на западный и восточный секторы, западный контролируется нацио-нально-патриотическими силами и шиитским движением «Амаль». Восточный — так называемыми «ливанскими силами», отрядами правых, насчитывающими до ше-сти тысяч человек. В Восточном Бейруте правые ввели обязатель-ную воинскую повинность и соби-рают в свою пользу различного вида налоги. Облагают они данью и товары, поступающие в Бейрут через контролируемый ими порт Джуню. Бейрутский же порт, они держат под обстрелом, не давая возможности возобновить его ра-боту, прекращенную в первых числах февраля. Под угрозами об-стрелов правые держат и бейрут-ский международный аэропорт, находящийся в западном секторе. Что из того, что каждый лишний день закрытия порта и аэропорта все больше приближает к оконча-тельному краху и без того дыша-щую на ладан национальную эко-номику Ливана! Правые силы, про-должающие откровенную ориен-тацию на США и Израиль, цинично именуют умертвление «легких стран» (как ливанцы называют морской порт и аэропорт Бейру-та) «средством политического дав-

ления». Таким же «средством» является и энергетическое удушение большей части Ливана, вот уже полгода лишенного нормального снабжения электроэнергией. Основная электростанция, снабжающая Бейрут и значительную часть страны электроэнергией, находится примерно в тридцати пяти километрах южнее Бейрута и контролируется правыми, опиравшимися на израильские танки.

После 6—7 февраля, когда национально-патриотические силы и шиитское движение «Амаль» установили свой контроль в западном секторе, там значительно прибавилось руин. До сих пор орудия тех частей ливанской армии, которые не перешли на сторону повстанцев, и орудия правых ведут огонь по населенным кварталам Западного Бейрута, особенно по району, носящему название «Южный пригород», где в развалинах ютятся сотни тысяч бедняков-шиитов. А над так называемой «зеленой линией», разделяющей город на два сектора, то и дело вспыхивают ожесточенные бои. И тогда закрывается единственный мост, с 7 до 17 часов связывающий секторы в районе Национального музея. «Мост» охраняется с восточной стороны «правыми» и солдатами армии, а с другой — бойцами Прогрессивно-социалистической партии.

Нормализации обстановки в Ливане препятствуют непрекращающиеся провокации израильской военщины, оккупирующей значительную часть территории страны. На днях агрессоры вновь подвергли обстрелу в долине Бекаа позиции сирийского контингента межарабских сил по поддержанию мира в Ливане.

Ливанские патриоты продолжают наносить удары по захватчикам на юге страны.

Американские позиции у бейрутского аэропорта занимают сегодня солдаты 6-й бригады ливанской армии, те, что 6—7 февраля отказались стрелять в народ и объявили о своем нейтралитете. Фактически ливанская армия расколота, и вопрос о ней — один из острейших вопросов на пути к восстановлению в Ливане национального согласия.

В ливанском небе совершают полеты самолеты, базирующиеся на авианосце «Джон Кеннеди». В горном местечке Бейт Мэри, в zone правых, в старинном монастыре расположилось американское подразделение, занимающееся военной разведкой и наведением орудий кораблей 6-го флота. В Бейруте продолжают оставаться около трехсот американских морских пехотинцев и военных советников, охраняющих посольство США. Их же, в свою очередь, «охраняют» заставы национально-патриотических сил. Забавный факт: эти заставы спасли, может быть, жизнь не одного американца, во время открытия огня по катеру, недавно пытавшемуся атаковать морских пехотинцев с моря. Газеты писали о том, что это провокационное нападение было совершено правыми.

Но вернемся к весеннему Бейруту. На склонах окружающих его гор уже появились россыпи альных маков — словно кровь, пролитая в последние недели, выступила на ливанской земле. На тележках торговцев — корзины парниковой клубники, ароматные желтые дыни, ввезенные из оккупирован-

ванного израильтянами Южного Ливана. Жители южноливанских районов борются против оккупантов всеми способами: с оружием в руках (лишь в минувшем феврале организация фронт национального ливанского сопротивления провела против оккупантов 37 боевых операций), политически (не проходит дня без антиизраильских демонстраций, митингов, забастовок) и экономически: несмотря на все усилия оккупантов разорить сельское хозяйство Южного Ливана, местные крестьяне в невероятно трудных условиях продолжают работать на земле и пользоваться ее плодами, а также поставлять их в Бейрут.

На улицах и в переулках Западного Бейрута не видно больше танков и броневиков ливанской армии. Разобраны построенные южноливанцами баррикады из мешков с песком, исчезли заставы и патрули, сам собой отменился комендантский час. «Ощущение такое, — сказал мне один мой знакомый бейрутский студент, — что мы освободились от оккупации. Армия вернулась в казармы, никто не держит нас на прицеле пулеметов и пушек. Западный Бейрут вновь стал свободным городом. Там теперь свободно дышится».

Конечно, Западный Бейрут больше не похож на город, оккупированный собственной армией. Но далеко не все проблемы безопасности решены в нем сегодня. В дни февральских боев толпа захватила тюрьму и выпустила всех без разбора — и уголовных преступников и тех, с кем власти имели политические счеты. Уголовные элементы немедленно постарались наверстать упущенное во время вынужденного безделья, и тогда шиитскому движению «Амаль», 6-й бригаде армии и 16-й бригаде жандармерии пришлось совместными усилиями заниматься проблемами обеспечения порядка и законности. В ходе двухдневной операции были разоружены элементы, стремившиеся к срыву соглашения о прекращении огня, достигнутого на недавней конференции по национальному примирению в Ливане, проходившей в швейцарском городе Лозанне. Считается, что проблемы безопасности были главными на этой конференции, в которой приняли участие представители основных политических сил и направлений Ливана.

Вообще же, поскольку от этой конференции большинство ливанцев ожидало решения сразу чуть ли не всех проблем страны — и внутренних и внешних, — результаты ее, прямо скажем, вызвали у широкой ливанской общественности разочарование. «Гора родила мышь», — съязвил бейрутская газета «Орьян-Жур». Лидер же Прогрессивно-социалистической партии Валид Джумблат гневно обрушился на представителей правых сил, участвовавших в конференции в Лозанне, обвинив их в срыве уже бывшего, по его словам, возможного достижения национального согласия. Но, с другой стороны, есть и умеренные и даже положительные оценки результатов конференции. Звучат утверждения, что конференция в Лозанне — остановка, необходимая на полпути. И что все проблемы, накопившиеся за девять лет, невозможно было разом решить всего лишь за девять дней...

Бейрут, по телефону.

В ливанской столице после очередной перестрелки.

В Западном Бейруте после взрыва.

Фото АП — ЮПИ — ТАСС

Ванда БЕЛЕЦКАЯ,
специальный корреспондент «Огонька»

Фото А. ПУШКАРЕВА и В. КУЗМИНА (ТАСС)

«Даже подумать страшно, сколько открытий и в космических и в земных науках человечество бы не досчиталось, не соверши Юрий Гагарин свой легендарный полет. Мы еще до конца не осознали, что значит этот рубеж. Стало другим все: наука, техника, человек, его мировоззрение. С полета Гагарина началось наше космическое братство. Советские долговременные орбитальные станции стали общим домом для космонавтов многих стран, плацдармом мирных научных исследований в космосе. Самые смелые космические проекты оказались нам по плечу».

Так говорил мне болгарский космонавт Георгий Иванов. И теперь в Праге, во время беседы с чехословацкими учеными — активными участниками программы «Интеркосмос», мне отчетливо вспомнились эти слова...

Первым, кто из социалистических стран вступил в космическое братство, рожденное Юрием Гагариным, первым, кто побывал на советской орбитальной станции, был гражданин Чехословакии Владимир Ремек.

— Наверное, мы одновременно с Владимиром Ремеком начали готовиться к этому полету, — улыбаясь, говорит доктор физико-математических наук Аlesh Тржиска. — Ремек приступил к тренировкам, а мы к созданию экспериментов по космической плавке «Морава-сплавы» и «Морава-кристаллы», которые Ремек вместе с советскими космонавтами потом выполнял на борту «Салюта».

Наш разговор происходит в одном из крупнейших научных учреждений Праги — Физическом институте Чехословацкой Академии наук. Его возглавляет президент Академии наук республики академик Богумил Квасил. Профессор Аlesh Тржиска — заместитель директора института.

Когда Юрий Гагарин совершил свой полет, Аlesh еще учился в школе. 12 апреля 1961 года было празднико и в его родном городе Иванчице в Моравии.

Аlesh Тржиска окончил Пражский политехнический институт в 1967 году. Если поменять две последние цифры местами, получится дата — 1976, — начиная с которой молодой ученый связан с «Интеркосмосом». Советом по международному сотрудничеству в области исследования и использования космического пространства при АН СССР.

— Сначала шла самая важная работа — по жизнеобеспечению космонавтов в полете, на орбитальных станциях. Сейчас проблема решена, освободились силы для подготовки и других экспериментов, в том числе по космическому материаловедению, которым среди прочих вопросов занимается и наш институт, — говорит профессор.

Я спрашиваю ученого о резуль-

татах работ по космической плавке, которые вели на «Салюте» Ремек с Губаревым. После возвращения из космоса все материалы экспериментов внимательно обрабатывались в лабораториях, в том числе и здесь, в пражском Физическом институте.

— Представьте себе, результаты самые неожиданные! Ремек и Губарев плавили в невесомости хлорид серебра и хлорид свинца и следили за отвердеванием сплава. На борту «Салюта» шли опыты и с другими материалами. Ученые и раньше предполагали, как невесомость должна влиять на свойства полученных сплавов. Например, думали, что свинец и медь в невесомости дадут однородное вещество. Однако вышло не так: разделение при плавке в невесомости больше, чем на Земле.

А вот еще пример нового открытия в физике, сделанного после космических экспериментов. Оказалось, что у тройных сплавов, полученных на Земле и в космосе, совсем разная структура. Это четко показывает рентгеновский анализ. Почему? Неизвестно. Есть предположение, что невесомости меняется точка затвердевания вещества. Она ниже, чем на Земле. Это наша гипотеза, но ее надо еще проверить. Космическое материаловедение — наука молодая, она только делает свои первые шаги.

— Ваш институт готовит аппаратуру для совместных исследований по космическому материаловедению. Созданы ли новые печи для плавки в невесомости и чем они отличаются от той, с которой работали Ремек и Губарев?

— Созданы. И много умнее и сложнее прежней. В печах создается любая температура, начиная от комнатной точнее, той, что на борту орбитальной станции, и кончая тысячью градусами. Плавить в печах можно любые металлы, разумеется, если их точка плавления до тысячи градусов. За плавкой следит электроника. ЭВМ работает по четкой программе, управляет процессом плавки, записывает все данные. Для нас счастье, что мы получили возможность работать в системе «Интеркосмос», — заканчивает беседу Аlesh Тржиска, — Чехословакия — небольшая страна и самостоятельно не могла бы создать национальную программу космических исследований. Вести эти исследования помогает взаимопомощь, сотрудничество, помогает наша дружба.

...Космическая дружба. Многие исследования Земли и Вселенной были бы без нее невозможны. В том числе и поистине фантастический проект — исследование таин-

Еще одна примерка скафандров. В. Джанибеков и французский космонавт Жан-Лу Кретьен на Байконуре.

КОСМИЧ

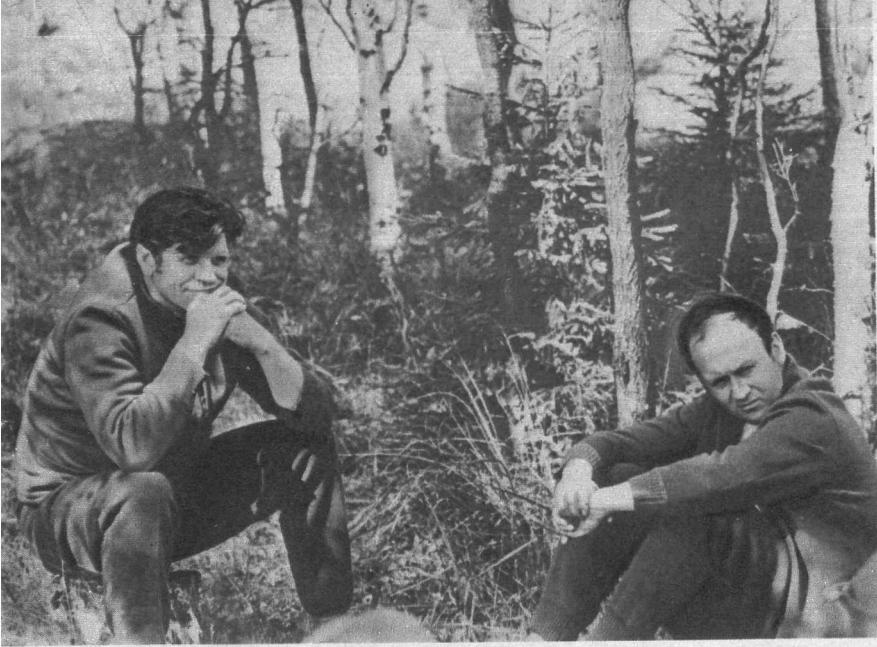

В небесах и на море их связывала дружба. В. В. Горбатко и Фам Туан (Вьетнам).

БРАТС

«Космические» семьи В. Н. Кубасова и Берталана Фаркаша (ВНР).

Короткий отдых. А. А. Губарев и В. Ремек (ЧССР).

ЧЕСКОЕ

Арнальдо Тамайо Менедес, первый космонавт Кубы.

ДВО

Равиши Мальхутра и Ракеш Шарма (Индия) во время лыжной прогулки в Звездном городке.

ственной кометы Галлея — обязан ей своим рождением. Руководит работой директор Института космических исследований Академии наук СССР академик Р. З. Сагдеев. Участие в проекте принимают специалисты ряда социалистических стран, Франции, Австрии, ФРГ. А со стороны Чехословакии работу возглавляет заведующий отделением космической физики Астрофизической обсерватории ЧАН Борис Вальничек.

Несколько лет назад мне довелось побывать в этой обсерватории неподалеку от Праги и встречаться с доктором Вальничеком. Тогда ученые Советского Союза и Чехословакии вели совместные работы по изучению Солнца. Борис Вальничек увлеченно рассказывал о своих поездках в обсерватории Крыма, Кавказа, Саян, где вел в ту пору исследования.

И вот новая встреча. На этот раз меня привела сюда комета Галлея, комета с очень «плохой репутацией». Впервые ее наблюдали в Китае в пятом веке до нашей эры. Летописцы всегда связывали ее приближение к Земле с эпидемиями, неурожаями, войнами.

Свое имя комета получила в честь английского геофизика Эдмунда Галлея, жившего на рубеже XVII и XVIII веков. Он доказал, что комета — член Солнечной системы, рассчитал периодичность ее движения. В 1682 году она проходила вблизи Земли. Английский ученый предсказал время ее следующего появления — 1758 год.

Комету Галлея наблюдают лишь раз в 76 лет и знают о ней очень мало. Сейчас она опять приближается к Земле...

— О популярности кометы беспокоились многие западные предсказатели ужасов, — улыбается Борис Вальничек. — К сожалению, и сейчас есть на Земле неизлечимые болезни, льется человеческая кровь, но комета здесь ни при чем. В последний раз она появлялась вблизи Земли в 1909—1910 годах и во время двух страшных мировых войн была далеко от нас. Думаю, что это ее достаточно «реабилитирует» в глазах самых суеверных людей.

— Тогда комета проходила очень удачно для астрономов — между Солнцем и Землей. Как пройдет она теперь?

— В предыдущий раз ученым повезло — комете можно было хорошо увидеть. А сейчас увидеть ее можно будет только с южного полушария и очень недолго. Но зато теперь человечество впервые получило возможность исследовать комету с помощью космических зондов и межпланетных станций.

«Вега — Венера — Галлея» — так называется проект «Интеркосмоса». Уже недолго осталось ждать момента, когда с космодрома Байконур уйдет во Вселенную с небольшим интервалом две межпланетные станции. Следуя по околосолнечной орбите, они сначала встретятся с Венерой. От станций отделятся спускаемые аппараты и сядут на Венеру, получив задания по изучению планеты. Станции же продолжат свое космическое путешествие и в марте 1986 года пройдут совсем рядом с головой кометы Галлея. Специальные приборы получат и передадут на Землю сведения о составе газов кометы, их химических свойствах, температуре... Ученые узнают, наконец, как выглядит вблизи таинственная незнакомка. Эти сведения могут оказаться полезными и для объяснения генезиса нашей планеты, ведь исследователи надеются получить данные о составе протопланетства...

Проект невероятно сложный. Можно представить себе, как надежны должны быть приборы, посланные в космос так надолго и с таким трудным заданием! Как точно рассчитан их путь, чтобы, дви-

гаясь по просторам Вселенной, они не разминулись с летящей им на встречу кометой, да еще предварительно «заехали» на Венеру!

— Каково участие в этом проекте «Интеркосмоса» Чехословакии? — спрашивала я ученого.

— Космические зонды, которые уйдут в декабре с советского космодрома, понесут большой груз — сто восемьдесят килограммов точнейшей научной аппаратуры. Для этого груза мы готовим несущую платформу. Аппаратуры будет немало: две крупные телевизионные камеры, широкоугольная камера для фотографирования, различные приборы для изучения спектра кометы, состава газов, температуры. Приборы делают в СССР, Венгрии, ГДР, Болгарии, Польше, Франции и в ряде других стран.

Все эти тончайшие исследовательские приборы должны действовать согласованно, их надо водить даже не с ювелирной, а с космической точностью. Ведь встреча зондов с кометой произойдет на скорости 80 километров в секунду! И вся аппаратура должна выдержать 440 дней путешествия в космическом вакууме до долгожданной встречи! Для управления платформой используется сложнейшая электроника, на борту межпланетных станций стоит специальная электронно-вычислительная машина.

— Какие научные учреждения Чехословакии участвуют в проекте?

— Кроме нашей обсерватории и Астрономического института Словацкой Академии наук в Высоких Татрах, около сорока научных учреждений, а также лучшие заводы страны. Есть у нас, конечно, трудности. Главная из них — сроки. Строгие законы небесной механики не позволяют выйти из графика. Ни раньше, ни позже нельзя запустить межпланетные лаборатории, иначе они разминутся с Венерой и с кометой Галлея. А через 76 лет, сами понимаете, наши приборы никому не понадобятся. Это, конечно, шутка, — продолжает учений, — но точность выполнения графика работ здесь особенно важна. По контрольным дням на наши летучки собираются руководители предприятий, Чехословацкой и Словацкой Академии наук, министры. Мы постоянно связаны с Москвой, с «Интеркосмосом».

— А где вы сами будете, когда начнется осуществление проекта?

— Надеюсь, что на Байконуре. Мы все так долго готовили эту пьесу для небесного театра, что я, конечно, мечтаю ее увидеть.

Сейчас в Советском Союзе идут репетиции «пьесы», о которой говорил в Праге доктор Вальничек. Многие приборы испытаны на Земле и в космосе. Например, совсем недавно на орбитальной станции «Салют» космонавты Л. Кизим и В. Соловьев использовали аналогичную французскую аппаратуру «Пирамид» для фотографирования другой кометы, проходящей вблизи Земли, — Кроммелина. Сделанные ими наблюдения помогут точнее наладить приборы, предназначенные для съемки кометы Галлея.

...Новые открытия в естествознании; смелые проекты изучения Вселенной; экспедиции интернациональных экипажей, работающие на борту советской орбитальной станции «Салют»; постоянно растущая семья космонавтов — все это этапы работы «Интеркосмоса», страницы, вписанные космической дружбой в книгу познания и мира.

Иструмчущий небо

Василий ЗАХАРЧЕНКО

Цикл стихотворений, часть которого публикуется сегодня, я посвятил первому космонавту планеты — Юрию Гагарину, с которым в свое время счастливо свела меня судьба.

Человечество, извечно мечтавшее о небе и о свободе, никогда не забудет подвига этого обаятельного человека.

Автор.

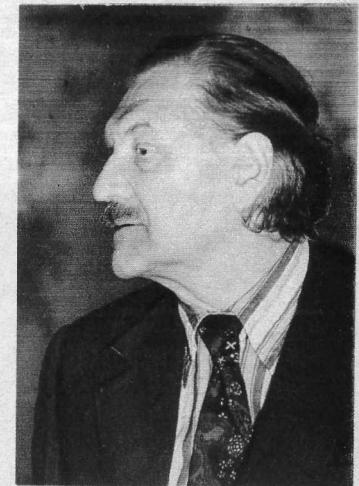
ИКАР

Мне воск
круглые плечи опалил.
Мне мозг
исколошматила идея.
Я простираю перья легких крыл,
От мысли о полете холода.
Глядите все —
я отдал столько сил,
Не отступлюсь.
Сгораю, не робея.
Лететь!
Лететь!
Какой высокий стиль —
На крыльях в лазуритовое небо.
Прости меня, история. Прости.
Да был ли я?
Иль, может, вовсе не был?
Быть может, то не я — птеродактиль
Вонзал крыла в распахнутое небо?
Сличая отпечатки на камнях,
Мучительно разыскивая:
— Где я? —
Быть может, изучают не меня,
А я был нужен просто как идея!
Как Прометей был нужен для огня,
Так я неотделим от Прометея.
Да, я Икар.
И я не сдвинусь с места.
Фантазия, ты создала меня.
И я живу синонимом протеста,
Чтоб человек мечте не изменял!
Из одного мы вылеплены теста,
И одного хлебнули мы огня.
Я нужен вам.
Я дал вам крылья, люди,
Чтоб вечно вы стремились в небеса.
И, как пророк, я говорю:
— Да будет
Бессмертна страсть,
как горы и леса.
Святая страсть к полету
пусть вас будит,
Как ветер.
Мы под ветром —
паруса!

ЛЕГЕНДА О НИКИФОРЕ НИКИТИНЕ

Жил в деревушке маленькой и тихой —
Таких в России было много в старь —
Простой мужик
по имени Никифор,
По прозвищу народному —
летарь.
Он был умелец —
мастерил умело.
И был к тому же грамотен зело.
Задумал он рискованное дело
И сделал бы...
Да парню не везло.
В утайку —
не хотел общенародно —

Он крылья для полета мастерил.
На людях
не совсем богоугодно
Он что-то там о церкви говорил...
И припугнули парня:
окаянный,
Пока еще не поздно, торопись,
Скорей иди, к народу с покаянной.
На людях помолись
и отрекись!
Куда там...
Околдованный Никитин
Кричит одно:
— Нет бога! Полечу!
Вот крылья обмозгую, погодите,—
Крылатым что — им небо по плечу!
Не дали развернуться парню —
взяли,
И в каталажку.
Ну, а следом — суд.
Крамольного умельца приуяли
И приговор, гляди, уже несут:
Сломать богопротивную машину
И, чтоб народ изгойством не пугать,
От церкви богохульника отринуть,
Подальше, на окраину сослать.
Подумать только —
просто на смех курам
О чем мечтает въедливый мужик!
Пускай-ка у казахов Байконура
Подумает о жизни еретик!
И вот сослали.
И прибыл Никитин
В глухие и далекие края.
Уж слишком был он к небу любопытен —
Ну, а таких не балует Земля.
Чуть размечтался —
и под зад коленцем.
А здесь ни хаты —
несколько конур.
Таким предстало перед поселенцем
Казахское селенье Байконур.
И ковыли.
До плеч.
До окоема.
С восхода до заката ковыли.
И небо бесконечного объема.
И звезды бесконечные вдали.
Они вели
крестьянского фантаста
Одним из удивительных путей
От царского слепого супостатства
До этих байконурских ковылей.
Никифор поднял хатку
и ночами
Глядел на небо.
Был чему-то рад.
И зашушкались односельчане,
Что будто строит новый аппарат...
Так и скончался в далях байконурских,
Не дотянув до нынешних чудес,
Летарь опальный —
сумасшедший русский,
Дерзнувший размечтаться до небес.

Пускай не видел он
в победной гари

Горнило запуска.

Пускай не видел он,
Как улыбался радостно Гагарин,
Полетом предстоящим упоен.
Не видел путь,

как возвращался Юра,
Его друзей заоблачный разбег.
Но верил он в одно:

из Байконура

Впервые в Космос выйдет Человек.

БАЛЛАДА О ТРУБАЧЕ

В день запуска был Королев неистов —
Всех загонял,
хоть жалуйся, хоть плачь.

И вдруг приказ:
из всех специалистов
Сегодня нужен Главному
трубач.

— Ну что ж, трубач,
поди, не кран стотонный,
Он человек...
Найдем наверняка...

бойца из Первой Конной —
Садовника, седого старика.
Старик смущился перед Королевым.
— Неужто Главный?..

Ну, а тот — затих,
Глядит в упор
и ни единим словом...

— Коль что не так,
ты, Палыч, нас прости...

— Да что ты, дед?
Ты жизнь прожил законно,
Как говорится,
знаешь что почем.

Прослыпал я,
служил ты в Первой Конной
И, говорят,
был первым трубачом.

— Служить служил...
— Так завтра, самой ранью
Тебе положено играть зарю.
Внемли наипочетному заданию,
Оно — приказ.

— Что ж, зорю повторю.
Да больно стар я стал.

Не хватит дыху.
А ведь трубил когда-то ой-ой-ой...—
Крутнул усы по-стариковски лихо
И вдруг поник седою головой.

— Ты что, старик?
— Да дело в том: с трубою
Дела труба... Ее в помине нет.
Годков-то сколь прошло над головою...
— Ты погоди,

ты не печалься, дед,
Найдем трубу.

Все у тебя от нервов.
Ведь главное, что духом не убыл.
Трубу найдем.

Найдем у пионеров.
Ну как же пионерам без трубы?

Заря крылом коснулась Байконура
И замерла, зарывшись до бровей
В степной ковыль.

Лишь ветерок понуро
Прошелестел по стрелкам ковылей.

В. Орловский. 1842—1914. ПЕЙЗАЖ С ОВЦАМИ.

Куйбышевский художественный музей

Когда же над разбуженной планетой
Поднялся солнца раскаленный диск,
Вдруг озарился нестерпимым светом
Космический корабль,
как обелиск.

Он был красив
красой иного рода,
Чем все, что раньше создал человек.
Дымился испареньем кислорода,
Уже готовясь начинать разбег.
Сверкал литыми гранями металла,
Кося багровым взглядом на меня,
И тень его уже напоминала
Закинутую голову коня.
Еще мгновенье,
отойдут зачалы,
Рванется реактивная свеча,
Как новой эры грозное начало,
Ракетоносной мощью клокоча.
В предгрозовом затишье Байконура,
В тот самый-самый сокровенный миг
Поднял трубу мальчишескую хмуро
Увешанный медалями старик.
В буденовке,
посланец Первой Конной,
Играл зарю,
руладами звена.
И видел он, как падали колонны,
Державшие небесного коня.
И понял он,
какая даль открыта,
И слушал
вместе с тысячию сердец,
Как уходил на огненных копытах
Подкованный эпохой жеребец.
Трубач затих и опустился плавно,
Уже не слыша тех последних слов,
Которые сказал
для мира — Главный,
А для своих — товарищ Королев:
— Ну что, отец,
мы начали неплохо,
И что ты там теперь ни говори,
А мы открыли
новую эпоху
С октябряской той
негаснущей зари!

ЮРА ИГРАЕТ В ФУТБОЛ

В березняке нашли поляну вместе,
Поддули чуть сморщившийся мяч,
Подбросили монетку —
честь по части —
И начали босыми первый матч.
Казалось бы,
как все обыкновенно —
Ликуют парни,
назревает гол...
Нет, это первый человек Вселенной
Играет с космонавтами в футбол.
О этот матч,
стремительный, отчаянный!
В крови колено...
— Наплевать, пошли! —
Как будто поцарапался случайно
О заостренный краешек Земли.
Пусть ссадина горячая зардела,
Бежать, крича,
и хохотать до слез!
И в мире нет сейчас важнее дела,
Чем мяч загнать промежду двух берез.
О страсть натренированного тела,
Предельный взлет взволнованной души!
Вот так же среди звезд осатанело
Лететь,
пространство с ходу сокрушив,
Как этот мяч,
между берез летящий,
Как крик победы в том березняке.
Футбольный мяч у заповедной чащи,
С ромашкой в поцарапанной руке!
И целый мир
в голубоватой дымке —
Весь, вон он,
раскрутился под тобой,
Забыв обиды, войны, недоимки,
Наш старый, добрый,
милый шар земной,
Космическими трассами расцвечено...
Когда тебя поманят высота,
Вновь передернув от восторга плечи,
Мальчишески восхликаешь:
— Красота!

Какая сумасшедшая погода!
Футбол какой!
А как игра пошла!
И, смахивая капли с подбородка,
Небрежно бросить:
— Наша-то взяла!..
Вот так и жить,
чтоб рваться непрестанно
С ромашковой поляны
хоть до звезд!
Упасть
на ту же самую поляну,
Среди таких же
тоненьких берез...

НА ДАЛЕКОЙ ЗВЕЗДЕ

Мы жили с тобой
На планете иной.
Мы жили, как дети,
На этой планете.
Мы только забыли,
Какими мы были.
Мы только не знали,
Какими мы стали.
Припомни,
ну как же?
Чего же молчишь ты?
Мы жили с тобой
на далекой звезде.
Смешная любовь —
восхищенье мальчишки —
Тебя окружала всегда и везде.
Припомни, какое бездонное небо!
Два солнца на небе —
и оба твои.
И хлеба краюха — пшеничного хлеба.
И душное ложе опавшей хвои.
А губы не знали, что скоро сольются,
Роняли дробинки незначащих слов.
И месяц над нами летающим блюдцем —
Немой собеседник нездешних миров.
Так что приключилось?
Не получилась,
Не пролучилась наша любовь.
На дальней планете такое случилось
И, знаю, что было —
не сбудется вновь,
Как сосен гудящих упругая струнность
И сердца еще не растреченный пыл,
Звезду называли
по-нашему — Юность.
Тебя — Аэлита...
Меня — позабыл...

БИОПОЛЕ ЗЕМЛИ

Пусть считают меня чудаком —
Понимаю, моды прошли —
Я люблю ходить босиком,
Ощущать биополе Земли,
Что незримо проходит насквозь,
Облучая сердце мое.
Понимаю — немыслимо врозь!
Понимаю — навеки вдвоем!
Но живем мы сегодня не так,
К облакам громоздя этажи,
Забывая: с Землею контакт —
Непреложное право на жизнь.
В тесноте есть какая-то фальшь.
Ну, а если подумать трезвой,
Никогда не заменит асфальт
Влажноватую пряность полей.
И, наверное, в том и беда,
Что за внешней своей кутерьмой
Нас отвадили города
От естественной дружбы с Землей.
Отучились ходить босиком.
И лежать на траве-мураве,
Наклоняться над родником,
У ночного костра суроветь.
Закусив колосочек во рту,
Промокать до нитки в грозу
И в ладонь, как тяжелую ртуть,
Собирать голубую росу.
Все спешим... На неистовость шин
Километры мотаем дорог,
Пассажиры крылатых машин
Вышли Космосу на порог.
Но и там, на орбите орбит,
В бесконечно далекой дали
Наше сердце извечно хранит
Материнское поле Земли.

СРЕДИ КНИГ

ЛЕОНИД
ПОЧИВАЛОВ

Сезон
тропических
дождей

ВДАЛИ ОТ РОДИНЫ

Советский человек за рубежом: строитель, врач, дипломат... Эта богатая тема еще «обживается» в нашей литературе: по пальцам можно пересчитать художественно-публицистические произведения, рассказывающие о нелегкой и ответственной миссии посланцев Страны Советов в разных углах земного шара. Вот почему роман Леонида Почивалова «Сезон тропических дождей» представляет несомненный интерес для широкого читателя.

Мы встречаемся в романе с Асибей и ее столицей Дагосой, которых не найти на географической карте, но которых доносят до нас знаменитые дыхания Экваториальной Африки, радости и беды свободолюбивого народа, строящего новую жизнь. Помогает ему в этом Советский Союз, исполняющий здесь свой интернациональный долг и противостоящий колониальной политике США и других империалистических держав.

Автор романа, журналист-международник и писатель, хорошо знаком с африканским континентом, его обычаями и проблемами. Поэтому ему удалось воссоздать не только яркие краски саванн, но и панорамную картину сложных социальных процессов, показать противоборство прогрессивного и реакционного. В центре романа — советские дипломаты, ведущие свою родословную от легендарного поколения чичеринской школы. Именно Октябрьская революция сформировала тот облик советского дипломата и человека, которым мы законно гордимся и который выигрывает в глазах народов развивающихся стран да и всего мира по сравнению с представителями Запада.

Интернационализм, демократичность, сердечность — эти неотъемлемые черты наших людей за рубежом столь же важны для местного населения, как и результаты труда советских специалистов и дипломатов. Мы лишний раз убеждаемся в этом, читая роман. Его герой, в первую очередь Антонов и Ольга, подкупают незаданностью характеристики. Они не придуманы, а взяты из жизни. Веришь, что таких людей автор не раз видел в Африке. Их будни, заполненные трудовыми заботами, проходят перед нами без патетики и энзотики (хотя последней вокруг них хватает). Избегая сложившихся стереотипов, писатель рисует образы и ситуации, порой для дипломата нетрадиционные. И в этом одно из главных достоинств романа.

Читатель не может оставаться безразличным к конфликту Антонова с женой, где дело прежде всего и где эмоции подчиняются долгу. Но Антонов не бездушный автомат, он глубоко переживает случившееся, чувствуя, что по-настоящему не знал женщину, которая была рядом с ним долгие годы. Подобная житейская коллизия делает произведение более достоверным и убедительным.

Неожиданными гранями раскрывается характер главного героя. Его нередко можно упрекнуть и в излишней горячности, и в недостаточной выдержанке, и в подверженности минутным настроениям, что, как известно, вряд ли относится к положительным качествам дипломата. Однако на практике именно такие люди — самозабвенные в работе, деятельные, инициативные, настойчивые — нередко оказываются самыми полезными в работе.

Злободневность и незаданность, о которых уже говорилось выше, пронизывают книгу с начала до конца и с особой силой выступают в кульминационном моменте романа, когда на Дагосу совершают налет белые наемники. И здесь один из коллег Антонова — Демушкин, человек в общем-то малосимпатичный, от которого по логике развития образа читатель вроде бы не ждет ничего примечательного, проявляет спокойное мужество, никак в нем не предполагавшееся. Так же ведут себя в критической ситуации другие работники посольства, достойно продолжающие лучшие традиции советской дипломатии — ровесники Октября.

О. ЮРЬЕВ

Леонид Почивалов. Сезон тропических дождей. М., «Молодая гвардия», 1983, 479 с.

ВСЕГДА НАЧЕКУ!

Б. СОПЕЛЬНИК

До чего же странно устроена человеческая память: живешь себе, и вовсе не думаешь о том, что было с тобой лет тридцать — сорок назад, потом вдруг толчок — и так ясно предстает перед тобой и любимый конь-качалка с оторванным хвостом, и кусок каменно-твердого рафинада, и кровь на припороженном битым кирпичом асфальте.

Именно такой толчок испытал я совсем недавно. Собирая материал ко Дню войск противовоздушной обороны, зашел в Музей истории войск ПВО. Музей, кстати, прекрасный. Он хоть и невелик, но так любовно оформлен, документы и экспонаты подобраны так продуманно, что сразу ясно, почему здесь всегда много посетителей. Вот декреты, постановления и приказы, из которых видно, что с самого зарождения войска ПВО обвязаны лично В. И. Ленину. Именно по его настоятельной просьбе рабочие Путиловского завода отправили под Гатчину зенитный бронепоезд для борьбы с самолетами мятежников. 30 октября 1917 года у Красного Села зенитчики сбили белогвардейский самолет — первый, открывший боевой счет молодых советских воинов противовоздушной обороны.

Зенитчики и летчики ПВО храбро сражались на всех фронтах гражданской войны, и, несмотря на то, что у белогвардейцев и высадившихся сил Антанты в самолетах было подавляющее превосходство, им не удалось нанести ни одного, я подчеркиваю, ни одного сколько-нибудь значительного урона по городам или другим важным объектам Советской республики.

В двадцатые и тридцатые годы войска ПВО росли и крепли: появившиеся новые истребители, более совершенные зенитные орудия, прожекторы, радиолокационные станции и т. п. И все же в первые дни Великой Отечественной войны лет-

чикам и зенитчикам было очень и очень трудно, ведь гитлеровцы бросили на наши города, села, коммуникации и военные объекты около пяти тысяч самолетов. И это не случайно. В дневнике начальника генерального штаба сухопутных сил Гальдера сохранилась запись изуверского приказа Гитлера: «Непоколебимым решением фюрера является сровнять Москву и Ленинград с землей, чтобы полностью избавиться от населения этих городов. Задачу уничтожения городов должна выполнить авиация».

Одной из крохотных частичек этого населения был и я, четырехлетний мальчишок. Мне казалось, что я почти не помню бомбежек, стонов раненых, горящих зданий... Нет, как оказалось, помню! Видимо, то, что входит в детские глаза и уши, входит навсегда, на всю жизнь. А толчком для этих воспоминаний послужила диорама первого массированного налета на Москву в ночь на 22 июня 1941 года, которую я увидел в Музее истории войск ПВО. На Ленинских горах — зенитные батареи и пулеметы. Небо расчерчено яркими жгутами прожекторов. Над Лужниками и дальше — аэростаты. В район Новодевичьего кладбища падает сбитый бомбардировщик.

И вдруг сжалось сердце! Я мог уже не смотреть на диораму. Я мог обо всем рассказать сам. Я это видел! Ведь мы жили на Большой Пироговской, напротив Новодевичьего кладбища, и от бомбёжек прятались в щелях, вырытых на этом кладбище. Я четко вспомнил, что нас тогда разметало, что я потерялся, что лишь через двое суток мать нашла меня в отправляющейся на фронт воинской части. Кусок каменно-твердого и невероятно сладкого рафинада! Кто им угостил, какой солдат, уходя на фронт и не имея возможности попрощаться со своим сынишкой, пригрел чужого, потерявшегося во

время бомбёжки?.. Эх, знать бы это, найти бы этого солдата и сказать ему великое спасибо от всех осиротевших детей, от всех сорокалетних, выросших без отцов, не знающих их ласки, но помнивших ласку незнакомого доброго человека!

Да, в музее ходить надо. Надо хотя бы для того, чтобы всколыхнулось в душе все прожитое и пережитое, чтобы смыть накипь прожитых годов, чтобы увидеть в себе путь даже самое трагичное, зато самое главное. Бывают ситуации, когда самым главным становится самопожертвование. Я убежден, что люди, отдавшие за нас жизнь, поднимаясь в воздух или в атаку на неведомую высоту, меньше всего думали о самопожертвовании: они старались победить и, конечно же, не хотели умирать. Но возникал момент, когда собственная жизнь уже не была самым главным и самым дорогим. И люди шли на смерть. Шли сознательно. Вот они, передо мной, фотографии совсем молодых ребят, которым чертовски хотелось жить, но еще больше им хотелось загнать врага в гроб. Удивительно чистые лица и ясные, честные глаза у этих летчиков,бросивших себя и свои самолеты в смертельное пламя. Вот лейтенант П. Рябцев — в самом начале войны на глазах защитников Брестской крепости он таранил вражеский самолет. Вот младший лейтенант В. Талалихин, совершивший первый ночной таран, вот А. Катрич, таранивший фашиста на большой высоте, вот С. Здоровцев, М. Жуков, П. Харитонов — они первыми в начале войны были удостоены звания Героя Советского Союза.

А зенитчики... Им было не легче — ведь они открыты всем пулеметам, бомбам, осколкам и снарядам. К тому же зенитчикам приходилось сражаться не только с самолетами, но и с танками.

Об эффективности противовоз-

Репортаж из Музея истории войск ПВО

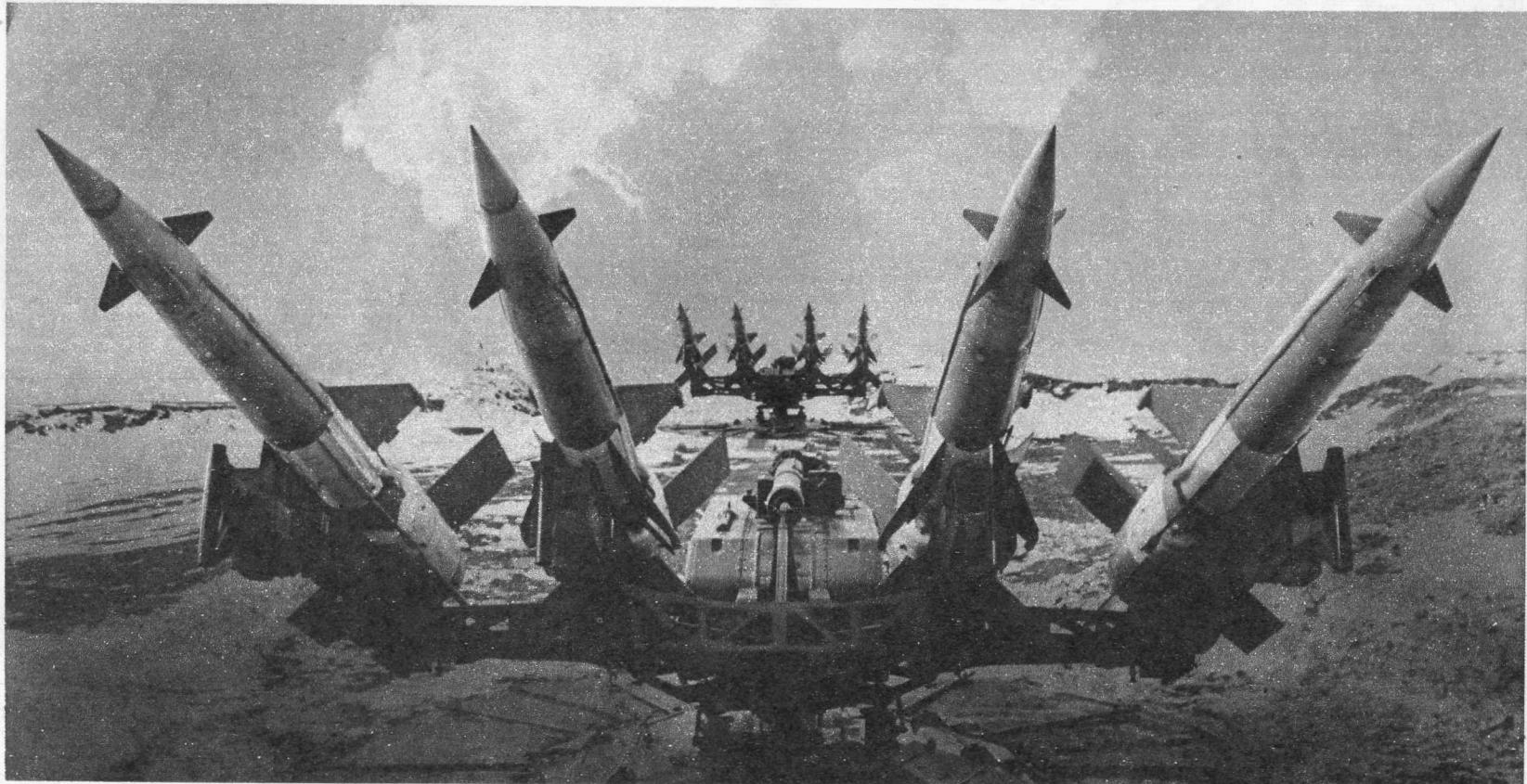
душной обороны Москвы лучше всего говорят цифры, а они таковы: защищая столицу, войска ПВО уничтожили 1305 самолетов, 450 танков, около 50 тысяч солдат и офицеров противника. Лишь три процента гитлеровских самолетов, участвовавших в налетах, смогли прорваться к городу. А всего за годы Великой Отечественной войны ПВО уничтожили более 7300 самолетов, свыше 1000 танков, около 1500 орудий и минометов, много другой техники и живой силы врага.

В эти цифры стоит вдуматься, особенно тем, кто и сейчас бряцает оружием и мечтает о «крестовом походе» против Советского Союза и наших друзей. А в том, что фронтовики передали оружие в надежные руки, можно не сомневаться, об этом говорят всем известные факты: и сбитый с первого пуска ракеты американский самолет-шпион У-2 — его обломки, кстати, в музее, их можно увидеть и даже потрогать; и уничтоженный в небе Заполярья американский же самолет-разведчик РБ-47; и многие другие решительно пресеченные воинами ПВО попытки вторгнуться в мирное небо нашей Родины.

Не следует забывать, что войска противовоздушной обороны — это войска постоянной боевой готовности, что им доверено выполнение задачи государственной важности — несение боевого дежурства. А это значит, что несущие боевое дежурство воины ПВО находятся не в учебной, а в боевой обстановке, и это независимо от того, день сейчас или ночь, праздник или будни, туман, дождь, пурга или пыльная буря. Они всегда начеку во имя того, чтобы у наших детей, растущих под мирным небом, не было таких горьких воспоминаний, как у их отцов и дедов, видевших небо во взрывах и сплохах пожаров.

На страже неба.

Фото Г. Шутова

Старший лейтенант Виктор Каменда оглядел пляж и надел акваланг. Очень хотелось признаться, что владеет он им неважно, на «троеку». Но делать было нечего, надо было идти в воду, попробовать у берега, а потом нырнуть несколько раз на глубину. Ничего, можно действовать...

— Тарануха, Фридман — в лодку! Идите рядом, на расстоянии. Будете меня подстраховывать...

И пошел к оконтуренному до него квадрату, метров четыреста от берега. Там погрузился. Вода чистая, спокойная. Рыбки серебрятся. Тишина. А внизу прямо перед глазами — они. Одна стоит стоймя, носом зарылась в песок. Другая лежит рядом. Осторожно обошел их поверху, не притрагиваясь. Как только вылез из воды, в уши ворвались звонкие детские голоса из сосновой рощи...

Да, это был берег пицундского мыса, район летних детских лагерей. Тут же базировалась изучающая прибрежную зону моря научная экспедиция. Именно сотрудники этой экспедиции обнаружили на дне моря «гостинцы», на первый взгляд очень похожие на обычновенные, заброшенные речным течением валуны. Откуда они приковчевали на мыс? Может быть, из Сочи или Туапсе, Геленджика, Новороссийска? Оттуда идет вдоль берега волна...

Каменда распорядился оцепить берег и эвакуировать отдыхающих с пляжа. Сел в лодку, надел тяжелый пояс для погружения и опустился на дно — метров на десять. Теперь он увидел обе бомбы совсем близко: мелкая галька, ракушки, спекшийся песок — все это образовало твердый, бугристый панцирь. А что под панцирем? Решил сперва откапывать стоячую. С предельной осторожностью притронулся к шершавой поверхности одной рукой, а другой стал очень медленно, ласкальными движениями отдвигать мягкую кашицу из песка и гравия. Он ее от бомбы, она — обратно. Но все же дело двигалось. Вскоре он так осмелел, что обхватил корпус бомбы руками и прижал ее крепко к себе. Надо было непременно заставить стоячую лечь. И он сделал это, когда в баллоне иссякло до последнего глотка и дышать стало нечем.

...Потом он долго сидел на берегу. Отдыхал. И прикидывал, как действовать дальше. Дело в том, что если бы не панцирь, не «сейф», в который спряталась бомба, он давно бы знал, как с ней поступить. А тут, особенно под водой, не поймешь, какая она и до какой степени разрушена едким морским настоем.

На этот раз он взял с собой под воду нож и, обвязавшись длинной веревкой с буем на конце, приказал Таранухе и Фридману сидеть в лодке над ним, следить за буем. Если что — он подергает веревку. На дне он лег в песок и стал обследовать бугорки бывшей стоячей. Один показался слишком выпуклым, стал очищать его с осторожностью кошки, с терпением ювелира, миллиметр за миллиметром. И нож достиг металла. Так и есть — боковой взрыватель! Надо удалить его. Но под водой это сделать невозможно. Значит,

Виктор Петрович Каменда.

С БОМБОЙ НАЕДИНЕ

Теперь она уже не страшна.

выносить ее на сушу? Да, выносить. Но сначала отдохнуть.

И в третий раз опустился Каменда под воду. На этот раз онступил ластами на дно и поднял бомбу на руки, как дитя. Сто килограммов! Вода помогла ему это сделать. И тут от бомбы поднялись вверх водяные пузыри. Показалось — сейчас разорвется. Замер, переждал волнение и пошел к берегу спиной (ласты мешали!). Встревоженные рыбы крутили рядом. А ноша становилась все тяжелей, вливаясь в руки острыми буграми. Хорошо, что море было тихое, словно затаило дыхание...

Можно было снова уложить ее на дно, уже недалеке от берега, обвязать веревкой, отдав конец в лодку. И так втроем вытащили утопленницу на сушу. Было еще несколько неприятных мгновений, когда бомба вдруг принялась зловеще шипеть. «Реакция на воздух, соли!» — догадался Каменда и, быстро отслав от себя всех, взял в руки инструмент и стал освобождать бомбу от сильно заряженного взрывателя. Взрыватель был механическим, ударно-спусковым. Бомба мощная, фугасная, предназначалась для разрушений. Теперь она валялась на берегу...

Почувствовав прилив свежих сил от сознания хорошо сделанной работы, Каменда устремился снова в море, ко второй. Подумать только, как все бывает таинственно, загадочно, когда действуешь впервые, и насколько будничнее, но и увереннее, если есть уже опыт. Только бы не увлечься, не забыться, не потерять бдительность! Он нырнул ко второй бомбе, такой же обросшей и бугристой, и освободил ее от прилипшей донной мелочи, потом поднял на руки и медленно поплыл к берегу. Она показалась ему несколько легче первой. Значит, другой тип. Значит, ищи к ней другой подход...

Устал Каменда, пошел за взрывоопасную зону, поручив сержанту расчистить корпус бомбы. Вскоре он получил от него рапорт:

— Осколочная, с часовым механизмом...

Рядовой Фридман, часовщик по профессии, тотчас определил механизм. Бомба была немецкой, выпуск 1940 года. Надо было срочно вывезти ее и подорвать...

И был в тот день еще длинный предленин, тревожный час, когда, перетащив втроем бомбу на руках по опустевшему пляжу к машине с песком, они ехали с ней за поселок. И слушали, не зарабатывает ли часовой механизм. Если бы заработал, надо было мгновенно ликвидировать ее. Но осколочная пролежала этот час, как лежала уже десятки лет, и лежала, пока рыли яму, потом хоронили ее и поджигали шнур. Тут она прогремела последним проклятием войны...

* * *

В одном из районов Грузии во время распашки поля колхозники наткнулись на авиабомбы. Тракторист успел заметить сигарообразный корпус и вовремя остановил машину. Подняли тревогу. Вызвали специалистов, которые обнаружили не одну, а много авиабомб. За несколько дней ликвидировали они очаг давно проржавевшего и потому еще более опасного «клада».

Кто же они, эти специалисты? Майор Виктор Каменда и его помощники — младший сержант А. Крылов и рядовой Г. Аннаев. И тут я подумала: опять Каменда? Виктор Петрович? Сколько же доброго сделал этот человек, служа в Закавказье! Он по первому зову, в любое время дня и ночи появляется там, где вот-вот могла бы случиться беда. А с виду человек тихий, спокойный, вернее сказать, сосредоточенный, одним словом — пиротехник. Лицо открытое, доброжелательное, никакого героического пафоса не выражает, внутренней напряженности не выдает.

Я беседовала с ним несколько лет тому назад, когда он был старшим лейтенантом. Удостоился в мирное время ордена Красной Звезды за смелость, мужество и отвагу, проявленные при обезвреживании неразорвавшихся боеприпасов. Вместе с ним медали «За отвагу» получили тогда его помощники старший сержант Виктор Тарануха и рядовой Владимир Фридман. В тот год они почти месяц трудились в Пицунде и обезвредили одних только стокилограммовых бомб тридцать! Подвиг. Я со слов Виктора Петровича рассказала только о том, что он пережил, поднимая со дна моря самые-самые первые...

ПЕДАГОГИКА НА УРОКЕ БОЛЬШОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Известные немецкие писатели Гюнтер ГЁРЛИХ и Макс Вальтер ШУЛЬЦ отвечают на вопросы нашего специального корреспондента Дмитрия ИВАНОВА

Гюнтер Гёрлих.

Встречи с председателем Берлинской писательской организации Г. Гёрлихом и автором неоднократно издававшегося в СССР романа «Мы не пыль на ветру» М. В. Шульцем происходили, когда в нашей стране развернулось глубоко заинтересованное, деловое обсуждение проекта школьной реформы. В Германской Демократической Республике накоплен большой практический опыт на важнейшем направлении современного школьного процесса — на пути гармонического сочетания общего образования и активного трудового воспитания. Понятно, в немецких школах остается немало проблем, и об этом интересно рассказал несколько лет назад роман Г. Гёрлиха «Извещение в газете».

В центре книги — один из самых острых таких вопросов: воспитание воспитателей. Святая сущность профессии Учителя — учитель жизни — всегда была несомненна. Сегодня, в условиях напряженного соревнования двух мировых политических систем, когда безусловна первостепенная важность идеологического воспитания молодого поколения, роль и значение подлинного педагога — наставника умов и сердец — еще более возрастает. С обсуждения серьезности этой проблемы и связался наш разговор.

М. В. Шульц. Старый мир — он вот, перед нашей дверью. Более

того, он часть нашей общей родины. Общение с родственниками из Западной Германии, контакты с людьми буржуазной морали, беспрерывное, по трем каналам, телевизионное воздействие — все это ведет к раздвоению сознания у части населения, особенно у юношества.

Казалось бы, ясно: с экрана здесь смотрит витрина западного общества. Но на молодежь она действует дурманяще. Да и вообще что вроде бы в том плохого, когда все так элегантно, разнообразно?.. А постоянная перемена впечатлений, на которую так падка юность и которыми насыщены рекламные ролики. Для детей и подростков — это порядочный кусок образования. На молодежь подобные вещи действуют через подсознание; если сплошь и рядом вы видите негров или мексиканцев, изображенных людьми второго сорта, то невольно может заползти мысль о чьей-то изначальной неполноценности.

Еще опаснее преднамеренное искажение нашей недавней действительности, истории вообще. По западным каналам готовят тонко, впечатляюще сделанные передачи о ключевых моментах нашего прошлого, в которых факты преподносятся фальсифицированно, происходит подмена сущности исторических явлений. Нам приписываются ложные проблемы, на телезрителей вываливается масса фактов, при этом беззастенчиво замешиваются вместе правда с неправдой, лишь бы уверить, что встречающиеся негативные явления и есть наша суть, а подлинная суть реального социализма объявляется пустыми словами.

Приходится признать, что порой наши средства массовой информации в агитационной работе проигрывают в молодежном восприятии. Книги, телепередачи — часто скучные, унылые, раз за разом повторяющие всем известные истины, общие места. Да и сами мы, все те, кто прошел со своей страной непростой путь и имеет, казалось бы, надлежащий опыт, далеко не всегда умеем и хотим искать новые подходы, ключи к юным душам.

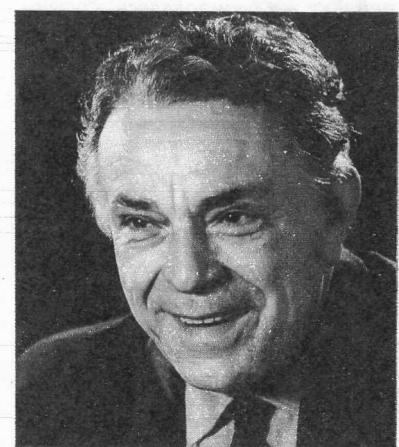
— Последние слова впрямую относятся к ситуации романа «Извещение в газете», который вовлекает нас в чрезвычайно острый и даже трагический конфликт: молодой самобытный преподаватель Манфред Юст решает уйти из жизни, сломленный болезнью и отсутствием поддержки в учительской среде. Но и образу главного его противника, директора школы Карла Штребелова, драматизм свойствен в не меньшей степени.

Г. Гёрлих. Да, Штребелов — характер по-своему тоже трагический. Это он, его поколение приняли на свои плечи тяжесть первых лет строительства социализма в нашей стране и возвели первые этажи светлого будущего. Такие, как Штребелов, наша надежнейшая, кажется, опора. Но... обстоятельства приучали и приучили Карла думать, что основа всего, тем более воспитания — дисциплина и порядок. А отсюда не только его прямота, а и прямолинейность, вернее, просто нетерпимость, упрощенный взгляд на окружающее, недоверие к сложности индивидуальных стремлений и поступков. Продолжая приносить немалую пользу — и прежде всего умением создавать и поддерживать в школе атмосферу коллективизма, — Штребелов отгораживается от проблем, с которыми приходит новая жизнь, предпочитает действовать запретом, чтобы избежать раслабляющего влияния разногласий на учащихся, да и опасаясь за свой авторитет. И не нужно быть наивным: он не отступит со своих позиций перед новым без скважин с теми, кого считает вредным для дела.

— Ситуация действительно напряженная. Все ваши герои: Штребелов и Кеене, Юст и Анна Маршалл — преданные делу воспитания, делу социализма люди. Но пути к решению стоящих перед ними общих насущных задач они выбирают разные, и одни из этих путей приближают нас к маниям цели, а другие, наоборот, отдаляют.

Что же можно и нужно противопоставить таким, как Штребелов?

Г. Гёрлих. Открытый, откровенный разговор в коллективе, в данном случае в педагогическом. В чем сущность Кеене — ключевого персонажа романа? Хотя они одного поколения и просто товарищи с Карлом, Кеене хорошо видит многие недостатки директора, о которых мы говорили. Не

Макс Вальтер Шульц.

менее здраво судит он и о Юсте и о совсем молоденькой учительнице Анне Маршалл. Помните, как Кеене размышляет: «Меня, а возможно, и Юста удивляла ее резковатая манера судить о стране, в которой она живет, и о ее трудностях. Никакой она не проявляла благодарности. Историю она рассматривала именно как историю, не отягощенную воспоминаниями. Анна Маршалл в своей принципиальной позиции была честнее, чем я и Юст. Такая позиция помогает четче выявлять конфликты и противоречия, не замазывает их, но и не накладывает на них позорного пятна. При этом — что вполне закономерно — не обходилось без утрировок, преувеличений и жестких позиций».

Итак, судит Кеене здраво, но ему пока не хватает смелости выскажать свои суждения громко, при всех начать защищать и отстаивать свое мнение. Он, к сожалению, все еще не борец. Хотя, правда, для этого и обстановка в школе, поддерживаемая директором, не слишком располагающая.

— Но вы сами говорите, и роман подтверждает это, что Штребелов умеет создать атмосферу коллективизма. А ведь именно в такой среде и может и должно, казалось бы, весьма полно выявляться личное мнение каждого.

Г. Гёрлих. Правильно, налицо противоречие. Коллективизма — наш директор добивается не органического, а во многом внеш-

нега: дисциплина и порядок, участие школьников в общественных начинаниях. А вот сознательный, творческий, свободный подход, учет индивидуальных отношений — это не поощряется Штребеловым. В результате парадокс Манфреда Юста: человек, нашедший свое призвание, прекрасно к нему подготовленный, способный на еще большее, — но его потенциал слабо используется, он работает и без должной отдачи и без удовлетворения.

— Вы считаете, это одна из существенных проблем, с которыми сталкиваются сегодня молодые?

Г. Гёрих. По-моему, немаловажная. Как и родственная ей, когда молодой человек быстро овладевает своей профессией, становится дельным, квалифицированным работником, но утрачивает при этом духовные стремления, высшие цели! Конечно, быть хорошим семьянином, хозяином в своем доме, уметь ко всему приложить руки — это тоже немало, во всяком случае, достойнее, чем ехать на чьей-то шее или отсиживаться за чужой (родительской!) спиной. Но человек, особенно юный, молодой, не должен замыкаться на доме и семье, ему пагубно оставаться вне общественных и коллективных интересов.

С другой стороны, как много сегодня таких, кто мог бы стать, например, классным инструментальщиком, одним из тех, о ком я сейчас говорил, а он, не имея таланта, правдами и неправдами пробился в инженеры и теперь с тоской тянет лямку, занимает чужое место.

— У нас много бывает претензий к молодым, но ведь и они имеют право предъявить к нам свой спрос.

М. В. Шульц. Нередко мыываем недовольными нашими юношами, девушками потому, что они далеко не во всем соответствуют тем эталонам, к которым мы привыкли. Молодые люди наших дней — сдержанные, замкнутые, очень прямые, при этом тщательно не взвешивают обстоятельства. Это все не упрек, это констатация реальности, с которой надо считаться. Надо учитывать право молодежи на ее сознание и учиться видеть чужую правоту.

— Иногда мы не понимаем друг друга, кажется, в смешном: мы любили петь, они — предпочитают танцевать. Иногда непонимание имеет значительно более серьезное проявление: старшие поколения боролись, а молодежь — просто живет и сравнивает два образа жизни. Или такое обстоятельство: взрослые приспособились, притерпелись к нерешенным проблемам, а юные сталкиваются с ними впервые, им больно, больнее, во всяком случае.

М. В. Шульц. Мы — пели, они — танцуют: за этим, быть может, тоже кроется немалый смысл. Никто не возьмется в принципе осуждать танцы, но песня сплачивает, объединяет, а нынешние танцы — они ведь только видимость имеют какого-то массового действия, а по сути в них каждый танцует сам по себе, чуть ли не сам для себя.

Вы говорите, старшие поколения закалялись в борьбе. Конечно, в борьбе люди скорее находят свое место в строю, распознают друзей и врагов, тогда и идеалы, за которые борешься, становятся кровными. Когда сегодня западная молодежь идет в колоннах мирных демонстраций через полицейские кордоны, она рискует. У наших ребят, понятно, в аналогичном случае нет подобного эмоционального ощущения,

это невольно настраивает их на благодушие. Но социализму нужны борцы, нужны бойцы. Небывалая сложность общества, фундамент которого мы заложили, в том, что человек должен постоянно бороться с собою, преодолевать веками прививавшийся индивидуализм. Но в этом же и чудесная привлекающая сущность нашей жизни, всесильной чувством семьи единой, чувством колlettivизма. Это наше знамя, и требуется нести его высоко и твердо.

Если молодые чувствуют себя заодно со своими сверстниками, с представителями старших поколений, в них рождается тот подъем, когда они могут, что называется, горы свернуть. Наша задача — крепить эту связь поколений. Опыт делает нас более мудрыми, учит главному: единству в движении к нашим заветным целям. Своим творчеством мы, писатели нового мира, стараемся выразить и укрепить такое миоощущение.

Г. Гёрих. Молодые по самой своей природе — критики, скептики. Но разве в этом обязательно должно быть нечто негативное? Настоящий воспитатель, и учитель прежде всего, спокойно идет на провоцирующие вопросы своих учеников. Он знает, что идиллический процесс обучения без споров и выяснения разных точек зрения ведет к застою мысли, к поверхностному освоению предметов, особенно общественных наук. Находить удовольствие в критике, видеть продуктивность сомнения и направлять его на пользу, на углубленное познание, на совместное исправление недостатков — такой должна быть современная ведущая тенденция.

— Но ведь недаром в своей гениине Анне Маршалл вы подчеркиваете «утрировки, преувеличения и жесткость позиций»?

Г. Гёрих. Просто я смотрю на реальность открытыми глазами. Когда я слышу от сверстников, от отцов и дедов нынешних юношей и девушек: «Помнишь, как нам досталось?» — я всегда отвечаю: «Нет, им сложнее».

«Как же так, мы голодали, мы строили, мы столько вынесли, а они на всем готовеньким», — говорят мне. Так что же теперь — упрекать молодежь в том, что она живет лучше, чем мы? Мы же к этому и стремились... Лучше живут — да. Но насколько сложнее им. Они еще не начали жить толком, а над ними постоянно висит дамоклов меч атомной бойни.

Сегодня перед молодежью столько проблем — настоящих и искусственных. Нам было легче и проще ориентироваться в обстановке. Сейчас возникли или обострились противоречия на самой различной почве, и на молодых и на их мировоззрении это скавывается в особенности.

М. В. Шульц. Часто мы не учимся и то, что молодежь принимает социализм как должное. Да, она не знает страха безработицы, молодым обеспечены надежное существование, рабочие места, но для них это все естественно. Реальности нашей жизни, завоевания социализма часто отступают в их глазах перед увиденным на западном экране. То внешнее изобилие, то вседозволенность, которую исповедует капиталистическое общество, выглядят для них прельстительными. И поэтому наша пропаганда не должна исходить из постулата: мы — это хорошо, Запад — плохо.

Приходится и доказывать это, надо всеми способами привлекать, увлекать и убеждать молодых в своей правоте!

— Думается, что главное, решающее место должно здесь принадлежать правде. Хотя встречается и такая точка зрения: у нас, мол, еще немало нерешенных вопросов, и раз они не решены, значит, мы не знаем пока ответов или не имеем возможности решать. А раз не можем решать, то и не говорим. И вроде бы правильна такая линия: не хочется лишний раз привлекать внимание, тем более ошибиться.

Но людям нужна правда, не скрывающая наших недостатков, не умалчивающая о промахах, — правда гласная, нелицеприятная и ответственная.

М. В. Шульц. Полная правда! Еще классики марксизма-ленинизма учили говорить массам полную правду. Ни в коем случае нельзя останавливаться на полуправде. Только полная, бесстрашная, но мудрая партийная правда может сближать ножницы между верой и фактами.

Та вера, с которой мы вошли в новую жизнь, рисовала нам идеальную картину социализма. И это же идеальное представление мы с самыми добрыми намерениями воспитывали и в новых поколениях. Но картина реально-го социализма оказалась сложнее, диалектичнее, к идеалу еще предстоит стремиться и стремиться.

У молодежи из-за этого противоречия временами опускаются руки, возникает недоверие, которым искусно стараются пользоваться, разжигать, поддерживать всевозможные звенья буржуазной идеологической машины.

Г. Гёрих. Тем отчетливее одна из стоящих перед нами задач.

Литература была, есть и будет подлинной и весьма влиятельной школой. Она дает каждому высокие образцы отношения к жизни. Молодежь к ее урокам особенно восприимчива, и это, с одной стороны, позволяет писателю быть действенным педагогом, но, с другой — повышает ответственность его слова. На уроках большой Литературы учат не воспарять над действительностью, даже в устремленности к самым высоким идеалам, а быть реалистами, беззаветно верящими в нашу идею, но твердо стоящими на земле.

Наше время чрезвычайно противоречивое. Это время чудес, время начала свершений тысячелетних мечтаний человечества — и вместе с тем время суровых испытаний веры и надежды на светлое будущее, время проверки всех и каждого на гуманность и готовность к борьбе во имя добра и света.

Есть люди, которые желали бы выбрать себе время. Но мы живем сегодня и не должны закрывать глаза на перемены в жизни, чтобы уверенно смотреть в завтра.

И когда я слышу: это молодежные проблемы, — я обычно склонен думать: нет, это проблемы общественные. Проблемы юных — это во многом наши общие нерешенные вопросы.

— В связи с этим я хотел бы вспомнить об одном примечательном эпизоде вашего романа. Сколько ни читал я в нашей прессе о хозяйственном опыте ГДР, всегда и заслуженно, конечно, советские журналисты обращают особое внимание на огромные достижения в организации народного хозяйства вашей страны. Но вы, понятно, помните, какую картину нарисовал Юст своим ученикам на уроке государствоведения? Для читателей я процитирую:

«Юст рассказал, что на днях проходил мимо стройки, дело бы-

ло под вечер, никого на площадке уже не осталось. Надлежащего порядка на стройплощадке явно не соблюдали, мешки с цементом валялись как попало, видимо, их просто скинули с грузовика, двадцати мешки при этом лопнули. К тому же цемент не накрыли. Шел дождь. Ясно, цемент пропадет. У мешков остановились двое, какие-то посторонние. Один, не стесняясь в выражениях, поносил беспорядок и разгильдяйство, перевод материала, никуда не годную работу руководства на стройплощадке. Надо бы тут навести порядок, ругался он, привлечь людей и ответственности. Но, покричав, махнул безнадежно рукой, сказав: сознательности-де у них тут не хватает. У капиталиста такого не случится, он не позволит пускать на ветер свое добро.

Второй с ним согласился, но так, вообще, и заметил, что вряд ли здесь делу поможешь, однако он знает, как спасти то немногое, что еще можно спасти. Он предлагает подогнать грузовик и забрать мешки, те хотя бы, что еще целы. Строительный материал следует употребить с пользой. Многим сейчас цемент очень нужен... Да-да, горячо доказывал он, это было бы разумно, и никакое это не воровство, ведь материал все равно гибнет, значит, его спишут, он пропадет. А так — не пропадет. В конце концов цемент, который здесь гибнет, — общее достояние.

Первый только поглядел на него этаким тяжелым взглядом, но слова не обронил, и оба ушли. Остались под дождем плохо сложенные мешки цемента, который скоро перестанет им быть...

В романе проблема эта ставится — и остается открытой, как и в самой, увы, жизни.

Г. Гёрих. Что ж, думается, тут затронут центральный вопрос нашего развития: как мы поступаем с социалистическим имуществом. И без того, чтобы не искать на него практического ответа, мы будем все медленнее двигаться вперед, тем паче что он имеет чрезвычайно существенную нравственную грань и влияет коренным образом на воспитание. Как сделать, чтобы никто не оставался посторонним, чтобы каждый имел возможность осуществить права и обязанности подлинного хозяина нашего общего богатства? Все более очевидно, что ответ коренится в искусном руководстве.

Пути, которыми идет в будущее общество социализма, неизведаны. Мешает и то, что иногда на место идеалов мы возводим идолы. Нравственно наш строй неизмеримо выше того, что правит на Западе. Уже одно то, что социалистическое содружество является хранителем и гарантом мира на земле, безоговорочно доказывает это. Однако моральная сторона самым тесным образом связана с материальной. Если мы не поднимем производительность труда, то потеряем и в нравственной привлекательности.

Империалистическая пропаганда старается как преувеличить наши реальные трудности, так и всячески дезинформировать наших людей. Она активно пробует сыграть и на растерянности, безразличии, которые можно встретить среди некоторой части молодежи, не находящей ответа, как вести себя, когда мир оказался подвешенным к самому порогу безумной войны, когда никто не может сказать, выживет ли он, выживет ли само человечество...

Нашей лучшей контрпропагандой всегда были и будут самое активное вовлечение молодежи в созидание социализма, представление ей широкого участия в управлении государством, деловой учет предложений и критических замечаний, выдвигаемых юношами и девушками во всех сферах их деятельности.

Берлин — Лейпциг — Москва

К 80-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
А. Н. АФИНОГЕНОВА

АЛЕКСАНДР ДЕРЗНУВШИЙ

«Потрясающий день!.. Родился «Чудак», родился я — лишь теперь поверивший в свои силы... Жизнь поворачивается ко мне новыми гранями...» Эту дневниковую запись двадцатипятилетний Александр Афиногенов сделал 12 ноября 1929 года после общественного просмотра спектакля в МХАТ-II. Посвященный теме творческой инициативы и трудового энтузиазма масс в первый год первой пятилетки, прошедший более пятидесят раз, «Чудак» стал общественным явлением, а его автор прочно вошел в число лучших драматургов той поры.

Прекрасный комсомольский организатор и агитатор в ранней юности, Афиногенов внес в драматургию яркий публицистический темперамент и молодой задор, с которым призывал: «Пишите сезонные пьесы. Они-то и останутся в веках свидетелями нашей жизни». Насчет «сезонности» сказано, конечно, в пылу полемики, суть же сформулирована точно и подтверждена творчеством писателя: свои пьесы он строил на поистине горячем материале и шел всегда, согласно собственному требованию, «по самым свежим следам событий».

Пожалуй, наиболее красноречивый пример — «Салют, Испания!», написанная в кратчайший срок, в кратчайший срок поставленная на сцене театра имени МОСПС и истогшая слезы восторга и благодарности у испанцев, посмотревших спектакль.

А несколькими годами раньше К. С. Станиславский отметил, что спектакль «Страх» по пьесе Афиногенова явился одним из ответов МХАТа «тысячам новых и жаждущих зрителей, ищащих ответа на все, что их волнует».

Решая задачи, которые «ставят сама жизнь перед твоим сердцем», чутко и остро реагируя на приметы современной ему действительности, работая подчас с удивительной быстротой, писатель оставался верен высоким художественным принципам. В свойственной ему запальчивой манере он говорил: «Вывести сто рабочих на сцену еще не значит показать заводской коллектив». Речь, естественно, шла о том, что идеи должны быть проведены «через психику действующего лица», о том, что «проникновение в глубь событий и людей — вскрытие внутренних причин внешних действий», о том, что из простого и

обыденного сюжета «должны вырастать сложнейшие узлы».

Сотни страниц дневников и записных книжек писателя свидетельствуют о его беспощадной требовательности к себе. К. Федин писал: «Самую острую тему дня он претворял в образ, заставляя жить на сцене людей во плоти и крови... Немедленный отклик на событие не мешал Афиногенову оставаться художником, который решает свою задачу всегда на значительном жизненном примере и поднимает факт на художественную высоту».

«Хочется написать что-нибудь отчаянное и необыкновенное», — вырвалось в одном из его писем. Неожиданным и отчасти необыкновенным стало то, что драматург ринулся в дотоле мало исследованную им область тонких душевных взаимоотношений и взаимодействий, и рожденные на этом пути «Мать своих детей» и «Машенька» обрели долгую сценическую жизнь.

Актеры, игравшие в спектаклях Афиногенова, считали так: «Его пьесы продолжают исполняться на сцене именно потому, что он оставил в них свои живые думы, свои самые чистые и самые сильные чувства».

В литературу он пришел рано, с юношескими стихами, изданными тремя сборниками под псевдонимом Александр Дерзнувший. Было ему тогда шестнадцать лет. Через три года Афиногенов, студент московского института журналистики, пишет свои первые драматические произведения.

Окончив институт, он некоторое время работает в ярославской газете «Северный рабочий», а вскоре, вернувшись в Москву, становится руководителем Первого рабочего театра Пролеткульта. Впрочем, пролеткультовские теории были ему чужды, и неизбежный разрыв с ними ознаменовался тем, что писатель отдал пьесу «Чудак» в МХАТ-II. С тех пор не прерывалась его тесная творческая связь с лучшими советскими театрами, с выдающимися режиссерами.

29 октября 1941 года Александр Николаевич Афиногенов погиб в Москве от взрыва фашистской бомбы. За два месяца до гибели он закончил свою последнюю пьесу — «Накануне», одну из первых советских пьес о Великой Отечественной войне.

Н. ЦВЕТКОВА

Ю. ЛУШИН

Отпуск они провели в песках. Всю ночь они шли по барханам в поисках колодца. Тяжеленные рюкзаки (каждый примерно под 50 килограммов) терзали плечи. Ноги утопали в песке, временами казалось, что кто-то цепляется за подошву и держит, не отпускает. Хотелось выпрыгнуть из обуви и шагать босиком. Обыкновенная ходьба здесь, в пустыне, превращалась в тяжелый монотонный труд. И хотя они заранее готовились к этому, однако не предполагали, что будет так тяжело. Почти все время хотелось пить — и днем, когда зной сгущался до почи осаждаемой плотности, и ночью. Ночь, впрочем, прохлады не приносила. Все время хотелось спать и ночью и днем. Ночью — это естественно. Но пустыня диктовала свои условия, ломая традиционные представления о жизни, превращая естественное в неестественное. Видимо, не случайно черепахи, пауки, змеи и другие аборигены

мым стартом, двое отказались — одному передвинули время отпуска, второй сослался на семейные обстоятельства (потом, после возвращения группы из похода, он откровенно признается: «Я не верил, что вы вернетесь живыми, испугался»). Вышли впятером, но на пятый день их тренер Вадим Журавлев, возможно, самый подготовленный из них, неожиданно подвернулся ногу, разбив стопу, и мог идти только волнился. Пришлось, потеряв день, выходить на дорогу, чтобы отправить Журавлева попутным бензовозом назад. Спор с пустыней продолжала четверка: Николай Кондратенко — врач, штурман и руководитель, Владимир Волков, Гельмут Гегеле и Павел Богданов — рабочие алма-атинских заводов. Волков контролировал запасы и потребление воды, Гегеле отвечал за рацию, а Богданов вел метеорологические наблюдения. Разные характеры, разные люди, объединенные одной идеей — провести отпуск не в праздном безделье. Шаг за шагом уходили все дальше в пустыню. Шагомеры дотошно фиксировали каждый

БРОСОК ЧЕРЕЗ ПУСТЫНЮ

песков ведут преимущественно вечерний и ночной образ жизни, прячась днем от жары. В конце концов к такой же идее пришли и люди, потерпев неудачи в первых пеших переходах по пустыне Таукум, когда они пытались идти днем (при такой тактике организм даже утром настолько перегревался, что нависала реальная угроза теплового удара, вынуждавшая их прекращать движение). Теперь они шли по пескам Кызылкума, пустыни куда более суровой, входящей в число восьми крупнейших на нашей планете. Шли ночами по компасу и карте, шли от колодца к колодцу, полагаясь только на собственные силы, умение и знание. Они поставили перед собой дерзкую задачу, которую еще никто в мире никогда не решал — пересечь пустыню из конца в конец пешком, без помощи выночных животных.

Всю ночь они шли по барханам в поисках колодца. Запас воды кончался, потому что прошлой ночью пополнить его они не смогли — обозначенный на карте колодец оказался разрушенным. Теперь они шли к другому. Их было четверо, и находились они в самом центре Кызылкума, в двухстах километрах от места старта под Кыл-Ордой. Их осталось только четверо из 16 добровольцев, готовящихся поспорить с пустыней. Их осталось только четверо из семи отобранных. Потом, перед са-

зом этих шагов, но они не думали о том, сколько их должно уложиться в пятистах с лишним километрах. Они считали колодцы, а когда их долго не было — лягеры оставшейся воды. Они твердо верили, что пересекут Кызылкум, потому что без уверенности с пустыней лучше не спорить. Они шли к колодцу и мечтали о том, как припадут к ледяной артезианской воде, хотя знали, что в большинстве своем вода пустыни оказывалась теплой и солоноватой. Только здесь, окруженные со всех сторон песками, они поняли, что жидкость без цвета, запаха и вкуса, названная человеком водой, едва ли не самое ценное в окружающем их мире. Потому что после длинного тридцатикилометрового ночных перехода только вода возвращала им ощущение цвета и запаха, возвращала вкус к жизни.

Ночь раскинула над их головами свой черный полог, прохладный бесчисленными угольями звезд. В их мерцании хотелось угадать единственное существование иных миров. Есть ли там пустыня? Есть ли вода — крестная оазисов? Кто знает. Окружавшая их тишина почти звенела, и казалось иногда, что от нее можно оглохнуть. Тогда они включали маленький транзистор. Аккорды музыки взрывали тишину, насылая пески оперными персонажами, лирическими и драматическими героями, бесконечно

далекими от этой пустыни и все же каким-то непостижимым образом становившимися как бы спутниками в их переходе. С ними становилось легче дождаться рассвета. И вот с утренней зарей в мгновение ока пустыня преобразилась — палитра песков начинала пламенеть красным и розовым, а в тенях голубизна переходила в фиолетовый. Волшебство длилось, впрочем, недолго. Через считанные минуты побеждало однообразие желтого цвета, места почти белого...

Воздух начал струиться от зноя, когда они подошли наконец к колодцу. Кондратенко заглянул в темную его глубину и отшатнулся. Навстречу, едва не задев лицо, словно пущенная из пращи, вылетела стайка небольших птичек. Сердце скжали недобродорье предчувствие. Четверо сгрудились вокруг колодца. Кто-то бросил вниз камушек, ожидая привычного всплеска, но вместо него через долгие, долгие секунды раздался характерный звук удара камня о бетон. И все стихло — этот колодец тоже был пуст. Кондратенко посмотрел на карту — следующий находился

в пустыне возможны лишь два варианта — трудно и очень трудно. Планируя переход, мы предусматривали и такую вероятность. Поэтому тот случай не застал нас врасплох, хотя положение было серьезным. Мы достигли следующего колодца... В общем, за восемнадцать ходовых дней прошли по пескам 520 километров и покорили Кызылкум. Мы ведь не новички в пустыне, бывали практически во всех на территории страны, а тот поход был для нас шестым. Наши экспериментами заинтересовались Академия наук Казахской ССР и Географическое общество, Институт медико-биологических проблем в Москве. Массу очень полезных советов дал нам крупный специалист по экстремальным условиям, доктор медицинских наук Виталий Георгиевич Волович. Мы испытывали не только свой характер. Ведь пустыня активно обживается и геологами, и чабанами, и нефтяниками. Бывают, к сожалению, и несчастные случаи, причем люди гибнут не оттого, что у них не хватает сил, а от неумения выйти из трудного положения. Своим при-

Фото Ю. Куйдина.

в поселке чабанов, значит, вода там обязательно будет, но пройти придется сорок километров за одну ночь. Другого выхода у них не было, оставшуюся воду считали уже не лягушками — глотками...

— Зато песочка нам хватает, — сострил Гельмут Гегеле, — и главное, здесь не так тесно, как на пляже.

— А хорошо, наверное, сейчас Вадиму, — вздохнул один из них, — поди, купается где-нибудь, загорает...

Все уже привыкли к этой традиционной тираде, услышанной ими впервые почти сразу же после вынужденного отъезда Журавлева. Сначала думали, что их товарищ просто шутит, но это повторялось изо дня в день, и такая тоска стояла в его глазах, что они поняли: парень сломался психологически. Потом они заметили, что он стал бояться пустыни — боялся отойти за соседний бархан, боялся оставаться один хотя бы на несколько минут. Да, пустыня оказалась суровым экзаменатором. Но они и не рассчитывали на ее схожительность. Все они пошли сюда добровольно, чтобы испытать себя, понять, кто на что способен...

— Николай Николаевич, — спросил я у Кондратенко, — видимо, тот день, когда второй подряд колодец не утолил вашей жажды, был самым тяжелым испытанием?

— Как сказать, — ответил он,

мером мы хотели разрушить это незнание, дать рекомендации: что делать попавшим в беду людям.

— Чем более всего удивила вас пустыня?

— Дождями. Метеорологи утверждают, что там это чрезвычайно редкое явление. Нам повезло, мы видели дожди во всех пустынях, даже в Каракумах. А в Муюнкумах полоскала дождем двое суток — правда, потом солнечко высушило нас аж до хруста...

— Что в ближайших планах у экспедиции «Человек и пустыня»?

— В прошлом году мы уже в составе восьми человек совершили пробный поход по Каракумам, нынешним летом попытались пересечь эту пустыню целиком. Начинаем присматриваться к пустыне Гоби. В составе экспедиции появились новые добровольцы — врач из Москвы Эрнст Миловидов, военнослужащий из Челябинска Владимир Климов. Отпуском, проведенным в песках, довольны, собираются приехать снова. Впервые стокилометровый марафон прошла вместе с нами четверка женщин...

— Вы единственный, кто совершил все восемь переходов по пустыням. Зачем вам идти опять?

— А зачем люди карабкаются на Эверест? — ответил вопросом на вопрос Кондратенко. — Зачем на лыжах покоряют Северный полюс? Зачем стремятся в космос? Затем, что они — люди...

СЛОВО ЭТО — РАСПРОДАЖА, ЕЩЕ ВЧЕРА КАЗАВШЕЕСЯ НЕОБЫЧНЫМ, БЫСТРО ВОШЛО В ТОРГОВЫЙ ОБОРОТ ДА И В ПОКУПАТЕЛЬСКИЙ ОБИХОД. РАСПРОДАЖА ТО, ЧТО СДЕЛАНО ДЛЯ ОСЕНИ И ДЛЯ ЗИМЫ, НО НЕ ПРОДАНО ЗА ЭТИ МЕСЯЦЫ, ВЫЛОЖИЛИ НА ПРИЛАВКИ, НАД КОТОРЫМИ — ЯРКИЕ, ЗАМЕТНЫЕ ПРИГЛАШЕНИЯ. ИДЕТ БОЙКИЙ, ОЖИВЛЕННЫЙ ВЕСЕННИЙ ТОРГ — ЦЕНЫ СНИЖЕНЫ ДО 40 ПРОЦЕНТОВ. ПОЛАГАЮ, ВСЕ МЫ СКОРО ПРИВЫКНЕМ К ТОМУ, ЧТО ДВАЖДЫ В ГОДУ БУДУТ ПРОВОДИТЬСЯ РАСПРОДАЖИ. А ЭТО ЗНАЧИТ, ЧТО ДОБРОТНЫЕ, ХОРОШИЕ ВЕЩИ МОЖНО БУДЕТ КУПИТЬ ЗНАЧИТЕЛЬНО НИЖЕ ПЕРВОНАЧАЛЬНОЙ ЦЕНЫ...

ИДЕТ РАСПРОДАЖА...

Заметки, сделанные у торгового прилавка

К. БАРЫКИН

Робкие шаги пробной, опытной распродажи, что состоялась в прошлом году, вроде бы не предвещали такого. Но вот распахнула двери первая весенняя распродажа — от покупателя отбоя нет. Давненько не видел такого оживления возле прилавков с одеждой, обувью, с иным сезонным товаром. Конечно, будут искать этому успеху обоснования. И хорошо бы выделить среди них одно, может, главное: распродажи выгодны.

Выгодны покупателю — надо ли это доказывать? Симпатичная шубка — вчера она стоила четыреста с лишним, сегодня приобретается за двести пятьдесят рублей. Сто пятьдесят — экономия. А шуба-то не одна... Заместитель начальника столичного Главторга Марта Ивановна Карзанова сообщила мне, что общая покупательская экономия по Москве составит более 16 миллионов рублей!

Но распродажи выгодны и торговле. Это тоже, в общем, понятно, но требует все же особого разговора. Товар без движения — это не товар; это загубленные материалы, затраченный впустую труд. Да и отнимает некупленный товар рубли и копейки: место на складе занимает — раз; ухода требует — два. Та же шуба не медведь в берлоге — переждал сезон, и все заново. Да и переполненные магазинные полки дают о себе знать. Конфликт между спросом и предложением в общем-то неизбежен, важно только, чтобы он не превышал разумных размеров. И зачастую прорада дешевле — выгоднее, чем вовсе не продать. Этой житейской мудрости долго сопротивлялись некоторые экономисты, словно не замечая, что давно прошли времена, когда ту или иную — неважно какую — вещь с руками отрывали. Дефицит был ущербен еще и тем, что внедрил в сознание иных представителей промышленности и торговли представление: все равно купят... Не покупают! Вполне добрые, крепкие, с отменными воротниками пальто — не покупают. Модели одежды стареют очень быстро — их ежегодная сменяемость достигает пятидесяти процентов.

После того, как были побиты все «рекорды» и сверхнормативные запасы товаров превысили шесть миллиардов рублей, обратили свой взгляд и на такую форму торговли, как сезонные распродажи. Шили что-то к прошлой зиме, но не продали до весны? Так не скупитесь, будьте смелее — перечеркните прежний ценник, поумерьте цену и предложите покупателю.

Предложили! Хорошо, споро

идет распродажа. Да и магазины к ней готовились, если судить по ГУМу, ЦУМу, по «Первомайскому» универмагу. Цумовцы выделили для распродажи самые удобные залы, откомандировали лучших продавцов да и о рекламе не забыли. Она встречает далеко от входа в магазин — умная, броская, но деликатная. «Ни одно, даже самое верное дело недвигается без рекламы... Обычно думают, что надо рекламировать только дрянь — хорошая вещь и так пойдет. Это самое неверное мнение» — так еще Маяковский сказал.

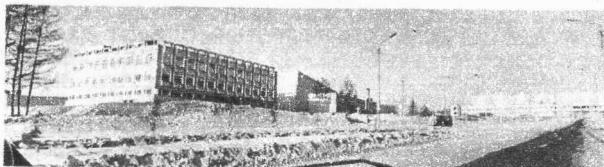
Распродажа — нормальный экономический, коммерческий маневр, и поэтому важно именно сейчас определить и очертить то, что в последующем поможет вести дело еще четче, заметнее.

Каждую минуту в магазинах страны продается товаров на миллион рублей. Сделает в это свой взнос и распродажа. Добавит и удовольствие от хорошей, добротной покупки. Добавит и благодарность в адрес тех, кто проявил инициативу по проведению сезонных распродаж, кто взял на себя нелегкий, но очень нужный труд по их организации. За последнее время Министерство торговли страны все чаще обращается к новым формам торговли, ищет пути наиболее рационального продвижения товара к покупателю.

Распродажа снижает уровень товарных запасов, она же выявляет вещи, которые не разошлись, а значит, выпущены без достаточной осмотрительности. Ведь те же сто пятьдесят рублей, что остались у покупательницы шубки, «вынуты» из товарооборота. Они — убыток. А нести ответственность за убытки следует тому, кто их приносит. Прежде всего промышленности. Может, основную статью расходов по ценке и переложить на плечи предприятий и ведомств, которые выпускают своевременно не расходящиеся изделия? И еще одно предложение. Любую модель, любой товар, которые подпадли под сезонную ценку, следует впредь не заказывать и не принимать. А промышленность тут же пусть вычеркивает их из производственных планов. Даже если это сверхрентабельное пальто, костюм, ботинки...

А пока идет весенняя распродажа. Идет в хорошем ритме.

«Огонек» на БАМе

Вот она, новая библиотека Тынды.

Фото автора

ДВОРЕЦ КНИГИ

Этот дом не так уж высок — всего три этажа. Но поднятый ветром в самом центре города, он как на ладони и смотрится дворцом. Ослепительно белый, сверкающий широкими, непохожими на квартирные окнами, он стал украшением Тынды. Его открытия ждали здесь с нетерпением и давно, потому что дом этот нужен «и старому, и малому», и особенно юному и среднего возраста жителю Тынды, — в этом доме поселились книги. До того они ютились в тесных времянках, в разбросанных по разным местам неприспособленных помещениях. И вот теперь наконец есть своя городская библиотека.

— Построена библиотека по наказам избирателей, — говорит заведующая отделом культуры Тындинского горисполкома Т. Ф. Бедина. — Общая площадь ее — две с половиной тысячи квадратных метров. Три читальных зала могут принять одновременно до трехсот человек. Есть и открытый доступ к книгам. Для дошкольника — свой уголок. В просторных залах развернуты художественные выставки; книжная графика мастеров России, картины о БАМе и рисунки детей.

Я интересуюсь книжным фондом. Оказывается, он не очень-то велик — четыреста тысяч томов. Уже сейчас чувствуется недостаток специальной технической литературы по гражданскому и транспортному строительству, ведь в городе и на трассе очень много студентов-заочников. Зато для старшеклассников тут раздолье. И книг для них много, и ведется с ними большая массовая работа. Старший библиотекарь В. А. Трускалова провела уже несколько факультативов по экономической географии и другим дисциплинам. Разговор шел о выборе профессии. В юношеском зале начал работу клуб-лекторий «Подросток и закон». Первыми его членами стали ребята из ГПТУ № 7. Перед ними уже выступали работники прокуратуры.

При библиотеке открыт и пользуется большой популярностью шахматный клуб. Словом, двери Дворца книги не закрываются ни днем, ни вечером — так много здесь всегда посетителей. В Тынде ведь живет читающий народ...

В. КУЗНЕЦОВ,
сборник «Огонька»

С МАРКОЙ «КРАСНОГО ПРОЛЕТАРИЯ»

Здесь, на участке сборки и наладки станков с программным управлением, ежедневно сдаются на последний конвейер — в окраску — семь-восемь машин. В них, по словам старшего мастера участка Анатолия Егоровича Аниканова, спрятаны глаза и мозг — специальные устройства контроля и команд.

Эти станки благодаря применению электроники «нового поколения» год от года не только уменьшаются в размерах, но и становятся «мудрее». Поэтому к рабочим предъявляются повышенные требования: почти все наладчики на пятом участке со среднетехническим образованием, бригадир Н. Денисов в прошлом году окончил институт без отрыва от производства. Сергей Скопинцев учится в вузе... Понадуй, не встретишь на участке наладчика, который не внес бы в рационализаторского предложения, а у Сергея Бакелева, Льва Фукина и Виктора Иванова их более десяти.

— Рационализаторством у нас занимаются все, — заметил старший мастер, — иначе нельзя...

И это не случайно. Изделия московского завода поставляются в 70 стран мира. Наладчики из бригад Денисова и Бакелева демонстрировали станки своего завода в ФРГ, Италии, Турции, на Кубе, в Греции. А на Лейпцигской ярмарке станок 16К20Т1, представленный С. Бакелевым, получил золотую медаль. Отлаживает детали новой машины Николай Денисов, который недавно вернулся из Греции и сейчас собирается в Финляндию. В Польшу уехал В. Афонин, в ГДР — Г. Селиванов, для Италии готовят нашу технику В. Березовский, а для Югославии — С. Бакелев... Станки с маркой «Красного пролетария» показывают сегодня в Австрии и Румынии, закупают их в ГДР, Югославии и Польше.

— Нет такого завода в Советском Союзе, где бы не использовали нашу технику, — продолжал свой рассказ Анатолий Егорович. — На ней работает каждый третий токарь в стране. На московском заводе «Красный пролетарий» впервые в мире освоен серийный выпуск на конвейере станков с числовым программным управлением.

Л. КОРОБОВА.
Фото автора

Группа наладчиков 4-го участка со старшим мастером А. Аникановым.

образ жизни — советский

На донской земле

— Слова в простоте не скажут, — ворчала старая казачка. — Оператор! Комплекс...

Молодые женщины так же рано, как и матери их, собирались в просторной бытовке незадолго до утренней дойки. Конечно, права старая, новый молочный комплекс в ростовском колхозе «Россия» Неклиновского района ничем не напоминал бытую ферму.

И только весна была такая же, как в пору молодости первого поколения артельных доярок. Вот и солнце — новое, блескучее, веселое. Оно поднималось стремительно, будто спешило. На ферме уже включили компрессор. Девчата в белых халатах, легких косынках проходили в гулкий доильный зал. Проследовало и несколько хлопцев. Да, все они тут кто оператор, кто механик по доильным агрегатам, кто электрик, кто технолог молочного дела. Когда-то газетчики называли ферму «фабрикой молока». Смеху было! Теперь — вот она, и вправду фабрика. А как еще? Тут все современное, все под рукой. Предприятие. Коровники бетонные, мельничка, и зал для механической вымойки, и танки для охлаждения молока. А закачивают тонны молока в автотанки насысы. Тут же и лаборатория для контроля за кондицией продукции, и сепараторный цех, и душевые.

Неклиновский колхоз «Россия» не один такой на звонкой донской земле. Тут что ни станица — зерноград с молочным комплексом либо с фабрикой мяса, то есть с развитым производством по откорму скота, свиней или птицы. А вокруг — степь да степь. Все та же степь. Та, да не та, конечно, утоптанная табунами статной буденновской породы, паханная-перепаханная, пшеничная и кукурузная... Земля прославленного «Ги-

ганта» — первенца социалистического переустройства просторной южнороссийской деревни, земля первых комплексных отрядов на жатве — предтеч ипатовских. Земля великой труженицы Нины Васильевны Переверзевой, обкатавшей опытные модели комбайна с родным ей именем «Дон»... Машинный труд в степи — теперь это как бы старая новость, потому что он обретает все технологические признаки труда на уровне инженерного мышления. И с опорой на достижения отечественной электроники: загляните в кабину уборочного гиганта «Дон-1500», где рабочее место комбайнера-испытателя Нины Васильевны Переверзевой, — там столько всего, что, кажется, добавь еще одну кнопку, еще один рычажок, и оторвется Нина Васильевна от приазовской степи в мир высоких орбит...

Не оторвется! Как не отрывают ся тысячи и тысячи тружеников донских станиц от земли-кормильцы. Да, операторы. Да, инженеры полей... Но они же и земледельцы. Приазовская, Сальская, Каменская — все они, эти степи, одной земли, людной и щедрой. Приметы новой весны: там и тут асфальт, личный автопарк, сады плодовые и детские сады-ясли, новое жилье. И, конечно, открытие сезона охоты, рыбаки... Жизнь насыщается, и уплотняется время. И растут объемы производства, а язык пополняется новыми словами. И это ощущение движения, родственное сокодвижению в молодых стволах и полевых растениях, по-весеннему радует. И обнадеживает.

Энергия жизни, затаенная в пахотном слое здешней земли и зеленой клетке растений, породила эти села, станицы, поселки. Перед такой землей нельзя быть в долгах.

Н. ШАТОВ

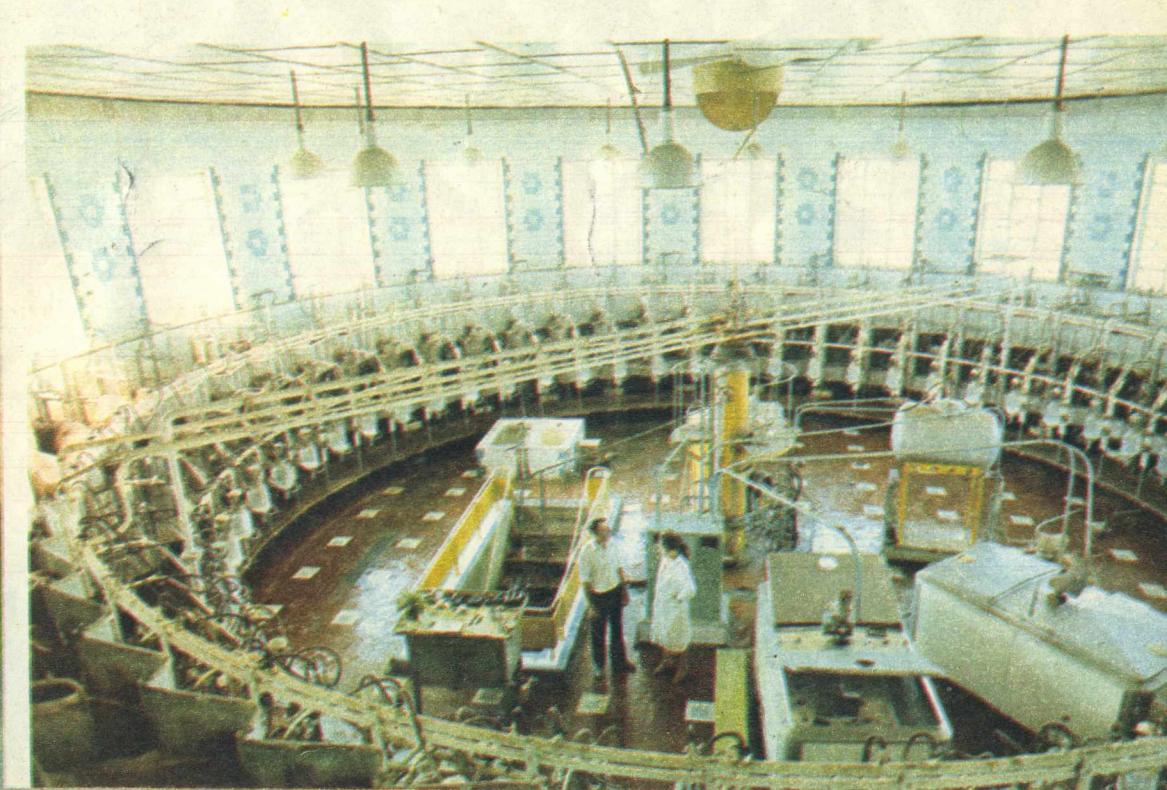
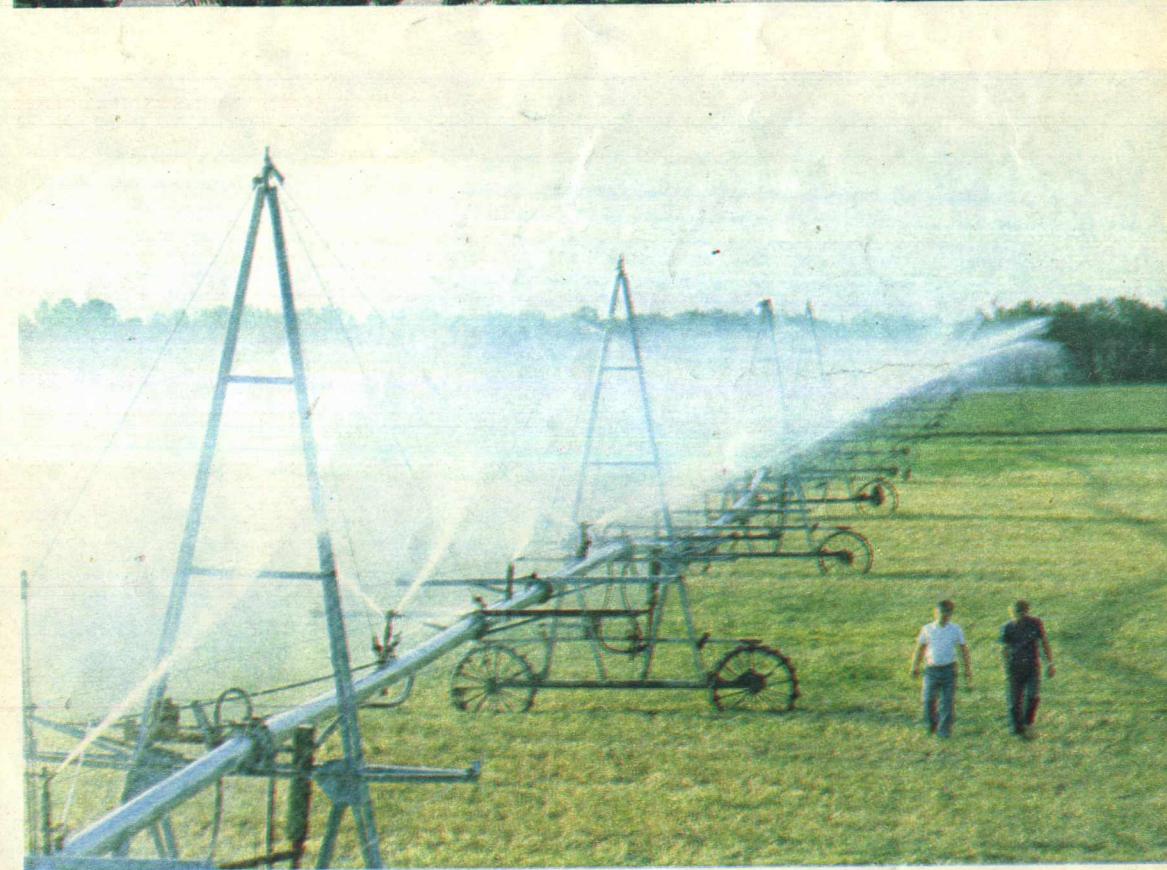
В станице Егорлыкской свой «Детский мир» * Хорошо детям в колхозе «Красная звезда» Неклиновского района.

НА РАЗВОРОТЕ В КЛАДКИ: совхоз имени Луначарского. Семья В. П. Хадеева собирается на рыбалку * Поселок совхоза «Рассвет» * Рукотворный дождь * Доильный зал колхоза «Россия» Неклиновского района.

Фото Б. КАВАШКИНА и Е. НЕДЕРИ (ТАСС)

Запевала

Взгляните на портрет: всем хорошо знаком этот человек. Мы часто видим его на экранах телевизоров, в концертных залах, а голос его — красивый, яркий, сердечный — слышим по радио, на пластинках, за кадром кинофильмов.

Рос он веселым и озорным мальчишкой. Выбрал мужскую профессию: в родном Днепропетровске был горный техником, и он решил, что будет мастером разведочного бурения: «Это как раз для меня». Окончил техникум, ушел в армию. Служил хорошо. Да к тому же еще и пел: песня ведь тоже подспорье в не-легком солдатском труде. Потом послали батарейного запевала на конкурс песни в Тбилиси. Здесь, получив приглашение в ансамбль Закавказского военного округа, он понял, что песня — дело его жизни.

Он приехал в Москву. Пришел в институт имени Гнесиных. Спер, что знал, был принят на подготовительное отделение. И начал учиться. Помогать ему было некому. Сам должен был помочь: в Днепропетровске жила мама, маленькая сестренка...

Он учился яростно, непрестанно. Его готовили к оперной сцене. У него был редкостно красивый тембр голоса. Добротной осанки фигура, склонность к актерскому перевоплощению, темперамент, хорошая дикция — все предвещало оперную сцену. Но он любил песни — Дунаевского и Блантера, Шостаковича и Покраса. Учил их быстро и пел легко. И сердцем чувствовал — где-то зреет новая песня, может, не лучше прежних, но своя. Песня его поколения. И он обрывал телефоны любимых композиторов: просил дать ему «его» песню и объяснял им, какая это должна быть песня... Первым откликнулся Аркадий Островский — он и сам тогда начинал композиторскую карьеру. Островскому понравился студент, который искал граждансскую, сердечно простую и обязательно лирически пронзительную песню, но композитор хотел, чтобы его песни исполняли дуэт. Тогда студент нашел второго певца. Потом нашел и вторую певицу. Вместе с В. Кохно, а потом с М. Кристианской пел замечательный «Дворовый цикл». Потом он атаковал начинавшую тогда А. Пахмутову. Она поверила в него сразу. Она сказала о нем: «Надо будет петь — даже в цирке споет!» И он пел «Куба, любовь моя».

Пел со сжатыми кулаками, пел где-то под куполом цирка на Цветном бульваре, пел страстно, громко, отчаянно... Но ему было легко: это была жизнь его поколения, и ему была близка революционная Куба, близки революционные песни. М. Фрадкин, О. Фельцман, В. Мурадели, Я. Френкель стали «его» композиторами, они писали для него, точно зная, как он споет. И он пел эти песни привычно, торжественно.

Гражданский певец — это хорошо! Так скажали на радио. Он взялся за дело ответственно, строго, обращался от композиторов к поэтам, от дирижеров к пианистам: уверял, убеждал, упрашивал — так, будто завтра будет поздно. Спешил сам и торопил других. И записывал, записывал, записывал. В перерывах учился. Часами слушал записи Л. Утесова, пытаясь проникнуть в тайну его сердечности. На концертах М. Бернеса старался постигнуть секрет его значительности — человеческой, интеллигентской, понимая, что песню надо возвысить и взлелеять.

Певец мчится на великие сибирские стройки. Первая же поездка — Братск, Ангара, Улан-Удэ, Иркутск, Красноярская и Усть-Илимская ГЭС — окончательно определила его судьбу; вторая — вверх по Ангаре и Илиму — была началом его истинно творческой биографии.

Теперь он уже знал, что должен петь для тех, кому он сегодня нужнее всего. Для проходчиков БАМа и спортсменов, штурмующих олимпийские высоты; для пограничников и буровых мастеров, изыскивающих нефть в зонах мерзлоты. И он не раз вспомнил с улыбкой, как отказался от оперной карьеры. Он опять скажет себе: все только так! Это моя судьба.

Он будет рваться в родное село на Украину. Ему обязательно нужно приехать на праздник урожая, чтобы петь прямо на открытом воздухе, четыре часа подряд. И чтобы была радость, и чтобы все ему подпевали!

Он никогда не научится отдыхать. Когда ему, запретив работу, всучили путевку в санаторий, он взял с собой чемодан нот и кипу стихов. А вернувшись, сказал: «Вот я сделал новый цикл: русские народные песни и романсы!» И близкие поняли: его нельзя посыпать на отдых, все равно он будет бегать в местные филармонии, слушать певцов и работать с композиторами, открывать новые, интересные решения. Такой характер.

Спросите Нелю, его жену, представляет ли она для него другую судьбу, без вечных разъездов, без домашней бесконечной стулочки среди непрерывных звонков и всей вообще самозабвенностю, никогда не прекращающейся работы. И она наверняка ответит: «Иначе он жить не может!»

Правда, он несколько изменился, когда родился первый ребенок. Но сейчас и Андрей уже учится в третьем классе. Музыкальную школу определил отец, — уж очень сын любил играть на барабане... Но все же, когда малыш еще лежал в коляске, отец понял, что началась иная жизнь семьи и появилась у отца новая ответственность: он стал мягче, чуть спокойнее. В то время он записал песни М. Таривердиева к кинофильму «Семнадцать мгновений весны», сердечные, умные песни.

Он счастливо растял сына и был столь же счастлив, когда родилась дочь. Теперь Наташа учится уже в первом классе. Но когда она едва умела говорить, он звонил ей отовсюду, из любого города. Звонил, чтобы сказать: «С добрым утром» или пожелать спокойной ночи. Он не просто хороший отец, говорят о нем близкие. Он знает близко своих детей, умеет разговаривать с ними о песне и учит их любить песню.

До последнего отдающий себя песне, он до последнего верен и дружбе. Но встречи с друзьями редки: так складывается жизнь. «Где он сейчас?» — спрашивают о нем у домашних. «Наверное, поет на Самотлоре или в Тольятти. Позвоните ему в Мурманск или в Целиноград. Спросите о нем у алмазников Мирного или у бетонщиков Зейской ГЭС...» Он всегда в пути. Но если заболеет друг, он, сердцем почувяв беду, примчится в Москву и здесь будет петь в больнице: для врачей, сестер, нянь, больных. Будет петь столько, сколько они захотят. Будет петь как в Колонном зале — самозабвенно, с полной отдачей.

Я помню вечер в Звездном городке, посвященный памяти Юрия Гагарина. Приехал певец откуда-то издалека, но успел к началу, вышел на сцену и пел «Звездный цикл» Пахмутовой. Много раз я слышала в его исполнении удивительные эти песни. Но тот вечер забыть нельзя. Он пел чуть тише обычного: это был и реквием и гимн. Это была исповедь, скорбная, душевно открытая. И в тишине вдруг раздалось негромкое, рвущее душу рыдание. Плакала Валя Гагарина. А слезы были на глазах у всех. Это снова было прощание: «Знаете, каким он парнем был...» Не словами только, а интонацией — из сердца, из груди, рвущейся и во все сердца попадающей. Песня звала всех беречь великое и святое, что подарил людям Гагарин, — его подвиг, его улыбку, душу; умение до конца отдать себя людям.

Вот эту душу, великую душу великого народа, певец и воспевает своей песней.

Народ любит и старинную крестьянскую песню; и городской романс; и задушевно-лирическую, тонкую и нежную современную песню; и задумчивую балладу; и исповедальное размышление; и песню-призыв, песню-марш, песню-плакат. Народ умеет петь. И цинит того, кто идет в запевалы.

Народный артист РСФСР, лауреат премии Ленинского комсомола, лауреат многих международных и всесоюзных конкурсов, Иосиф Кобзон стал таким запевалой. Ему выпала прекрасная доля.

Еще раз посмотрите на портрет — перед вами счастливый человек.

Нат. СМИРНОВА

Народный артист РСФСР, лауреат премии Ленинского комсомола Иосиф Кобзон. Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА

Афганистан борется, Афганистан побеждает

Ю. ВЕРЧЕНКО,
К. СЕЛИХОВ

Наш самолет, покачав на прощание крыльями сиротливым вершинам гор, пошел по спирале на снижение. Прошло немногим времени, и вот шасси мощного лайнера мягко касаются серого бетона кабульского аэродрома. У самого трапа самолета нас встречает группа афганских писателей во главе с членом Политбюро ЦК НДПА, председателем Союза писателей республики, известным поэтом Дастангиром Панджишири. По-летнему яркое солнце слепит глаза, смеется над нашими меховыми шапками и пальто. Улыбаясь, товарищ Панджишири говорит:

— Мы очень хотели, чтобы лучи нашего теплого солнца вместе с горячими сердцами всего народа приветствовали первых в истории нашей страны участников Дней советской литературы. От имени ЦК НДПА, писателей, всех моих мужественных соотечественников приветствуем вас и просим посланцев великой литературы великого северного соседа быть самыми желанными гостями революционного Афганистана!

...Так впервые в истории наших народов начались Дни советской литературы на афганской земле. В составе нашей делегации представители братских многонациональных литератур. Это казахский поэт Олжас Сулейменов, украинский поэт Дмитро Павлычко, белорусский поэт Анатолий Гречаников, московская поэтесса Людмила Щипахина. Советских писателей принял Генеральный секретарь ЦК НДПА, Председатель Революционного совета республики товарищ Бабрак Кармаль.

После торжественного открытия Дней с участием представителей широкой общественности афганской столицы состоялась научно-практическая конференция, посвященная советской литературе. Выступающие на конференции писатели вспоминали, какое огромное влияние она оказывала на формирование характеров молодых борцов за свободу и в довоенное время. Произведения Максима Горького, боевые стихи Маяковского, герои-молодогвардейцы Александра Фадеева вдохновляли революционеров, давали им силы пережить все ужасы застенков королевской и аминовской тюрем, не падать духом, оставаться, несмотря на физические мучения, верными делу партии, своему народу.

Книги советских авторов в дореволюционный период практически не издавались в Афганистане. В страну они попадали нелегальным путем, нередко переписывались от руки и распространялись среди народа тайком от полиции. Закрыв покрепче на засов калитку своего дома, при тусклом свете керосиновой лампы революционеры-подпольщики организовывали массовые читки советской литературы беднякам, которые с детства не умели ни читать, ни писать. Таких не знающих грамоты в стране насчитывались не сотни и не тысячи, а миллионы. Девяносто восемь процентов населения Афганистана до Апрельской револю-

ции было безграмотным, жило в темноте и бедности. На 17 миллионов жителей приходилось менее тысячи врачей, отряд технической интеллигенции насчитывал всего несколько сотен человек.

Сейчас, после революции, когда вся страна, несмотря на военное положение, именно вся страна — дети и взрослые, рабочие и дехкане, солдаты — добровольно и с большим желанием учатся в дневных и вечерних школах, афганская молодежь с большим интересом изучает русский язык, который помогает ей лучше знать историю и настояще братского советского народа, на многочисленных курсах, в университете и институтах художественная литература стала неотъемлемой частью духовной жизни миллионов граждан республики.

— Это тот колодец живительной воды, который наконец нашел наш караван после долгого, изнурительного пути в пустыне, — говорит в своем выступлении Дастангир Панджишири. — Трудностей сегодня у афганских писателей немало. И это естественно. Но уже делает свои первые уверенные шаги молодой Союз писателей Афганистана, созданный в 1980 году. Это первое в многовековой истории страны объединение литераторов.

Вместе с афганской литературой большой популярностью пользуются книги современных советских писателей. Особый интерес афганский читатель проявляет к произведениям таких выдающихся мастеров литературы, как Михаил Шолохов и Борис Полевской, Юрий Бондарев, Николай Тихонов и Георгий Марков, Раисул Гамзатов, Чингиз Айтматов, и многих других. С большим интересом слушали наши коллеги выступления советских писателей, которые рассказали о путях развития многонациональной литературы нашей страны, поделились личным опытом работы и творческими планами на будущее. По окончании конференции начались многочисленные встречи советской делегации с трудящимися, воинами и молодежью республики. Первая из них — встреча с рабочими кабульского домостроительного комбината. Тепло и сердечно принимали нас строители столицы. После волнующего митинга руководство комбината познакомило нас с жизнью и работой многотысячного рабочего коллектива. Комбинат был построен с помощью Советского Союза еще в 1965 году. Но заработал он на полную мощность только после Апрельской революции.

— Каждый новый жилой дом для трудящихся в Кабуле — это не только хозяйственная, но и политическая победа, — рассказывают наши друзья. — Это лучшая наглядная пропаганда постоянной заботы НДПА и правительства о нуждах народа.

Мы видели плоды упорного труда рабочих, инженеров и техников комбината, знакомясь с достопримечательными местами столицы. Это новые большие жилые массивы, микрорайоны современных, удобных квартир, в которых живут уже тысячи семей трудящихся. Здесь горячая вода и отопление, канализация и удобная для хозяйств кухня. Такие квартиры кажутся настоящими дворцами по сравнению с жалкими лачугами, что прелились, как птичьи гнезда, к склонам гор, где нет самых элементарных условий для жизни и быта человека. К сожалению, в таких условиях живут еще многие семьи трудового

Кабула. Много еще предстоит сделать коллективу домостроительного комбината, чтобы в ближайшие годы разрешить жилищную проблему в городе. Уже сейчас под новые застройки муниципалитет Кабула выделил новые сотни гектаров земли. Строительные площадки, на которых трудятся афганские рабочие рука об руку с советскими специалистами, мы видели не только в Кабуле, но и в провинциях, где так же, как и в столице республики, горячо и сердечно встречали трудящиеся страны делегацию советских писателей.

Спокойно живет и трудится город-сад Джеллабад. В нескончаемых рядах дуканов и по-восточному шумном и пестром базаре идет оживленная торговля, работают школы, отделение Кабульского университета, промышленные предприятия и мечети. Здесь, на городском стадионе, состоялась встреча трудящихся города с советскими писателями. Приветствовать и послушать стихи советских поэтов пришли тысячи людей. Белобородые, степенные старцы заняли почетные места — мягкие кресла в первых рядах. А за их спинами, поджав под себя ноги, во всю ширь зеленого поля стадиона — молодые ребята, рабочие и солдаты, студенты и школьники. Более двух часов продолжалась эта незабываемая, горячая, волнующая встреча. Она вылилась в яркую демонстрацию нерушимой афгано-советской дружбы, стала праздником литератур двух братских народов. Особенно долго не хотели отпускать с трибуны участники митинга нашу известную московскую поэтессу Людмилу Щипахину. Ее стихи о пламенной любви к своей Родине, о защите социалистического Отечества нашли горячий отклик в сердцах наших друзей. В этот декабрьский день она покидала стадион с охапкой ярких роз, гвоздик, душистых хризантем, которые подарили ей на прощание благодарные жители Нангархарской долины.

...И снова наша делегация в пути. Сменив в Мазари-Шарифе самолет на стрекозу-вертолет, мы летим на север республики, в Шибарган, который является гордостью молодой отечественной индустрии страны. Как известно, здесь в свое время с помощью советских геологов были обнаружены богатые залежи природного газа. Усилиями народной власти работает сегодня на полную мощь газовый промысел в окрестностях города Шибаргана. Пришло время, когда шибарганская газ в значительной степени удовлетворяет топливно-энергетические потребности страны, используется для производства химических удобрений на заводе в Мазари-Шарифе. Идет афганский газ и по газопроводу дружбы в Советскую Среднюю Азию. Шибарган — город рабочих и геологов по-братски встречает посланцев советской литературы. После многотысячного митинга на городской площади нас приглашают на радостный праздник — сдачу в эксплуатацию целого жилого городка для семей трудящихся, вручение ключей от квартир лучшим передовикам производства...

— Как награду для меня и моей семьи от народной власти рассматриваю я предоставление большой, светлой квартиры со всеми удобствами. Хочется работать еще лучше, надежно, с оружием в руках защищать нашу революцию, — так сказал один из молодых рабочих на стихийном, волнующем митинге новоселов в Шибаргане.

...Далек и нелегок путь до кишлака Месрабад, добрая молва о котором идет по всей республике. Нас выходят встречать все его жители, как говорится, от старого до малого. Был волнующий митинг. От имени делегации советских писателей проникновенно, на родном казахском языке выступает Олжас Сулейменов. Его здесь понимают без переводчика, приветствуют шумно, гремит несколько для нас неожиданное дружное «Ура!». А потом к себе в гости приглашают женщины, на свою половину, за надежный, с глазами-бойницами высокий глиняный дувал. Здесь на просторном дворе гостей в боевом строю встречал первый в Афганистане женский батальон самообороны. Триста девушек и женщин с автоматами и винтовками, с гранатами и пулепетами. Большое женское горе заставило их в один из памятных, трагических дней объединиться и взять в руки оружие. На кишлак налетела банда душманов, которая стала грабить дома, угонять скот, безжалостно расстреливать их мужей, братьев и детей. Вот тогда-то, выплакав все слезы горя от потери близких, объединились они в ненависти к бандитам. Стали учиться далеко не женскому и нелегкому военному делу... Где-то через месяц тревога среди темной ночи: к кишлаку шла новая большая банда. Ее встретили женщины, занявшись по всем армейским правилам круговую оборону кишлака. Стреляли метко, сумели к рассвету отбить не одну атаку душманов. Банда, понеся значительные потери, поспешила отступить.

Душманы... Нам довелось беседовать с теми, кто в недалеком прошлом грабил и убивал своих соотечественников. Попав в плен, многие пытаются утверждать, что их силой заставили взять оружие, не они, дескать, а другие стреляли в беззащитных стариков, женщин и детей. «Запугали», «обманули», «заставили»... Говорят, а сами боятся смотреть в глаза следователю, под рукою у которого неопровергимые показания десятков людей, документы, фотографии, свидетельствующие о злодеяниях этих убийц... Революционная республика суроно и по справедливости карает своих врагов. Но она проявляет воинственную человеческий гуманизм к тем, кто добровольно сложил оружие и пришел с повинной головой к народной власти.

— Я был главарем хорошо подготовленной в Пакистане американскими инструкторами банды, — рассказывает кряжистый, черноглазый парень, которому недавно исполнилось только двадцать лет. — Осознав всю тяжесть своего преступления против народа, добровольно вместе со всем отрядом перешел на сторону афганской армии.

— Есть кровь невинных людей и на моих руках, — не скрывая, говорит другой главарь банды. Ростом повыше, сошлился на переносицу: черные густые брови, серые глаза смотрят дерзко, почти не мигая. — Простит родной народ — жизни за него своей не пощажу.

Их простили, они добровольно стали воинами афганской армии и, как мы недавно узнали, достойно воюют с врагами революции.

...Мощные, ощущимые удары по бандам контрреволюционеров нанесла в последнее время афганская армия. Это армия нового типа, уважаемая и любимая народом, хорошо знающая, за что она борется, кого защищает. Еще в 1857 году Ф. Энгельс писал, что «...афганцы — храбрый, энергичный и свободолюбивый народ». И это действительно так. Но для современного воина вместе с храбростью нужны военные знания, чтобы умело действовать на поле боя, в совершенстве владеть грозной и сложной военной техникой. В одном из военных училищ нас познакомили с программой обучения будущих офицерских кадров афганской армии. Профессиональное военное обучение сочетается с политической подготовкой курсантов. Воспитанники этого военного университета хорошо показали себя в борьбе с контрреволюционным отребьем. И хоть немало из пало смертью героев в боях, никто не изменил делу народа, делу Апрельской революции. После митинга на плацу мы беседовали с начальником училища — седым, но по-юношески подтянутым, подвижным генералом.

— Военному искусству мы учимся у Советской Армии, — рассказывает он. — Для нас, афганских воинов, образцом мужества, исполнения своего высокого воинского и интернационального долга являются ваши солдаты и офицеры из ограниченного контингента советских войск в Афганистане, которые помогают нам в защите страны от сил контрреволюции.

И вот мы видим лица наших солдат и офицеров, о которых с такой теплотой отзывался афганский генерал. Загорелые, с добрым, радушной улыбкой, родные лица молодых советских воинов. Мы у них в гостях. Здесь любят и по-настоящему, со знанием дела, ценят отечественную литературу... Молодые воины в свободные от ратной службы часы не расстаются с книгой, некоторые из них сами пробуют свои литературные силы, пишут стихи и рассказы, ведут путевые дневники. Поззия здесь в особом почете. Особенно взволновало солдат и офицеров стихотворение Дмитрия Павлычко, написанное здесь, на афганской земле, и посвященное советским воинам, мужественно выполняющим свой интернациональный долг. Анатолий Гречаников чи-

тает по просьбе своих земляков стихи о родной Белоруссии, Олжас Сулейменов — о широкой казахской степи, которая рождает добрые хлеб и высоко, к звездам отправляет космические корабли. А Людмила Шипахина — о самом заветном: о любви, верности в разлуке и крепких девичьих объятиях, которые ждут солдат по возвращении на Родину.

Поэтов просят еще и еще читать свои стихи. Но кончилось наше время, снова зовет нас дальняя дорога по афганской земле.

...Две недели продолжались Дни советской литературы в Афганистане. После торжественного закрытия Дней в прекрасном многоместном зале нашего культурного центра в Кабуле мы снова собирались за «круглым столом». Подвели итоги Дней, наметили конкретные совместные литературные акции на будущее, пили чай, читали стихи и, признаться, не хотели расставаться друг с другом. Завтра нам улетать в Москву, а афганским друзьям вместе с творческой работой принимать самое активное участие в борьбе за ликвидацию неграмотности, развитие народного хозяйства, своим пламенным словом писателей вдохновлять народ на защиту республики.

Известный поэт Сулейман Лаек свою творческую деятельность совмещает с ответственными обязанностями министра по делам народностей и племен, а также президента Академии наук ДРА.

— Современная афганская литература в одной руке держит перо, а в другой автомат, — говорит он.

Барин Шафии много сил отдает общественной работе в Национальном отечественном фронте страны. Молодой поэт Кавун Туфани возглавляет орган ЦК НДПА газету «Хакките инкилабе саур» («Правда Апрельской революции»), а его ровесник поэт Абдулла Нашиби — ответственный работник ЦК НДПА. На высокую должность ректора Кабульского университета назначен хорошо известный в нашей стране писатель Асадулла Хабиб.

Сегодня афганская литература живет и развивается в самой гуще революционных событий. Бережно сохранив в себе мудрость и художественную ценность прошлых веков, она имеет великое будущее, где главным героям станет трудолюбивый афганский народ, строящий новую, светлую жизнь и одновременно с оружием в руках мужественно отстаивающий свою свободу и независимость. Сотрудничество советских и афганских литераторов вносит свою лепту в укрепление братской дружбы между советским и афганским народами. Высокого тебе полета, революционная литература Демократической Республики Афганистан!

Митинг дружбы в Джелалабаде.

Федя не продаётся!

Ирина ТОЛКАЧЕВА

Фото Г. РОЗОВА

Когда бабушка моя была молодой и жила в деревне, обстоятельства вынудили ее продать свою корову — бабушка называла ее Дочка. Корова эта была капризная, бодливая, никого к себе не подпускала, разве что бабушку. Жаль кормилицу, но... продала.

Прошло несколько лет. Возвращается как-то бабушка со станции и видит — далеко на холме пасется стадо. Вдруг отделяется от него корова и скакает через все поле. Бабушка сначала испугалась: весна, дорога вязкая, от сердитой животины не спасешься. А потом видит — да это же Дочка! Подошла, ткнулась бабушке в руку, потерлась головой о руки, повздыхала... Вы не слышали, как тяжело вздыхают коровы?

Много лет прошло. И дети у бабушки выросли, и внуки стали большими, а не могла она без боли вспоминать этот случай.

Сейчас для многих любовь к животным стала как бы частью духовного мира, словно мостиком каким-то, связывающим нас с природой, от которой мы отдаляемся все дальше. Может быть, это напоминание, а то и предостережение — уходя в цивилизацию, теряем мы непосредственность, бесхитростность. В общении с животными, наверно, отражается наша потребность в нежности, в бескорыстной привязанности. Тем более, что преданность собаки заслужить не трудно — покорми, искупай, прогуляй. Собака не соперник нашему самолюбию, только на откровенную грубость, жестокость ответит сопротивлением. Тогда приходится вспоминать и о такте, сдержанности. Собственно, наше отношение к людям — это продолжение того, как мы относимся к животным. Привязанность животного восполняет недостаток человеческого внимания, вызывает ответное чувство благодарности.

И сложнее и проще понять того, кто жестоко обращается с живыми существами. Ну что ж, для ограниченного, духовно убогого человека это способ показать свое превосходство, утвердиться, глупая попытка вызвать восхищение окружающих, уж коли ничем другим он восхитить не может.

...Птичий рынок, пожалуй, одно из самых интересных мест в Москве. Чего здесь только нет! И рыбки, похожие на причудливые заморские цветы, и птицы, поющие на разные голоса, и обезьяны, и черепахи. Ходишь, забыв, где ты и что с тобой. А случается, вдруг на самом выходе натыкаешься на глаза, полные тоски и понимания, — здесь продают не только щенков, но и взрослых собак.

Разные причины приводят сюда их хозяев. У кого-то родился ребенок, а квартира маленькая, кому-то просто надоело животное, переставшее быть забавным щенком, кто-то вынужден уехать...

«Продаётся хороший друг» — гласит плакатик. Нет, хороший друг не продаётся. Он будет трудно и долго привыкать к новым хозяевам, будет помнить и ждать прежних и никогда не затает на них злобу.

Ну, а сам-то тот, кто отрекся от друга, с чем он будет жить дальше? С чем останется?

Продаётся Федя? Нет, продают Федю.

Прощай, брат!

Семейное прощание...

Голуби — душевный товар.

ВАРЕЖКИ, ВАРЕЖКИ...

С Александрой Андреевной Басалгиной я познакомилась на торжественном собрании, посвященном юбилею производственного объединения «Парма». Она сидела недалеко от меня и, по всему было видно, удивлялась: что это директор так долго говорит о ней, даже похвалил ее за умение варежки вязать... Но когда позже я попросила главного инженера назвать лучшую надомницу, Вячеслава Дмитриевича Лебедев, не задумываясь, предложил: «Напишите об Александре Андреевне!»

И вот беседуем с Александрой Андреевной. Бабе Шуре, как ласково зовут Басалгину на предприятии, уже за семьдесят.

С чего же начать? — И Александра Андреевна смотрит на меня синими, как васильки, глазами. — Разве что с детства? Я у мамы вроде нелюбимой дочки была, а все потому, что старшан. Вот и приходилось всю черную работу делать. И пол мести, и посуду мыть, и за сестренками глядеть, куклы им шить. Игрушек тогда не было. Мы сами и куклы шили и наряды им всякие. Машина швейная была, уйдет мама — я и давай строчить. Вязать научилась рано. Себе и сестренкам вязала варежки и носки. Вязала и не думала, что к старости останусь одна, а мое рукоделие поможет мне жить.

Баба Шура рассказывала степенно и долго. Мол, однолюбна по натуре, если к чему приспится, так надолго. Город один для нее, речка одна, любовь одна... В Перми всю жизнь. Мужа любила, да он рано умер. Второй раз замуж не пошла. Профессии своей не меняла, почитай всю жизнь швей. Правда, перед самой пенсии пришлось из мастерской уйти по болезни, вот тогда недолго поработала санитарной в больнице, но вернулась к любимому делу и уже несколько лет надомницей от «Пармы».

— Однажды соседка принесла газету, где было написано, что открывается объединение по надомному труду, — продолжала баба Шура. — Позвонили, выяснили, кому можно работать, на каких условиях... Попали устраиваться. Встретили настороженно, не хотели брать — возраст не тот... Мы к директору, Владимиру Сергеевичу Плахину. Он нас выслушал со вниманием и предложил: «Вяжите варежки, да покрасивее».

Очень старалась Александра Андреевна. Едет в автобусе ли, в трамвае и все на руки смотрит, носит ли кого-то варежки. Ну, а если замечает рисунок особенный, запоминает, а дома пробует связать. Вскоре по образцам Басалгиной другие надомницы вязать стали.

— Все мы, надомники, чувствуем, что полезные люди для общества. Большинство из нас люди одинокие, есть и больные. На производстве подавай план! А слабым да больным трудно с ним справиться. Надомничество и таким по силам. А в нашей «Парме» отношение особое. С надомницами спрашивают только то, что ему удаётся. Доверие, внимание окрыляет пожилых людей, помогает забыть про болячки. За добро отплатить хочется, стараешься получше с заданием справиться...

Производственное объединение «Парма» было задумано как предприятие, где могли бы работать люди, не имеющие возможности по разным причинам трудиться на заводах, фабриках, стройках. Но как создать коллектив, проконтролировать качество продукции, когда каждый работник сидит дома? Прошло время, и сегодня можно сказать, что затея оправдала себя. В объединении 1400 надомников. В производстве около пятидесяти изделий. Сложился коллектив.

Есть у «Пармы» и проблемы. Главная беда — нехватка помещений. Приемный пункт в Перми тесен. Мала площадь стационарных участников. Есть проект центрального приемного пункта, начато и строительство, но до новоселья еще далеко, хотя сроки сдачи миновали еще в прошлом году.

Нелегко развиваться «Парме». К концу пятилетки надомников должно быть три тысячи, а продукции намечено реализовать на три миллиона рублей. Так что понадобится производственная база. И еще. «Парме» нужен грузовой транспорт. Ведь цехи, участки, приемные пункты расположены не только в городе, но и в области. Расстояние между крайними точками более тысячи километров. Пока снабжать надомников материалами, заготовками, а цехи — сырьем нелегко. «Парме» требуется помощь. Это очевидно.

З. КРЯКВИНА

Пермь.

Анатолий БЕЗУГЛОВ

Наследница

Я всегда присутствую на заседаниях исполнительного комитета горсовета. Конечно, если по каким-либо делам не выезжаю из Южноморска. В тот день мы «перемолотили» кучу вопросов, все устали. И, признаться, я был рад, когда заседание кончилось. Однако я должен был немножко задержаться.

— Ничего,— заметил с улыбкой председатель горисполкома,— отведаете наконец нашей фирменной окрошки.

Но поесть окрошки так и не удалось. Меня разыскала Зоя Васильевна, секретарь горпрокуратуры.

— Захар Петрович, тут одна женщина... Приехала из-за границы... Срочно хочет встретиться с вами...

— Иностранка? — удивился я.

— Говорят по-русски. Совершенно чисто...

— А почему вы не направили ее к Юрию Николаевичу? У него сегодня приемный день...

Юрий Николаевич Вербицкий — мой заместитель.

— Она уверяет, что дело важное. Решить может только прокурор города...

— Хорошо, еду,— сказал я.

Возле прокуратуры среди «Волг» и «Москвичей» выделялся щегольской автомобиль с иностранным номером и красочными нащелками на кузове и заднем стекле. Стояла жара, и дверцы машины были распахнуты настежь. На переднем сиденье, уткнувшись в газету, сидел немолодой мужчина в джинсах, светлой тенниске и легкой матерчатой кепочке с пластмассовым козырьком. Когда я вышел из машины, он оторвался от чтения и посмотрел на меня. Глаза его скрывали зеркальные защитные очки. На заднем сиденье расположился мальчик лет тринадцати в шортах, рядом с ним — девочка.

В приемной меня ожидала женщина лет сорока. Вид — спортивно-походный. Белые джинсы, шелковистая с переливающимися узорами блузка, сабо. На женщине было несколько нитей бус, браслеты, кольца. Длинные прямые волосы платинового отлива обрамляли ее красивое холеное лицо и свободно ложились на плечи.

— Прошу, пожалуйста... — открыл я дверь своего кабинета.

Она прошла вперед очень уверенно и не-принужденно устроилась на предложенном стуле.

— Разрешите представиться, — начал я, не зная, как называть ее, миссис или госпожа. — Захар Петрович Измайлов, прокурор города Южноморска.

— Нинель Савельевна Топоркова, — сказала она в ответ.

— Русская? — осторожно поинтересовался я.

— А как же! — с удивлением ответила женщина. И добавила: — Советская.

«Слава тебе...» — отлегло у меня.

— Мы своим ходом прямо из-за рубежа, — продолжала Топоркова. — Мой муж — вице-консул в... — Она назвала одну из скандинавских стран. — Даже в Москву не заезжали. Намерелись там, на севере, хочется, чтобы дети попользовались солнцем...

— Это ваши? — показал я в окно, из которого был виден элегантный лимузин.

— Мои, — с гордостью произнесла Нинель Савельевна. — И муж... Вы, конечно, знаете, какая сложная сейчас международная обстановка... Читали об инциденте на Балтийском море?

Я не знал, что она имеет в виду, но на всякий случай кивнул.

— В общем, что там говорить, — вздохнула Топоркова. — Живем на одних нервах. Сплошные

стрессы... Как вы сами понимаете, миссия у Топоркова очень ответственная. Мы там себя не жалеем... Ну, если два года не могли вырваться в отпуск, как вы думаете? — посмотрела она на меня, ища сочувствия. — По-моему, вполне заслужили внимания. Обыкновенного, человеческого внимания. И понимания... Так?

Она снова посмотрела на меня, ожидая, видимо, подтверждения.

— В чем суть вашего дела? — спросил я.

— Какие пошли черствые люди! Вы даже представить себе не можете! — решив, наверное, поначалу излить свои чувства, выпалила посетительница. — Эгоистичные, неблагодарные... Только бы себе было хорошо, а на других наплевать!.. Нет, я этого так не оставлю! Ни за что! Может, раньше и согласилась бы, но теперь... Это дело принципа! Да, да, принципа!..

Я снова попросил ее перейти к существу. Топоркова щелкнула замком сумки и вынула сложенные пополам и подкототые скрепкой несколько листов бумаги. Но почему-то не сразу отдала их мне.

— Вот здесь все изложено, — развернула наконец бумаги Топоркова и положила ко мне на стол. — Но хотелось бы кое-что объяснить на словах. Понимаете? Официальный документ есть официальный документ...

— Пожалуйста, я вас слушаю, — кивнул я, машинально глянув на часы: толкуем столько времени, а никак не доберемся до самого дела.

— Я, между прочим, здешняя, — вдруг доверительно произнесла Топоркова. — Родилась и выросла на Приморской... Это считалось почти за городом. Мы так и говорили: поедем в город... От последней остановки трамвая — еще пешком километр... Бывало, пошли нас с сестрой за покупками в магазин, пока дойдешь... — Она махнула рукой. — Летом — пыль, зимой — слякоть... — Топоркова спохватилась: — Я хочу сказать, что, помимо меня, в нашей семье из детей была еще Вера. Старшая сестра... Давно уже замужем. Сын у нее... Понимаете, всего один! А у меня двое — Игорек и Сонечка... Не подумайте, что хвастаю, но все в один голос твердят, что Игорь — очень способный мальчик. Можете убедиться сами...

Топоркова поспешила раскрыть сумку и достала из нее плотный пакет. В нем оказалась винтажная пачка цветных фотографий.

Нинель Савельевна быстро встала со стула и ловко разложила снимки передо мной, бесцеремонно отодвинув мешающие предметы.

— Посмотрите! — с гордостью сказала она, тыча ухоженным, наманикюренным пальцем то в одну, то в другую фотографию. — Сколько экспрессии!.. Какой колорит!.. А вот какая смелая композиция!..

Это все были снимки рисунков. И на всех рисунках — море. То тихое, спокойное, то бурное, вздыбившееся. Море, пустое до горизонта или же со стайкой парусников. Она бережно собрала фото и сложила в пакет.

— Мы показывали работы сына в Москве, одному действительному члену Академии художеств, — сказала она, пряча пакет в сумку. — Он говорит: «Айвазовский! Да, да, второй Айвазовский!» Мне даже неловко стало... Я говорю: что вы, мальчику еще работать и работать... Академик тоже считает: надо писать, писать и писать. И непременно на пленэре. На натуре то есть... Ну, скажите, после всего этого как можно лишать Игоря такой возможности! — неожиданно возмутилась Нинель Савельевна.

— Как это — лишать? — не понял я.

— Элементарно! — воскликнула Топоркова. — Но ведь это же будет преступлением! Преступлением перед искусством! — Она снова выхватила пакет и потрясла им в воздухе: — Хотя бы вспомнили, кто приобщил Игоря к живописи! Почтили память отца!.. Игорек был вот таким, — показала она ладонью от пола, — когда Савелий Платонович, то есть мой папа, помогал выводить кисточкой на картоне первые линии! Он часами мог сидеть с Игореком на берегу и объяснять, когда какое освещение у моря... Он мечтал, чтобы его внук стал великим художником, прославил Родину!..

Терпение, терпение... Но я потерял надежду понять что к чему. И, вежливо остановив Топоркову, решил наконец ознакомиться с документом, в котором «все изложено»...

Документ этот сохранился в архиве прокуратуры. Привожу его дословно.

«Прокурор гор. Южноморска старшему советнику юстиции тов. Измайлову З. П.

от Топорковой Н. С., проживающей в гор. Москве.

Жалоба в порядке надзора.

В городе Южноморске проживали мои родители: Румянцев Савелий Платонович и мать — Румянцева Мария Филипповна. У них было две дочери. Я, Топоркова Нинель Савельевна, 1946 г. рожд., временно находящаяся за границей в связи с работой мужа, и моя старшая сестра, Дубравина Вера Савельевна, 1938 г. рожд., ныне проживающая в гор. Воркута, ул. Спортивная, дом 6, кв. 59.

21 марта 1981 года отец умер, в связи с чем моя мать, сестра и я стали наследниками имущества отца, а точнее, дома, в котором жили родители и который принадлежал им на правах личной собственности. Дом находится в городе Южноморске по ул. Приморской, номер 17. В доме имеется четыре небольших комнаты. После похорон отца на семейном совете было решено: мать будет жить в двух комнатах, а нам с сестрой выделяется по одной комнате. Но когда встал вопрос, как поделить оставшиеся комнаты между сестрой и мной, возник спор. Дело в том, что одна комната, с верандой, выходит на юг, то есть к морю. Другая же комната, без веранды, с окнами во двор. Я была убеждена, что мне отдаут комнату с верандой. Во-первых, потому, что у меня двое детей, а во-вторых, что мой сын Игорь — одаренный мальчик, и если он будет когда-нибудь отдыхать в дедушкином доме, то ему нужно для своих занятий живописью писать с натуры, постоянно черпать вдохновение, глядя на море. Несмотря на убедительность моих доводов, мать и сестра настаивали на том, чтобы я взяла себе северную комнату. В связи с этим я обратилась в народный суд Приморского района гор. Южноморска с иском к матери и сестре, в котором просила суд выделить мне комнату с верандой, выходящую на юг. Ко времени заседания суда отпуск мужа подошел к концу, и я вынуждена была вместе с семьей выехать за границу, а ведение своих судебных дел поручила члену коллегии адвокатов гор. Южноморска тов. Решетенко П. И. Но адвокат тов. Решетенко П. И. оказался явно не на высоте. Как я узнала позже, хотя он выступал в суде в защиту моих интересов, но очень неубедительно.

Народный суд Приморского района гор. Южноморска своим решением от 12 октября 1981 года выделил мне северную комнату.

а южную, с верандой,— моей сестре. Копия решения суда прилагается.

С таким несправедливым решением я не могла согласиться и предложила адвокату Решетенко добиваться его отмены. Он писал жалобы в областной суд, в Верховный суд республики, в Верховный суд СССР, и всюду по непонятным причинам ему отказали. Копии ответов прилагаются. Считаю, что все эти инстанции не вникли в обстоятельства, не разобрались в существе вопроса и отнеслись ко мне бездушно, по-бюрократически. Поэтому я решила обратиться в прокуратуру, которая осуществляет надзор за законностью решения судов по гражданским делам, и просить опротестовать решение Приморского народного суда гор. Южнороссии и определение областного суда с тем, чтобы при новом рассмотрении восторжествовала справедливость и южная комната, с верандой, в доме, оставшемся от отца, была передана по наследству мне.

Дальше шла подпись Топорковой и число. Насколько я понял, жалоба была составлена адвокатом. К ней были приложены копии перечисленных документов.

Нинель Савельевна, нетерпеливо следившая за мной, встрепенулась, когда я положил бумаги на стол.

— Вот видите!..

— Да, теперь суть вопроса мне ясна,— сказал я.

— Я еще не все написала! — воскликнула она грозно.

— Есть и другие обстоятельства? — спросил я.

— Почти два года тянет волокита! Это нервы, понимаете? А расходы? Адвокату за жалобу плати каждый раз.. Около трехсот рублей уже ухнула!

Топоркова вздохнула, на минуту задумалась, что-то припоминая.

— И еще вот что,— вспомнила она.— Не думайте, что об Игоре я голословно, как каждая мать, уверена, что ее сын — талант. Вот...

В очередной раз щелкнул замок ее роскошной сумки, и Нинель Савельевна протянула мне сложенный листок глянцевитой бумаги.

Я развернул. Именной бланк действительного члена Академии художеств. Довольно известного художника. Уважаемый академик писал, что способный мальчик Игорь Топорков нуждается в занятиях живописью на натуре, у моря. Коротенький текст был отстукиан на пишущей машинке. Под ним стояла длинная подпись, явно выполненная старческой рукой. Я не понял, что это было: рекомендация, пожелание?..

Топоркова сказала:

— Прошу приобщить к жалобе.

— Хорошо,— ответил я.

И невольно посмотрел в окно. Возле автомобиля Топорковых собирались мальчишки. Еще бы — иностранная машина!

Игорь стоял рядом с автомобилем, облокотившись на капот, и что-то объяснял своим сверстникам-зевакам...

Как бы мне хотелось услышать, о чем беседуют южнороссийские пацаны, веселые, зевесущие, неугомонные, с мальчиком, который только что вернулся из далекой скандинавской страны и за которого хлопочет академик Академии художеств...

Вся ватага вдруг дружно рассмеялась. В том числе и Игорь. Это я понял по выражению мальчишеских рожиц. Да, дети всегда найдут общий язык. Но вот почему взрослые иной раз не могут договориться? Казалось бы, самые близкие люди — мать и две родные сестры... Неужели нельзя было решить их спор, не выволакивая семейных дряг в суд, в прокуратуру? Я хотел спросить об этом Топоркову, узнать получше о взаимоотношениях с родственниками. Но она вдруг встала, решив, видимо, что дело сделано и разговаривать больше не о чем.

— Так когда я могу начать пользоваться своей комнатой? — спросила Нинель Савельевна.

— Какой? — опешил я.

— Ну, той, из-за которой весь сыр-бор? С верандой?.. Когда я получу ее? — повторила она, досадуя на мою непонятливость.

— Видите ли, Нинель Савельевна, вопрос о том, кому должна принадлежать комната — вам или же вашей сестре, — прокуратура решать не уполномочена...

— Как это так? — нахмурилась посетительница.

— Такие вещи решает суд... Мы, со своей стороны, можем лишь проверить, законно было решение или нет... Понимаете?

— Более или менее,— усмехнулась она.

— Посмотрим дело. И, если возникнет необходимость опротестовать решение суда, сделаем представление в прокуратуру области...

Топоркова вздохнула. С намеком, мол, и тут волокита. Чтобы как-то успокоить ее, я сказал:

— Сегодня же дам указание истребовать ваше дело. Проверим...

— Господи! — вырвалось у нее.— Проверятьто зачем? Все ясно как божий день... Моя мать и сестра совсем потеряли совесть...

— Вы пытались договориться с ними? — поинтересовался я.— По-человечески, в конце концов по-родственному?

— Говорила, как не говорить! — воскликнула она.— Словно о стенку горохом!

— Когда?

— Ну, тогда еще, перед судом... Два года назад...

— А теперь?

— Уникаться? Мне? — ужаснулась Топоркова.— Я тогда от них такого наслышалась... Хлопнула дверью и ушла. Даже адреса своего заграничного не оставила...

— Выходит, приехав в Южнороссии в этот раз, вы с ними не встречались? — уточнил я.

— Считаю ниже своего достоинства даже видеться с ними,— гордо вскинула голову Нинель Савельевна.— А не то что говорить...

— Где вы остановились? — спросил я.

— Да можем где угодно. В «Прибо», «Якоре», «Интуристе».. Для Топоркова нет проблем! Но, понимаете, мы, как говорится, с корабля на бал. Сегодня же вечером — на теплоход «Восток». Каюта люкс...

На «Восток», я знаю, достать билеты невозможно. На каждый его рейс все места бронируются на несколько месяцев вперед.

— Значит, в круиз?

— Признаюсь, лично я с большим бы удовольствием провела отды в где-нибудь в пансионате. Нам предлагали. В ведомстве Топоркова. Но дети!.. Игорек будет каждый день видеть море! Непередаваемую игру цвета! Воды и неба.. Ну чего не сделаешь ради детей! — вздохнула Нинель Савельевна.

— Когда вы вернетесь из круиза? — поинтересовался я.

— Судя по путевкам — через две недели.

— Ну что ж, к тому времени мы уже проверим... Куда вам адресовать ответ?

— Я зайду сама, как только вернусь в Южнороссии из круиза.

Топоркова ушла. В кабинете еще долго витал еле уловимый аромат тонких духов. А у меня в душе остался какой-то неприятный осадок от нашей беседы.

Проверить в порядке надзора законность решения суда о разделе дома покойного Румянцева между наследниками я поручил своему помощнику по гражданским делам Ирине Александровне Смирновой. В прокуратуре ее называли ходячей правовой энциклопедией. И не зря. Посудите сами: юрист-консультант на крупном заводе, пять лет народный судья, более десяти лет работы в прокуратуре — таков послужной список Смирновой. Прежде чем взяться за какое-нибудь дело, она дотошно расспрашивала о нем, задавала массу вопросов, казалось бы, вовсе не нужных. То, что ей поручалось, выполняла со скрупулезной точностью. В прокуратуре поговаривали: где прошлась Ирина Александровна, не то что камешка, соринки не найдешь.

Дело Топорковой было истребовано. На его изучение у Смирновой ушло всего несколько часов. После этого Ирина Александровна зашла ко мне с докладом.

— Ваше мнение? — спросил я.

— Нарушений закона нет.

— Значит, оснований для протеста не имеется?

Смирнова помедлила с ответом.

— Понимаете, Захар Петрович, мне самой кое-что неясно. По существу. Не могу понять, почему мать Топорковой, Мария Филипповна, заняла позицию в пользу старшей дочери...

— Что же вам тут непонятно? Поясните, пожалуйста,— попросил я.

— Во-первых, Вера, то есть старшая дочь,— не родная,— сказала Смирнова.— А Нина — родная.

— Не родная? — удивился я.— Странно... В этом случае, по логике, Мария Филипповна Румянцева должна бы горой стоять за Нину...

— Нину,— поправила Ирина Александровна.— Так, во всяком случае, Топоркова значится по паспорту. Мария Филипповна — вторая жена Савелия Румянцева... Первая, мать Веры, Анна Павловна...

— Где она, что? — спросил я.

— Придется рассказать вам об этой семье... Румянцев воевал еще в гражданскую. Молоденьким пареньком. Был в отряде прославленного Оки Ивановича Городовикова... После войны осел в наших краях, плотничал. Женился поздно. На Анне Павловне. Та работала почтальоншей... Приморская улица тогда была за городской чертой. Хутор не хутор, поселок не поселок...

Румянцев был отличным плотником... Вместе с Анной сладили дом. Впрочем, скорей флигелек. Жили счастливо. В тридцать восьмом родилась Вера. Когда началась Отечественная, ей было неполных три годика.. Савелий Платонович ушел на фронт в первый же месяц войны. Кавалеристом. Воевал у генерала Белова...

— Биография типичная,— заметил я.

— Судьба семьи тоже,— вздохнула Ирина Александровна.— Анна Павловна погибла в июле сорок первого. Немцы бомбили Южнороссию особенно ожесточенно. Важный порт.. Бомба угодила прямо в домик Румянцевых. Вера осталась жива только потому, что была в это время в детском садике. Затем — эвакуация. На Урал. Родителей она, естественно, не помнила. Воспитывалась в детском доме... Савелий Платонович ничего не знал о жене и дочери. Писал письма, а отвечать было некому. Соседи кто погиб, кто тоже эвакуировался... В сорок пятом ранней весной Румянцев вернулся домой. Без ног...

— Ампутация после ранения?

— Да. На одной отняли ступню, на другой — до колена. Подорвался на мине... Собственно, привезла его в Южнороссию Мария Филипповна. Медсестра. Ей было поручено сопровождать Савелия Платоновича из госпиталя. Инвалид, беспомощный... Возвратился Румянцев в Южнороссию, — продолжила Смирнова.— На месте родного дома — пепелище. Жена погибла. Где дочь, никто не знает. Совсем с отчаяния потерял голову. Запил с горя... На кого оставить его? Мария Филипповна решила быть с ним. Всегда. А тут война кончилась. Мария Филипповна демобилизовалась. Потом первым делом пошла в горисполком, добилась, чтобы им выделили комнату в общей квартире. Савелий Платонович выучился чинить часы. Поступил в артель, работал на дому... Стали разыскивать дочь, Вери. Писали повсюду письма, слали запросы. В том, что ее удалось отыскать, большая заслуга Марии Филипповны.

— Когда это случилось? — спросил я.

— В сорок шестом. Вере было восемь лет... Нелегко дались ей эти годы. Как вспоминала на суде Мария Филипповна, Вера приехала худощавая, прозрачная, как травинка, выросшая в подвале, без света. Всех сторонится, дичится. Чуть что — плачет, а как понервничает — заикается... Много надо было вложить души своей и ласки, чтобы девочка отаяла сердцем...

— Выходит, привязалась к Вере еще тогда?

— Любовь часто начинается с сострадания... — Раньше, до Румянцева, Мария Филипповна не была замужем?

— Откуда! Молоденькой ушла на фронт. В сорок шестом ей был всего двадцать один год...

— Значит, у них была большая разница в летах?

— Да, лет восемнадцать... Вера она полюбила, как родную, старалась ничем не огорчать, не обижать. Даже тогда, когда родилась своя, Нина.. А она в противоположность сестре росла веселой, бойкой. Мария Филипповна вспоминала: ласковая как котенок, разве что не мурлыкала. Кто прислалась, того и любит.. Любили ее все. Хорошенькая была. Вера от нее не отходила. Можно сказать, она вынужнила сестренку... У Савелия Платоновича постепенно затянулись душевные раны. Все за-

боты только о семье. Решили заново отстраиваться. Деньжат подкопили, да военкомат помог. Городовиков за Румянцева хлопотал, не забыл своего лихого кавалериста... В общем, выдюжили. Вера окончила ФЗУ. Вышла замуж. Между прочим, за паренька, с которым были вместе в детдоме на Урале. Они с ним все время переписывались. Словом, не теряли друг друга. Поженились и уехали на Север...

— А Нина?

— Тут уж мать с отцом опекали как могли... Окончила школу, поехала в Подмосковье, в библиотечный институт. На третьем курсе вышла замуж за Сергея Федоровича Топоркова. Он в то время работал таксистом и учился заочно на экономическом факультете. Высшее образование они получили одновременно. Но по своей специальности Топорков работать не пошел. Сначала подался в управдомы. И скоро получил однокомнатную квартиру. Это была, прямо скажем, роскошь в те времена... Из управдомов тут же ушел, устроился в Торговую палату. А через несколько лет его послали за границу. В наше творчество. Как вы знаете, теперь Топорков до служился до вице-консула. Имеет в Москве трехкомнатную квартиру. Красавица жена, двое крепких, здоровых детей...

— Как говорится, дом — полная чаша... А как устроена Вера?

— Материально, кажется, неплохо. Кто он, ее единственный сын, из материалов дела не видно. Самое удивительное, на суде Вера заявила, что ей все равно, какую присудят комнату, с верандой или без, на юг или на север...

— Выходит, Мария Филипповна настояла, чтобы спорную комнату выделили Вере?

— Наверное, — сказала Ирина Александровна.

— Почему «наверное»? — удивился я.

— Насколько я могла понять, Мария Филипповна тоже особенно ни на чем не настаивала.

— Странная штука получается, — недоумевал я. — Вере было все равно, мать, как вы говорите, не поддерживала ничью сторону... Адвокат Решетенко, представляющий интересы Топорковой, просил, чтобы южную комнату, с верандой, присудили его доверительнице... А суд почему-то вынес решение лучшую комнату отдать Вере...

— Вероятно, у суда были для этого основания, — сказала Смирнова.

Бумаги бумагами, но я больше люблю иметь дело с живыми людьми... Действительно, съезжу-ка я на Приморскую...

— И не откладывайте в долгий ящик, — посоветовал я, взглянув на календарь: была пятница.

В начале следующей недели я почти не бывал в прокуратуре. Так что встретились мы с Ириной Александровной только в среду. Зашла она ко мне в кабинет какая-то расстроенная, задумчивая.

— Такие дела... — начала она со вздохом. — Просто не верится, что подобное может быть...

— Вы о чём? — спросил я.

— Да все о Топорковой... Побывала я на Приморской. Как увидела дом, душу защемило. Дверь заколочена, весь участок порос травой, теплица завалилась...

— Никто не живет? — удивился я. — Как это так?

— Да вы послушайте, Захар Петрович. Смирнова провела по лицу ладонью, словно хотела стереть грустное видение.

Зная манеру Ирины Александровны рассказывать обо всем обстоятельно, я решил не торопить ее. Она продолжала:

— Я — к соседке. Пожилая женщина. С внуком возится. Видать, поговорить не с кем. Обрадовалась, что можно душу отвести... О Марии Филипповне сказала: справедливейший человек, с домом поступила по-доброму, в ущерб себе. Ведь как по закону? В качестве основной наследницы она имела полное право оставить за собой половину строения, то есть две комнаты, да из оставшейся половины ей причиталась еще одна третья... Соседка говорит, что на самом деле Мария Филипповна после смерти мужа занимала всего одну комнату. Самую маленькую. А во второй все оставила так, как при Савелии Платоновиче. Там у него было что-то вроде кабинета-мастерской. Инструмент, карти-

ны висели, которые нарисовал сам Румянцев... Ну, как бы музей мужа... Так вот, насчет спорной комнаты. С верандой. Мария Филипповна считала, что она должна принадлежать Вере.

— Почему?

— Сын у Веры болен. И серьезно, — ответила Смирнова. — Какая-то болезнь крови. Насчет Нины и ее детей мать не беспокоилась: устроены отлично, живут за границей, квартира в Москве большая да еще, кажется, дача под Москвой. По мнению Румянцевой, кому действительно надо помогать и сочувствовать, так это старшей дочери... Если бы мать знала! — воскликнула Ирина Александровна. Но не успела договорить.

В кабинет вошла Зоя Васильевна.

— Захар Петрович, — сказала секретарь, — к вам опять та женщина... Ну, из-за границы которая...

— Передайте ей, — сказал я Зое Васильевне, — пусть немного подождет.

— Она настаивает, чтобы вы приняли срочно. Говорит, через три часа у нее самолет на Москву.

Я посмотрел на Смирнову.

— Пусть войдет, — сказала Ирина Александровна. — Хочу посмотреть на нее. — Смирнова недобро усмехнулась и добавила: — И задать несколько вопросов...

Топоркова вошла в кабинет своей легкой, пружинистой походкой. Я предложил ей сесть. Спросил, как отдохнуло.

— Море, погода, теплоход — все прекрасно, — сказала Топоркова. — Но сервис... Этого мы, увы, еще не умеем. И неплохо бы поучиться у них, на Западе... Извините, Захар Петрович, я бы хотела поскорее узнать результат. Понимаете, через три часа мы с Игорьком и Сонечкой должны уже сидеть в автобусе. Топорков поедет в Москву своим ходом... Надеюсь, вы уже разобрались с моей жалобой?

— Этим занимается товарищ Смирнова, — кивнул я на Ирину Александровну, — помощник прокурора по гражданским делам.

— Но я же просила вас лично, — несколько обиженно произнесла посетительница.

— Не волнуйтесь, Нинель Савельевна, — сказал я. — В любом случае решение приминаю я... Ирина Александровна, — обратился я к Смирновой, — кажется, вы хотели что-то уточнить у товарища Топорковой?

— Да, Нина Савельевна, — спросила помощник прокурора, — вы не виделись со своей сестрой, когда вернулись из круиза?

— В этом нет необходимости, — сухо ответила Топоркова. — Уверена, что решение суда ее удовлетворяет. Еще бы, отхватила лучшую комнату! Она ни за что не уступит ее, я знаю! Действительно, — все больше распаяясь, продолжала посетительница, — откуда ей понять сестру, если совести совершенно нет? Небось, и мать полностью обратила в свою веру. Она всегда спекулировала на том, что неродная... Так что ж, если я родная, то должна все терпеть? Наверное, отдыхает сейчас в доме отца, в комнате, которая по праву должна принадлежать мне...

— Вера Савельевна в санатории, — спокойно перебила ее Ирина Александровна, — но я почувствовал, что она еле сдерживает себя. — Я виделась с ней.

— Интересно, — ехидно заметила Топоркова, — что она наговорила вам про меня?

— Представьте себе, ничего. Ей теперь не до этого. У нее болен сын.

— Павлик? — недоверчиво посмотрела на моего помощника Топоркова.

— Павлик, — подтвердила Смирнова. — Очень болен.

— Ну, а наша мать? — ушла от обсуждения здоровья племянника Нинель Савельевна. — С ней-то вы хоть беседовали?

— Нет, не беседовала. Да и не смогла бы, — резко ответила Ирина Александровна. Она хотела продолжать, но Топоркова перебила ее:

— И это называется проверка? Что же вы тогда проверяли?

— Прежде всего ознакомилась с делом...

— С делом, — презрительно фыркнула посетительница. — Обыкновенный бюрократизм! Не зря в газетах пишут! Для вас главное — бумага! Не будь этой волокиты, я уверена, все давно бы решилось в мою пользу!

Я видел, что беседа становится излишне горячей, и решил взять инициативу в свои руки.

— Хорошо, — сказал я, — вы можете попытаться объясниться с матерью и решить по любовно спор насчет той комнаты, с верандой?

Смирнова хотела что-то вставить, но я остановил ее жестом.

— Лишняя траты времени и нервов, — решиительно ответила Топоркова. — Как только мать сказала, что комната с верандой должна быть Вериной, я поняла: мы никогда не договоримся. Она еще в Москву написала мне. Не надо, мол, подавать в суд, позориться...

— Разумно, — негромко произнесла Смирнова.

Но Топоркова пропустила это мимо ушей.

— Между прочим, не преминула в том письме упомянуть о своих болячках. На психику давила. Но меня этими штучками не приведешь...

— И все же на вашем месте я попытался бы, — повторил я.

Ирина Александровна снова хотела что-то сказать, но ее опередила Топоркова.

— Хорошо, вызовите ее сюда! — воскликнула она. — Вызовите!

— Боже ты мой! — не выдержала наконец Смирнова, вскочив со стула. — Да не вызовем мы ее! Не можем! — выкрикнула она в лицо Топорковой.

Я буквально опешил, потому что никогда не видел Ирину Александровну такой несдержанной.

— Это почему же? — зло прищурилась на Смирнову Топоркова.

— Нету вашей матери... Нету... — сказала с болью Ирина Александровна. И ужетише добавила: — Умерла Мария Филипповна...

В комнате воцарилось молчание.

— Как?.. Когда?.. — наконец вымолвила Топоркова, приходя в себя от неожиданности.

Признаться, я тоже был поражен.

— Три месяца как похоронили, — сказала Ирина Александровна.

— Но почему... Почему я не знаю? — спросила Топоркова, растерянно переводя взгляд с меня на Смирнову.

— А куда вам было сообщать? — в свою очередь, задала вопрос моя помощница. — Вы даже не соизволили оставить сестре свой загородный адрес...

— Ну да, — усмехнулась Топоркова, — дала бы она мне знать, держи карман шире... Небось, была рада, что я ничего не знаю. И, пока мы за рубежом, постаралась бы отхватить кусок пожирнее. Лучшие комнаты...

— Какие комнаты, о чём вы? — вздохнула Смирнова. — Ничего она не отхватит...

— Вы не знаете Верку...

— Верка здесь ни при чём, — сказала Ирина Александровна. — Дом сносят. Самое большое — через два месяца. Строят новое шоссе...

Посетительница так и застыла на стуле.

— Соседям вашей покойной матери уже выдали ордера на новые квартиры, — пояснила Смирнова.

— Значит, я ничего не получу? — только и вымолвила Топоркова.

— Получите, получите, — устало махнула рукой Ирина Александровна. — Причинающая вам часть суммы в виде компенсации за снесенное строение...

Топоркова задумчиво поднялась. Что ее заботило — смерть ли матери, потеря ли желанной комнаты с верандой, — я не знал. И, признаться, не хотел знать.

Когда она, прошедив сквозь зубы что-то на прощание, вышла из комнаты, мне показалось, что в кабинете стало легче и свободней дышать...

Некоторое время мы с Ириной Александровной сидели молча.

Я видел в окно, как Топоркова вышла из подъезда, села в автомобиль. Машина медленно выехала со стоянки, свернула на дорогу и скоро исчезла из вида.

— Как это можно? — нарушила молчание Ирина Александровна. — Даже не спросила, отчего умерла мать, как... Где похоронена... Не пожелала отдать последнюю дань — поклониться холмику, под которым она лежит... Смирнова грустно покачала головой. — А может, это и к лучшему. Нечего ей там делать.

И. Айвазовский. 1817—1900. КОРАБЛИ У БЕРЕГА.

Саратовский художественный музей, имени А. И. Радищева

А. Маковский. 1869—1924. МОНАСТЫРСКАЯ СТЕНА. 1911.

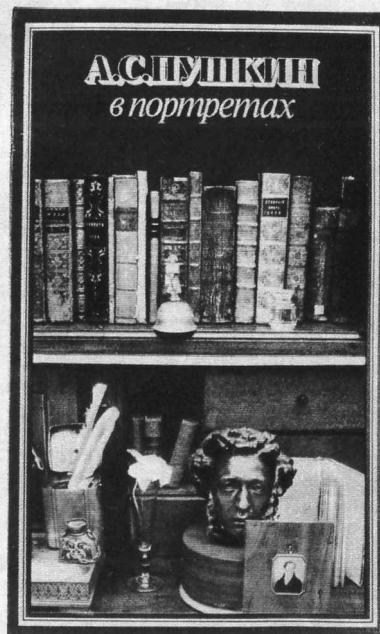
Куйбышевский художественный музей

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПУШКИНИАНА

«Пуля, сразившая Пушкина,—писал великий польский поэт Адам Мицкевич,—нанесла ужасный удар умственной России. Она имеет ныне отличных писателей... Но никто не заменит Пушкина. Только однажды дается стране воспроизвести человека, который в такой высокой степени соединяет в себе столь различные и, по-видимому, друг друга исключающие качества. Пушкин, коего талант поэтический удивлял читателей, увлекал, изумлял слушателей живостью, тонкостью и ясностью ума своего, был одарен необыкновенною памятью, суждением верным, вкусом утонченным и превосходным». Слова эти, сказанные полтора столетия назад, в трагическом и скорбном для России 1837 году, одним великим поэтом о другом великим поэте, в значительной степени объясняют нам сегодня природу беспрецедентного и, по всей вероятности, неповторимого феномена нашей культурной жизни — всеобщего и вместе с тем глубоко личного для каждого в отдельности необычайно острого интереса и любви к Пушкину.

Когда говорят о поклонниках и почитателях пушкинского творчества, говорят обо всех нас. И когда говорят о новой хорошей пушкиноведческой книге, что она подарок для читателей, говорят о подарке для всех нас — и специалистов-пушкиноведов и самого широкого круга читателей. Вот таким прекрасным подарком для всех стала выпущенная недавно издательством «Советский художник» и великолепно исполненная венгерскими полиграфистами (типография «Атенеум», Будапешт) книга московского искусствоведа Екатерины Всеволодовны Павловой «А. С. Пушкин в портретах»

Е. В. Павлова. А. С. Пушкин в портретах. М., «Советский художник». 1983 г.

(книга выпущена в двух полутомах — текст и иллюстрации отдельно).

Издание это (художники М. А. Аникст и М. Г. Федоров) отмечено высоким профессиональным уровнем подбора и подачи материала, культурой, качественностью и полнотой аппарата (примечаний, библиографии, именного указателя). Но главное, что необходимо отметить в первую очередь, — это научное значение книги, впервые, по существу, с такой полнотой показывающей изобразительную отечественную Пушкиниану (иконографию А. С. Пушкина в графике, живописи и скульптуре, включая и многочисленные автопортреты поэта) в поступательном процессе ее развития — от миниатюр начала XIX века, изображающей Пушкина-ребенка, и различ-

А. С. Пушкин. 1875 год.
Рис. А. Опекушина,
автора памятника
поэту в Москве.

ных его прижизненных портретов и до портретов 1970-х годов, принадлежащих художникам — нашим современникам.

Столь широкий охват материала с неизбежностью поставил перед автором задачу большой сложности и ответственности — что именно показать и о чем рассказать при условии, что все показать невозможно. Давать ли портреты и, очевидно, не самые лучшие и удачные? Уделять ли отдельным жанрам и технике преимущественное внимание? Рассматривать ли в одном ряду с профессиональным творчеством непрофессиональное? И еще многое, многое другое... На наш взгляд, Е. В. Павлова справилась со своей задачей превосходно. Включение в книгу ряда работ, разного времени, не самых сильных по исполнению

художественному мастерству и не имеющих сколько-нибудь серьезного самостоятельного художественного значения, следует понимать как результат зрелого решения автора, поставившего своей целью представить не одно лишь лучшее, что создано (это было бы проще и менее показательно с точки зрения научно поставленной задачи), а именно что, как и кем создано. «Цель этой книги... — пишет Е. В. Павлова в кратком авторском предисловии, — выявить закономерности трансформации образа Пушкина в представлении художников за полтора столетия; проследить, каким видело, искало и находило «своего Пушкина» каждое новое поколение художников».

Прослежено и показано это прекрасно. И написано профессионально точно и доказательно, очень логично, с высоким уровнем научной выверенности и в то же время доступно и интересно для всех практически читателей, со множеством информативных, незатасканных цитат, стихотворными вставками, с простотой и приятной легкостью слога. А убедительный в большинстве случаев, по-рою весьма глубокий искусствоведческий анализ многообразной и многогранной пушкинской иконографии очень удачно подкреплен различными оценками, свидетельствами и мнениями современников воспроизводимых произведений — друзей и знакомых Пушкина, литераторов, поэтов, критиков — художников и искусствоведов позднейшего времени.

«Трудно назвать имя большого русского и советского художника, — заканчивает свое предисловие к книге Е. В. Павлова, — который в своем творчестве не обращался бы к образу Пушкина: Кипренский и Тропинин, Айвазовский и Ге, Репин и Серов, Антокольский и Трубецкой, Ульянов и Кончаловский, Фаворский и Кравченко, Шадр и Коненков, Петров-Водкин и Пластов, Лебедева и Матвеев, Аникушин и Белашова, Юон, Кибрик, Горяев...» Созданные ими портреты Пушкина мы найдем в этой книге.

Л. КЕРЦЕЛЛИ

КИНО

ЧТО МОЖЕТ МУЛЬТИПЛИКАЦИЯ?..

Отвечу сразу. Мультипликация может все. Об этом, наверное, просто забыли многие мастера этих маленьких фильмов, часто великолепных по своему содержанию и не только забавных, любимых всеми, вроде «Ну, погоди!» или «Мы из Простоквашин».

Мультфильм способен брать на себя и вполне успешно решать большие и серьезные пропагандистские, воспитательные задачи, оставаясь при этом ярким, эстетически полноценным созданием киноискусства. Именно такова картина «Песни огненных лет». Её уж никак не назовешь пани-братьи-«мультником»!.. Смотришь на экран, не отрываясь. А переживаешь при этом какое-то особое чувство — патриотической гордости, радости, я бы даже сказала, еще и волнения, самого неподдельного, искреннего... Потому что на экране под звуки незабываемых, вошедших в историю песен оживают годы сражений. Годы беззаветной тяжкой борьбы:

«Белая армия, черный барон снова готовят нам царский трон»...

Как же давно это пелося! И как вдруг живо, остро откликается сердце на эти звуки, на образы воинов — людей в буденовках, людей на тачанках, людей конных и пеших, идущих на свой последний, смертный бой...

«Там вдали, за рекой», «Тачанка», «Полюшко-поле»...

Мчится конница, движутся эшелоны — мелькают кадры, сопровождающие песни и музыку тех грозных, неповторимых лет...

Яркая по замыслу и воплощению, темпераментная музыкальная сюита была задумана и сценаристом И. Кряковой и режиссером И. Ковальской при участии ансамбля под управлением Александрова, — увлеченно, оригинально. Тут смонтированы — какой очень неожиданно и тем более впечатляюще — кадры историче-

ской хроники, живая нынешняя фотография, условный рисованый мультипликат, четкая графика... Художник Э. Урманчи очень тонко чувствует необычность стиля да и всего звучания картины и своими средствами подчеркивает оригинальность киноленты.

Надо сказать, что подобное «новшество» далеко не сразу нашло признание.

— Героика — и вдруг «мультипликация»?!

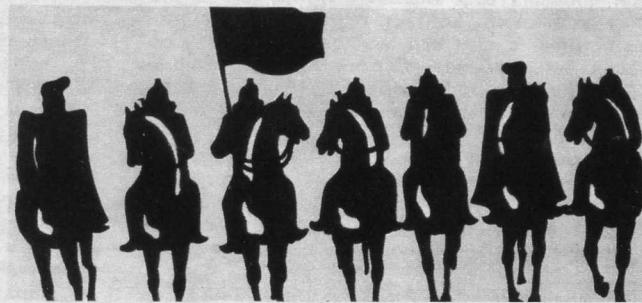
Наверное, тут было и чему удивляться и с чем спорить на первых порах. Но конечный результат привил всех...

«Так пусть же Красная Сжимает властно Свой штык мозолистой рукой...»

И идут, идут воины уже по нынешней Красной площади... Мы видим молодые сегодняшние лица, живые, внимательные глаза, слышим энергичный воинской шаг... Колонной идут танки, летят в небе самолеты, машут по ветру легкие флаги... Ширится песня. И возникает еще и лирический образ Родины — открытый и сердечный.

Сколько уже нелегких, поистине огненных лет пережили мы. А ведь ничего не выбросили из сердца. Не забыли ни героев, ни песен, с которыми шли в бой герои. Все волнует, остается живым, сохраняется все ту же великую силу.

Н. ТОЛЧЕНОВА

Л. ЛЕРОВ
Е. ЗОТОВ
А. ЗУБОВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

Конец Сократа

МИССИЯ МИГУЭЛЯ

По данным помощника Бутова Сухина, Кастильо прибыл в Москву для переговоров с одной из внешнеторговых организаций. Привез каталоги и несколько коробок образцов экспортных изделий. У чекистов нет сомнений: фирма, каталоги, образцы, переговоры — это все атрибуты прикрытия того главного, с чем прибыл испанец — шпионажа. Встреча с Сократом, интерес, проявленный Кастильо к научно-исследовательскому институту Рубина, не оставили никаких сомнений на этот счет.

Правда, меня несколько смущает, — заметил Бутов, — как Кастильо мог решиться на шпионский вояж в Москву после всего того, что приключилось с ним во французском порту. Не находите ли, товарищ генерал, что с его стороны это рискованная затея?

— В определенном смысле да. Но давайте порассуждаем несколько шире. Вспомните, когда Кастильо так оправдывался во французском порту?

— Давненько...

— То-то... Думаю, что он как разведчик тогда только-только начинал... Первые, еще неумелые шаги... Начинал с грубой ловли «заблудших душ»... Не вышло! Спрашивается, зачем ему было докладывать начальству о неудаче? Тем более что он, видимо, не терял надежды: авось моряки все же клюнут на приманку, и ему будет о чём доложить шефу. Для того и оставил свою визитную карточку. Так что скорее всего он умолчал об этих печальных строках своей биографии и постарался забыть их. А тут, извольте видеть, предлагаю отправиться в Москву — открывается дорога к большой карьере. И он, конечно, охотно согласился. А в глазах шефа Кастильо — кандидатура подходящая: сын матери первого разведчика, долгое время жил в Москве. Наверняка сохранились кое-какие связи. Так что есть все основания полагать, что вражеская разведка, отправляя Кастильо в Москву, доверила ему ответственные задания.

— Вы говорите — задания. Однако мы знаем только об одном: Рубин!

— Пока, да. Но я не исключаю и других, в том числе и листовки в ГУМе. Поэтому берите Кастильо под самое пристальное наблюдение... Действуйте, полковник!

Бутов поднялся и собрался уходить, но генерал попросил его задержаться.

— Есть у меня к вам, Виктор Павлович, еще один вопрос... — Клементьев подвинул к себе массивную пепельницу, очистил трубку, набил ее табаком, раскурил и неторопливо продолжал: — Как поживает ваш подопечный Крымов?

— В каком плане, товарищ генерал?

— Вам ведь известно, что он промелькнул в материалах о пребывании испанца в Москве?

— Да, известно.

— Что вы можете сказать по этому поводу?

— Странное стечье обстоятельств. Связной филиала ЦРУ Кастильо приезжает в Москву установить контакт с Рубином. Но еще до встречи с ним его московские дороги пересек зять Рубина — Сергей Крымов, причем в обществе профессора Полякова, туристки из Франции и иностранного журналиста Луи Бидо...

Генерал прищурился и перебил Бутова:

— Среди показанных вами фотографий иностранных журналистов, прибывших в ГУМ на «гала-представление», я видел снимок с подписью «Луи Бидо». Его имеете в виду?

Продолжение. См. «Огонек» № 12—14.

— Да, но для ясности позвольте высветить некоторые обстоятельства.

— Какие же такие обстоятельства?

— Дружба журналиста Сергея Крымова с профессором Поляковым, участником Сопротивления во Франции. Человек очень трудной и интересной судьбы. Одинокий...

Генерал внимательно слушал рассказ Бутова о Полякове, француженке Аннет, о ее приезде в Москву, намерении Крымова писать очерк о Полякове и Аннет, о «Метрополе», неожиданном появлении там Кастильо и столь же неожиданном его исчезновении. Клементьев нахмурился и недовольно пожал плечами.

— Это все, что вы хотели мне сказать о Крымове?

— Нет. По просьбе Крымова я сегодня виделся с ним. Просил совета, как ему писать задуманный очерк об Аннет и Полякове, а теперь уже и о Кастильо. Крымов подробно рассказал о встрече с героями своего будущего очерка, о неожиданно открывшемся мерзком облике Кастильо, о знакомстве с Луи Бидо, и той тени, что в этой связи легла на него, Сергея, милостью редакционного недоброжелателя...

— Что же его смущает?

— Из рассказов Полякова и Аннет, из всего того, что произошло на глазах Крымова в ресторане, он понял: Кастильо — враг. И решил посоветоваться: стоит ли печатать об этом, не повредит ли его очерк нам?

— Резонно. Что же вы посоветовали?

— Сказал, что лучше на некоторое время воздержаться. По крайней мере в отношении Кастильо.

— А как вы считаете — можно доверять Крымову? Вы уверены в нем?

Бутов не ожидал такого вопроса. Генерал никогда еще так не разговаривал с ним. Видимо, есть какие-то основания, неизвестные ему, Бутову. Виктор Павлович полон доверия к мудрости, опыту Клементьева и тем не менее...

— Товарищ генерал, смею вас заверить, что Сергей Крымов — порядочный человек... Я знаю, у нас не исправительно-трудовая колония и мы не Макаренки. Но хочу напомнить ваш же призыв — учиться у Дзержинского терпеливо воспитывать людей, выводить на правильный путь тех, кто где-то когда-то споткнулся. Крымов стоил мне большого, длительного труда...

...Бутов начал издалека. У него правило: с утра заглядывать в «святцы» — записную книжку-календарь, где чуть ли не на год вперед помечено, у кого и когда дни рождения. Это одна из особенностей бутовского стиля, пронесенная через многие годы. Человек пунктуальный, обязательный и организованный, он считал, что есть круг друзей и знакомых, к которым он обязан проявлять элементарное внимание. В эти «святцы» был внесен и день рождения Сергея Крымова. Этот молодой человек в разную пору своей сложной жизни не раз считал себя заново родившимся. Бутов помнит, как года три назад Сергей кричал в телефонную трубку: «Спасибо, большое спасибо, Виктор Павлович! — Сергея прямо распирало от радости. — У меня сегодня двойной праздник. И день рождения... И день второго рождения — восстановили в комсомоле и институте». «Значит, заслужил, — сдержанно обронил Бутов. — Поздравляю. Порадовал. Мне это приятно слышать».

Сергей не знал тогда, что для Бутова это не новость, что после того, как его исключили из комсомола и института за аморальное поведение, за связь с компанией спекулянтов и фарцовщиков, за связь с английским раз-

ведчиком Дюком, Бутов продолжал опекать его. Верил в него. И это он, Бутов, попросил секретаря институтского парткома поручить комсомольцам, бывшим друзьям Сергея, взять Крымова под свою опеку.

А в прошлом году полковник поздравлял Сергея с двумя праздниками сразу: Сергея в день его рождения приняли кандидатом в члены партии. И поэтому в генеральском вопросе: «Можно ли доверять Крымову?» — Бутов почтительно недомолвил: «Неужели ошибся?..» Нет, ошибки не было. И, прервав свой рассказ о судьбе Сергея, о своей роли в его становлении, он вдруг поднялся с места, подошел к Клементьеву и заговорил не сколько запальчиво:

— Хочу кое о чём напомнить вам, товарищ генерал. Когда я в самой малой мере усомнился в правдивости Сократа — не водит ли он нас за нос? — вами были сказаны хорошо запомнившиеся слова: «Следуя разуму, однако, нельзя быть крайне рациональным. Мне кажется, Бутов, что вы иногда бойтесь открытого проявления души, подавляете ее порывы». Тогда я промолчал, но то был не знак согласия. В справедливости ваших слов я убедился позже. И, как это ни парадоксально, тут сыграла свою роль история гражданского формирования Сергея Крымова. Вот как бывает в жизни.

— Бывает... — задумчиво повторил Клементьев. — Бывает... — И после небольшой паузы с доброй улыбкой продолжил: — То, что вы сейчас сказали, мне по душе... Вы, пожалуй, дали исчерпывающий ответ на мой вопрос... Я имею в виду Крымова.

ПРОЩАЛЬНЫЙ ЗАВТРАК

Поляков предупредил Сергея с вечера:

— Завтра Аннет улетает в Ленинград, оттуда в Париж. Устраиваю прощальный завтрак... Приглашаю. И от своего имени и от имени Аннет. Кстати, она просила разыскать Луи Бидо. Хотела бы с ним попрощаться. Впрочем, может, не столько попрощаться, сколько договориться о встрече в Париже.

— Постараюсь... Это, кажется, входит в его планы. Коллега задумал серию очерков для французского журнала... Мишель и Аннет...

...В укромном уголке немноголюдного в полуденный час зала было весело, хотя повод для застолья не очень радостный — прощание. Поляков блистательно вел стол, сыпал остроумными тостами, переключаясь с русского на французский. Помянули павших, пили за дружбу русского и французского народов, за мир и за тех, кто, приравняв перо к штыку, охраняет его.

В разгар пиршества к столику подсели еще двое — коллеги Луи — случайно, а быть может, и преднамеренно, заглянувшие в ресторан.

— Надеюсь, мадемузель Бриссо не будет возражать? — извинился Луи. Вопрос не совсем деликатен, ибо по лицу хозяина стола видно: ему эти господа ни к чему. Однако профессор не протестовал.

Поляков попросил официанта добавить два прибора, процидил тост за здоровье журналистов разных стран и, не обращая больше никакого внимания на Луи и его друзей, тихонько разговаривал с Аннет. Сергей попытался принять на себя роль хозяина стола — честь профессии обязывает! — и, как мог, потчевал гостей. Но роль эта была явно ему не по нутру, и, к его вящему удовольствию, незаметно душой маленького общества стал месье Бонар, полноватый, в годах, с бородкой

аля Ришелье, представлявший какую-то французскую газету. Ему подыгрывал длинноногий, рыжий, небрежно одетый молодой человек в дымчатых очках. Отвесив общий поклон, он коротко представился: «Смит. Британия».

Бонар, словесных дел мастер, блестал легкостью речи, экскурсами в литературу, тонкими комплиментами. Говорили обо всем по немногу. Жаловались на капризы погоды, и к этой теме все проявляли интерес. Бонар полагал, что планета вступит в новый ледниковый период, а Смит, ссылаясь на приятеля, работающего в обсерватории Кембриджского университета, утверждал, что «шарик» медленно, но верно поджаривается, глобальная температура скоро начнет стремительно растя, и вообще пятна на солнечном диске, которые господин Галилей ухитрился разглядеть в 1611 году, доставят человечеству еще немало неприятностей. От погоды перескочили к Жану Габену, от Габена — к Майе Плисецкой. Вторгшись в мир искусства, стали изощряться в «информированности». В ход пошли околовербальные и около театральные сплетни.

Вдоволь перемыв косточки именитым, Бонар и Смит переключились на профессиональную орбиту — байки из жизни коллег. Байки эти по-разному говорили о нравах западных журналистов, и одна из них запомнилась Сергею. Якобы московский корреспондент известного зарубежного агентства передал по телефону сообщение о свершившемся час назад важном событии, а затем, чтобы опередить соперников, на два часа занял «провод», читая по телефону какие-то статьи из центральных советских газет. И опередил!

Сергей неплохо владел языками и понимал почти все, о чем говорили Бонар и Смит, но, когда попадались особенно «трудные» слова, обращался к помощи Бидо. От Бонара это не укрылось. Постучав ножом о пустую винную бутылку, попросив тишины и внимания, он объявил, что хотел бы произнести небольшой спич, и повернулся к Сергею и Бидо.

— Я попрошу вас, Луи, перевести русскому другу те несколько слов, которые я сейчас скажу. Я хочу быть уверенным, что до господина Крымова дойдет точный их смысл.

Бонар предложил поднять бокалы за великую журналистскую державу, не признающую никаких границ, за профессиональное братство без различия политических взглядов и позиций, без... Запнувшись, он перешел к духовному единству, союзу интеллектуалов, крутился вокруг да около, но мысль основательно подыпившего оратора все же стала прорисовываться, пробиваясь сквозь туман обтекаемых фраз. Выраженная одним не скажанным вслух словом — «конвергенция», то есть сходимость взглядов, она была тут же подхвачена Смитом: «Истина и только она есть повелитель умов и сердец журналистов всех континентов!»

Крымов, с трудом сдерживая саркастическую улыбку, не выдержал и крикнул: «Абстрактной истины не существует, абстрактная справедливость — это бред, выдумка».

И грянул спор. Сергей не мог не заметить, что Аннет и Луи Бидо внимательно слушали и настороженно молчали. Все грязное, антисоветское, что плескалось в последнее время в мутных волнах эфира, Смит выдавал сейчас как сведения, полученные им лично из «самых

достоверных» источников. И тут подал голос профессор Поляков:

— Ваши источники могут быть точно обозначены, господин Смит: радиостанции «Голос Америки», «Свобода», «Би-би-си», «Немецкая волна». Для меня они не достоверны. И не могу не заметить, господин Смит, что некоторые передачи упомянутых станций стряпаются по писаниям небезызвестного вам беглеца-отщепенца. Я имею в виду его пасквили, изданные в Амстердаме маэровой антисоветской организацией, именуемой «Фонд Герцена». Мне довелось на месте познакомиться с этим фондом. И еще я хотел бы заметить, что такие радиостанции, как «Свобода», «Би-би-си», недобросовестно интерпретируют факты, заимствованные из советской прессы. В этом я убеждался не раз на собственном опыте...

— Яркая иллюстрация к мысли, оброненной кем-то из французских философов, — негромко заметил Луи. Смит резко повернулся к нему.

— Простите, господин Бидо, я не совсем понял, что вы хотели сказать?

— Постараюсь объяснить, дорогой Смит. Русские достаточно откровенно пишут о своих бедах. А кто-то из философов мудро заметил: чтобы самому осудить свои слабости, нужна большая сила. Открытый разговор русских о трудностях предостерегает от ложного мнения о легкости их преодоления. Нет-нет, это не каламбур. Это трезвый подход к сложности жизни.

— Я понял вас, Луи... Но, увы, известно, что люди, пытающиеся по-своему трактовать некоторые, как вы изволили выразиться, труд-

ности, объявляются инакомыслящими и за свои идеи попадают в тюрьму.

— Неправда.—Сергей старался выдержать невозмутимо спокойный тон.—Те, о ком вы говорите, не инакомыслящие, а отщепенцы. Если быть более точным, противники советского строя. Их изолируют от общества согласно закону. За идеи, какие бы они ни были, у нас к ответственности не привлекают. Их справедливо обвинили в преступной антисоветской деятельности. Подчеркиваю — деятельность. Таких отщепенцев — жалкая кучка. Это только видимость внутренней оппозиции. Но ведь и один подонок, купленный врагом, может нанести огромный урон. Не так ли?

— Я не совсем вас понимаю, господин Крымов.

Сергей лишь на мгновение засомневался: надо ли вот так, без оглядки, в атаку? Но тут же решил — надо.

— Полагаю, что сидящие за столом коллеги созерцали незатейливое шоу, недавно разыгранное в универмаге? Не сомневаюсь, что на страницах представляемых вами газет отличнейшим образом использован спектакль, поставленный иностранным туристом, чтобы еще раз пустить в ход миф о якобы существующем у нас «подполье».

Крымов умолк, засунув руки в карманы, стиснув в зубах сигарету. Он огляделся по сторонам: Бонар иронически улыбался, а Смит пытался отшутиться. И тогда Сергей мысленно сказал себе: «А ну-ка, поддай еще немножко жару».

— Господи, позвольте напомнить вам, что так называемые отщепенцы на свет божий появились не сами. У них есть повивальная бабка.

— Это есть хороший каламбур, господин Крымов. Я хотел бы посмотреть на такую пови-и... по-ви-вальную? Так, правильно я говорю? Я хотел бы своими руками пощупать эту бабку.—И Бонар хихикнул.

— Хотите пощупать? — переспросил Крымов.—Тогда щупайте меня... От этой повивальной бабки я сам пострадал.

— Вы шутник, господин Крымов,—обронил Смит.

— Ничуть! Извольте набраться терпения на несколько минут и выслушать нечто любопытное из жизни Сергея Крымова.

Он говорил негромко. Тяжело говорить о тяжелом. Он рассказал обо всем пережитом в пору, когда его друзьями были фарцовщики, спекулянты, тайно продававшие и библии, и позолоченные израильские шестигульчики, и журналы энтузиастов, когда дружил с аспирантом МГУ, англичанином Дюком, оказавшимся агентом ЦРУ.

— Господин Крымов, видимо, увлекается чтением советских детективов...

— О, нет, это не детектив. Это страницы биографии вашего покорного слуги. И когда я мысленно возвращаюсь к тем дням, на душе становится муторно...

Наступила тягостная тишина. Крымов побледнел, но не от выпитого вина, а от обиды. Зачем, зачем он, распалившись, завел ненужные препирательства? Перед кем разоткровенничался? Кому и что он хочет доказать? Разве у этих... Подыскивая нужные слова, он, как кинокамерой, обвел взглядом сидящих за столом. Поляков и Аннет по-прежнему тихо беседовали, Бонар и Смит налегли на армянский коньяк. А где же Луи? Тот незаметно отсел в сторонку. В разговор не вступал, но по глазам было видно, что идет напряженная работа мысли. Подсев к нему, Сергей тихо спросил:

— Луи, вы все молчите. И думаете. О чем?

— Об истинах... Вы говорили, Сергей, что не существует абстрактных истин... Я вспомнил дом своего дяди, в котором по воле отца жил, пока учился. Любая ложь обретала там видимость истины. Будь то политика, отношения семейные, деловые, интимные. В том доме все было построено на лжи и лицемерии. Дядя чуть ли не ежедневно менял любовниц, а тетя «забавлялась»... затем. Душевная чистота на том поле расценивалась, как сорняк. Дядя писал отцу раздраженные письма: «Я хочу воспитать Луи по образу и подобию своему, но встречаю затаенное сопротивление и даже озлобление». Да, он был прав, во мне все восставало против лжи и лицемерия, которые прикрывались высокопарными словами об истине, справедливости,

свободе. Дядя любил пофилософствовать о демократии. Но я знаю, что за взятки, используя связи, он освобождал от суда и гласного позора предателей, по чьей милости погибли участники Сопротивления. За деньги редакторы придерживали статьи, изобличавшие эту мразь.

— А ваш отец?

— Он делал вид, будто ничего не знает. Да и живут они в разных городах.—Сергей скорее почувствовал, чем увидел вроде бы виноватый взгляд Луи.

— Я, вероятно, говорю о вещах, не имеющих отношения к предмету спора за столом...

— Нет, нет, отчего же...

И оба умолкли. А Бонар и Смит по-прежнему шумели, пили, ели, поддерживая тонус застолья.

— Вы упомянули, Луи, о гибели участников Сопротивления... Вы помните, с чего началось наше знакомство? Тогда, в ресторане? Вас очень интересовали профессор Поляков и мадемузель Бриссо. Они ведь тоже чудом остались в живых...—Сергей испытывающе взглянул на собеседника.—Я хочу задать вам один вопрос. Но если вы почему-либо не можете или не желаете отвечать — не отвечайте. Я хочу спросить о шоу в универмаге с участием туриста, разбрасывавшего антисоветские листовки. Вы там были?

Луи ответил не сразу:

— Да, был. А вы?

— Разумеется, нет. Вас, конечно, кое-кто проинформировал и специально пригласил туда. А мы, советские журналисты, узнали об этом уже постфактум. Кстати, если не секрет, кто вас пригласил в универмаг?

— Коллега позвонил...

— Ну вот... Что бы вам по дружбе позвонить мне! — шутливо упрекнул Сергей и весело рассмеялся.

— А вы бы пришли? И написали бы?

— Обязательно. И пришел бы и написал бы. Только не так, как вы.

— Почему вы так говорите? Разве вы читали то, что я написал?

— Нет, конечно, но легко представляю... Мы оба, видимо, одинаково изложили бы факт. Такого-то числа, в такой-то час, в таком-то универмаге иностранец стал разбрасывать листовки... А вот комментировали бы его по-разному... История знает случаи, когда воросшие в буржуазном обществе люди, приехав в разрушенную, голодную Россию, по-разному воспринимали свершенное в Октябре семнадцатого. Герберт Уэллс увидел «Россию во мгле», а для Джона Рида все происшедшее тогда в России — это «Десять дней, которые потрясли мир». Для одних Россия двадцатых годов — это крушение идеалов русской интеллигенции, потеря веками накапливавшихся духовных ценностей, бунт малограммовых пролетариев и неграмотных мужиков. А другие увидели иное и восхитились тем, что дела просвещения в ту пору вершил образованнейший человек Анатолий Луначарский, знаток литературы, искусства, философии и эстетики. Он, между прочим, не уставал напоминать ленинские слова о марксизме, который отнюдь не отбросил ценнейших захваченных буржуазной эпохи, плоды двухтысячелетнего развития человеческой мысли и культуры, а усвоил и переработал их. Вот так, Луи, факт один и тот же, а комментарии разные... Вот вам еще случай. Шел по дороге старики, а навстречу ему шагали покрытые потом рабочие, катили тяжелые тачки, груженные песком и кирпичами. «Что, работаете?» — спросил старики одного из них. «А у тебя что, глаз нет? Видишь, качу ее, проклятую, тачку-то». Другой на тот же вопрос ответил более спокойно: «Зарабатываю хлеб насыщенный». А третий, молодой, вихрастый, протянул руку туда, где над кронами сосен поднималось какое-то здание, и с гордостью ответил: «Я строю Дворец культуры... Для нас, для молодежи».

— Вы Цицерон, Сергей. Мне было очень интересно слушать вас. Но вы почему-то все решили за меня. И как я комментировал досадное происшествие в универмаге... И что я написал... Вас, может быть, это удивит, но я передал в свою газету лишь десять строк, только факт.

— Почему?

— У нас в редакции есть свои мастера комментариев. Мои не напечатали бы.

— Почему?

— В их основе не было бы того, что ждет от меня шеф. Мы, европейцы, трезво оценивающие действительность, с тревогой задаем себе вопрос: к чему приведет эта затяжная на Западе идеологическая война, свистопляска вокруг так называемых «прав человека»? А то, что произошло в универмаге, не есть трезвый подход к реальностям международной жизни.

— Если я вас правильно понял, Луи, вы по долгу службы поступили так, как советует наша народная мудрость, — чтобы и волки были сыты и овцы целы...

— Пусть будет по-вашему, Сергей.

Луи усмехнулся, подошел к столу, наполнил два бокала и вернулся к Сергею.

— Давайте выпьем...

— За что?

— За трезвость...

— Игра слов?

— Нет, голос рассудка. За трезвость и реализм... Я уже объяснил вам.

— Что же, давайте выпьем.

Луи отнес пустые бокалы и, вернувшись, лукаво взглянул на Сергея.

— Вы мне задали не очень простой вопрос... Шоу в универмаге... Так, да? Теперь разрешите, я тоже хотел бы кое о чем спросить вас. Я повторю вашу премабулу: если не пожелаете отвечать, то скажите честно, не обижусь.

— Я слушаю вас, Луи.

— Однажды вы заинтересовались хромым господином, сидевшим со мной в ресторане. Чем вызван ваш интерес к особе господина Кастильо?

Неожиданный вопрос несколько озадачил Крымова, но он не дал себе труда задумываться: подтекст дошел позднее.

— Чисто профессиональный интерес, пребывая в им, мы, журналисты, иногда попадаем в неловкое положение. Кто? Что? Зачем? Почему? Когда? Вы хорошо знаете, что это не праздная любознательность, а поиск чего-то необычного, интересного для читателя. Знакомство с представителем крупной западной фирмы позволяет получить интересную информацию из первых рук.

Луи взглянул недоверчиво.

— Это все?

— Да, пожалуй. А вы что подумали?

Луи сразу не ответил, точнее, он так и не ответил, хотя говорил все о нем же, о хромоногом.

— Вы как-то спросили: давно ли я знаком с этим господином? Я его увидел впервые здесь, в Москве. Я уже говорил: меня рекомендовал ему дядюшка Кастильо сам нашел меня. Нашел и... Как бы это выразиться... Прилип... Можно так сказать?

Сергей усмехнулся, вспомнив в этой связи поговорку про банный лист.

— Он ищет моего общества, засыпает разными вопросами. В первую очередь его интересуют мои знакомые, друзья, москвичи. Как они живут, что рассказывают, о чем тревожатся, чему радуются и так ли уж уютно им в Москве, как утверждает официальная советская пропаганда. Не пойму, зачем все это коммерсанту? Как вы думаете?

— Трудно ответить на ваш вопрос. Всякое можно допустить.

Сергей постарался собраться с мыслями. Он догадывался, в чем смысл вопросов хромоногого. Ему только неясно, что стоит за желанием Луи Бидо услышать мнение советского журналиста о «странном» поведении господина Кастильо. Но своих догадок Сергей не выдал, продолжал спокойно.

— А вы не допускаете такого варианта, что ваш знакомый решил написать о Москве публицистические заметки, очерки, записки бывалых людей?.. Теперь это модно.

— Конечно, и такое можно предположить. Но я думаю, что он неспроста следит за каждым моим шагом. Мне почему-то кажется, что он выполняет чье-то задание...

— Помилуйте! — шутливо взмолился Сергей и даже воздел руки.—Что вы? Кто же он, этот Кастильо на самом деле? У вас есть какие-то соображения?

Луи молчал, нахмурился. Не дождавшись ответа, Сергей продолжал:

— Если разрешите, я мог бы высказать предположение. Вспомните, по чьей рекомендации вас разыскал этот господин. Я подумал,

что люди, подобные вашему дядюшке, ничего не предпринимают без дальнего прицела. Причем его интересы, судя по вашим словам, сомнительной честности. Это лишь предположение, стоящее на грани досужей фантазии... Я прошу вас воспринимать сказанное только так.

Позже Луи поведает Сергею, как он вслушивался в его слова, пытаясь найти искомую правду. Но теперь он молчал, и только на лице его появился отзвук внезапного озарения, сменившего смятение чувств и мыслей. А Сергей поспешил обернуть свои слова в шутку.

— Всеобразуется, Луи. Не надо расстраиваться. Послушайте, друг мой, а может, этот Кастильо хочет убить вас, ограбить?

Однако Луи не принял приглашения к шутливому разговору.

— Я подумал о другом: не присматриваются ли он к моей особе, чтобы вовлечь в сферу своей деятельности?

«А почему бы и нет», — подумал Сергей, но вслух в том же шутливом тоне и с нарочитой тревогой спросил, указав на лоб Луи:

— Дорогой мой друг, вы, кажется, не лишины фантазии?

Луи рассмеялся:

— Иногда мне самому кажется, что я брежу. Но это не так. Я в полном здравии, а мысли приходят вот такие...

— Мрачные?

— Да, пожалуй.

— Не знаю, что вам сказать. Вы затеяли разговор на такую...

Он запнулся, и Луи помог.

— Хотите сказать — щекотливую тему. Возможно...

Луи говорил взволнованно, хотя и негромко. А Сергей в недоумении: с чего бы это — много выпил и потерял контроль над собой? Или Кастильо растроил, пытаясь спровоцировать и втянуть в какое-нибудь грязное дело?

— Вот что, Луи...

— Конец, тема исчерпана... Пить будем, а говорить нет. — И Бидо направился к столу, за которым бражничали Бонар и Смит.

За столом шел отрывистый разговор. Аннет однозначно, нехотя отвечала на стандартные вопросы Бонара о Москве и москвичах, вопросы, в которых был заключен и желаемый ими ответ. Оставив один из таких вопросов без внимания, Аннет посмотрела на часы, резко поднялась с места и, не скрывая иронической улыбки, сказала:

— Я единственная женщина за столом. И увы, никто из джентльменов не счел нужным спросить, не желает ли мадемузель Аннет произнести тост. А я хочу сказать не сколько слов...

Аннет перевела дух, чуть нахмурилась и, в упор глядя на Полякова, тихо проговорила:

— Этот тост без вина... Я обожаю Париж, город, в котором родилась моя мать. Предатель Кастильо выдал ее нацистам, и они расстреляли маму. Я обожаю город, в котором я родилась, в котором научилась любить и ненавидеть. Там, на бульваре Сен-Мишель, мое сердце. Но отныне частица его остается и здесь, в Москве. У этой частицы есть имя — Мишель... — И совсем тихо одному Полякову: — Я люблю тебя, Мишель...

Отвесив общий поклон, она молча удалилась. За столом остались только журналисты — Поляков, оплатив счет, последовал за Аннет.

Сославшись на срочные редакционные дела, Крымов тоже раскланялся и поспешил к выходу. В шестнадцать тридцать автобус с туристами уходил на аэродром, и Сергей счел себя обязанным попрощаться с Аннет.

...Поздно вечером ему позвонил Луи Бидо.

— Мне было стыдно за коллег. Но мы еще поговорим на эту тему. А сейчас имею просьбу. Я получил тревожную телеграмму от дяди. Обострилась болезнь отца. Завтра утром улетаю. Убедительно прошу помочь мне — договориться с господином Поляковым об интервью. Я подготовил вопросы. Не будете ли вы любезны передать их господину Полякову? Я мог бы завезти... Хорошо?

— Зачем же беспокоиться? — ответил Крымов. — У вас, вероятно, много предъездных дел. Я приеду в аэропорт, провожу вас...

Продолжение следует.

У САМОГО ЛЕДОВИТОГО...

замысловато, что потом выбрасывай, клади новые.

Ледоход превращает берег в подобие неразборчиво, варварски вспаханного поля. Потом доносится дело паводок, когда вода поднимается на десять—пятнадцать метров. Но пошел Енисей на убыль, и порт снова спускается вниз, едва грязь и ил уберут бульдозеры и другая к тому приспособленная техника.

Последний раз я был в Дудинке совсем недавно. Наше многоцелевое транспортное судно повышенного арктического класса «Архангельск» ткнулось в лед, ожидая места у причальной стенки. Я вместе с лоцманами отправился на берег, чтобы рано утром не привычной для здешних мест электричкой отправиться в Норильский аэропорт. Взобравшись на высокий берег, не узнал города. И хотя было уже два часа ночи, меня неодолимо повлекло по улицам. Не двухэтажную застройку, запомнившуюся по предыдущим посещениям Дудинки, увидел, а солидного роста каменные дома, не сляпанные наспех, что иногда присуще Северу, но вполне современные, поставленные с учетом местности и здешней погоды.

Город всегда оставлял странноватое ощущение — вдруг на хляби клали бетонные плиты, дабы создать подобие городской улицы, потом, опять-таки вдруг, вырастал многоэтажный дом, а возле него, как у чума, олени.

И все же город есть — с рестораном, пивным баром, со службами быта, с улицами, по которым любая модница может пропустить каблучками. Вот такая она разномодная, Дудинка, названная в 1913 году Ф. Нансеном «северной Москвой».

Уже оказавшись в Москве, прошел у Н. Н. Урванцева, известного советского полярного исследователя и ученого: «Я рассказал... о трудностях при перевозке грузов из Дудинки в Норильск. Оленей может не хватить, и надо попытаться применить механический транспорт — тракторы. Это будет первый опыт их использования в полярных условиях не только у нас в Советском Союзе, но и в мировой практике».

Немного прошло с тех пор времени. И вот сейчас Дудинку с Норильском соединяет самая северная электрическая железная дорога.

Владимир ЧЕРТКОВ

Диета по Семеновой

Р. САРИМОВ

Многие граждане, особенно представители слабого пола, очень бы хотели похудеть. Но не знают, как этого добиться. Кратковременные разгрузочные недодевания ничего не дают. Потому что последующие переедания сводят на нет все мучительные страдания. В свое время мог бы страдающим от ожирения предложить один верный адрес: ресторан «Прибой», входящий в систему зеленоградского «Курортторга».

Сами труженики плиты насыщались, может быть, одним запахом пищи, но отсутствующим таскали непременно авоськами. Однако «несуны» могли нести безропотно свою нелегкую ношу только в том случае, если вовремя внесли откупные взносы. А заведующая производством Лещева и ее заместитель Уржумова делали это всегда своевременно.

Когда однажды в кабинете Бобровой, хозяйки «Прибоя» и директора общепита, появился внезапно еще больший начальник — управляющая зеленоградской конторой «Курортторга» Семенова, перед очами последней тут же возникла вся подобранныя Лещева с салфеткой на руке.

— Нина Андреевна, — обращается заведующая к управляющей как к старшей по должности, — разрешите обратиться почтительно к директору?

И, получив знак согласия — кивок, Лещева переводит свой всеожидающий взгляд на директора.

— Альбина Владимировна, где прикажете накрыть стол для вас и Нины Андреевны? В коктейль-бара, холл-баре или в большом зале?

И, получив указание, бежит распоряжаться. Но тут же возвращается обратно.

— Извините ради бога, — извиняется. — Забыла спросить, на сколько персон поставить приборов. Одни будете сегодня обедать или в тесном кругу друзей?

После незваного обеда сытое руководство не спеша разбредается по своим рабочим местам. Но уходит далеко не успевает. Приворная заведующая настигает их еще на пороге кабинета.

— Это вам от меня лично и отличного состава кухни, — протягивает большой и красивый пакет, рассыпаясь мелким бисером.

— Мы вроде червячка уже заморили...

— Обед — это было для вас и ваших друзей, — объясняет Лещева. — А это — для дома, для семьи.

А там настает черед хлопотать насчет обеда для незваных гостей заму зава. Собственно, это был не обед в нашем понимании, а мини-банкет. Питались-то ведь гурманы не котлетами «натураль-

ными», как мы с вами, читатель-едок. Все было очень изысканно — и еда и питье. И каждый такой мини-банкет, даваемый силами кухни для директора и управляющего, обходился производству в полтора червонца самое малое. А «столовались» руководящие «леди» в шумном «Прибое» не раз, не два и не сто.

Но после проверки народного контроля гурманы ужасно испугались. Однажды не настолько, чтобы воздержаться от вкусной пищи. Просто после этого официанты стали для вида выписывать им иногда счета. Но зам или зав (смотря чья очередь расплачиваться) тут же возвращали им «утраченные» на обеде деньги.

Кухня оплачивала не только мини-баникеты самих руководителей. Однажды заведующая внесла плату и за макси-банкет, устроенный гостеприимным директором для своих знакомых. Правда, от этого она не обеднела. Потому что все расходы оплачивал в конечном счете безымянный едок, твердо решивший сбросить лишний жир.

Но не одними обедами сыто было начальство. Кроме ста четырнадцати дорогих бесплатных обедов, за два неполных года Боброва и Семенова получили от благодарных подчиненных раз шестьдесят еще и «сухим пайком», както: колбаса таллинская, шейка московская, коньяк армянский, икра лососевая, бекон свиной, фарш говяжий, угорь копченый, карбонат питательный, огурцы нежинские, курица отечественная, петух голландский... Причем получали «сухим пайком», не только когда находились при исполнении служебных обязанностей, но и когда пребывали на загородном отдыхе. На природе хотелось есть даже больше. Зам и зав это понимали хорошо и кормили отдыхающих как на убой. Один раз Лещева организовала передача для голодающих руководителей, томящихся от зноя и безделья подле моря, через «активиста» Пети-ка. В другой раз изнывающим от жары на раскаленных песчаных дюнах Куршской косы был снаряжен обоз с провиантом под управлением шофера легковой машины Карагезова. Потом была еще передача, еще разик, еще раз...

А если начальницы-неразлучницы не на службе и не на отдыхе, а в командировке? Вернее, только собираются махнуть в Ессентуки или Пятигорск? Неужели подчиненные допустят, чтобы они пытались в вагоне-ресторане, каких массовый едок? Ни в коем случае! Зав собирает им на дорогу пакет с курами, огурцами и икрой, а зам соскребет им десять

червонцев на мелкие дорожные расходы. Было и такое.

Но взять те взяли, а спасибо-таки не сказали. Потому что хорошо знали, за что Лещева и Уржумова платят им «дань».

А если управляющая не на службе, не на отдыхе, не в командировке, а возвращается из отпуска? Однажды, узнав, что Семенова возвращается из отпуска, Лещева немедленно передала Бобровой для торжественной встречи управляющей мешок. А там был и фарш говяжий, и окорок свиной, и икра лососевая, и коньяк армянский...

Ублажать свое руководство заму и заву приходилось часто. Зато уж они не испытывали предательского страха перед грозными ревизорами. Потому что благодарное руководство всегда предупреждало их о готовящейся ревизии заблаговременно. А если в это время на производстве имелась недостача, зам и зав просили Боброву отложить ревизию до лучших времен. Сейчас, мол, не время для проверок. И та давала своим ревизорам «отбой». А проводить внезапные ревизии директор вообще им запрещала.

Здесь мог бы помочь многострадальному едоку только ревизор сверху. И однажды приезжал из Главкурортторга такой проверяющий. Чтобы установить, не ущемляются ли интересы массового едока. Но сам же и ущемил их. Поскольку банкет в честь проверяющего хоть и был дан заинтересованными лицами, но на средства все того же ущемленного едока.

Директор и управляющая брали взятки от «несунов» не только вместе, но и врозь. Однажды Лещева преподнесла директору шесть бутылок коньяка. Та поручила официанту Аракеляну бутылки с «огненной жидкостью» реализовать, а ей отдать деньги.

Сколько же должен иметь кухонный персонал навара, чтобы так щедро откупаться от своих всевидящих «надзирателей»? Должно быть, немало. К тому же продукты уже со склада поступали на кухню сильно урезанными. Поэтому что завскладом Коноплиным совсем не заботился о своей фигуре. И, понятно, директор и управляющий не могли смотреть безучастно, как их материально ответственный подчиненный бесконтрольно обкрадывает и без того «бездоленного» едока. Облагали его за это и денежным и натуральным «налогом». Но «налогоплатящий» не стонал. И платил дань аккуратно, всем, что имел на хранении — водкой, коньяком, икрой, колбасой, мясом, маслом, деньгами. Денежный-то штраф, спросите вы, за что налагали? Это за то, что Коноплин продавал на

сторону вверенные ему продукты питания.

Но многие продукты подвергались «усушке» и «утрүске» еще до склада. Как-то из Сочи привезли лимоны. Управляющая, узнав об этом, дает тут же заведующей тарным складом Роговой команду, без которой ей бы в жизни не урвать столько фруктов. Выкрали сто восемьдесят килограммов лимонов, а недостачу свалили на пресловутую «естественную убыль». Лимоны распродали проворно через подведомственный магазин, а управляющей отдали выручку. Вернее, ее поделили между собой, но строго по чину: управляющей Семеновой — две сотни, главбуху Куманейкиной — одну сотню, завмагу Голубевой — полсотни и так далее.

Тем же путем было отнято у «естественной убыли» большое количество помидоров, двести кило бананов, двести пятьдесят кило мандаринов...

В другой раз Семенова дает Роговой указание немедленно увеличить бой бутылок! И не на сотню, и не на тыщу, а на две. Операцию предлагалось провести только на бумаге. Чтобы четыреста рублей, вырученных за фиктивно битую, но непобитую посуду, отдали лично ей наличными. Что и было сделано добросовестной подчиненной.

Но не будем подсчитывать скрупулезно все случаи хищения. Для этого пришлось бы нанять на полставки счетовода. Воровали многие и много. И не от случая к случаю, а регулярно. За два неполных года Семеновой и ее компанией было похищено на двадцать одну тысячу, не считая мелочи. Это то, что всплыло. А ведь у зеленоградского «Курортторга» не один «Прибой», а множество магазинов, ресторанов, кафе и столовых.

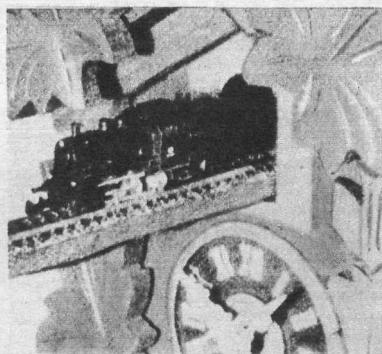
Посетитель общепита худел по мере того, как жирели его «кормильцы». Теперь вы понимаете, читатель-едок, почему страдающим от ожирения я настойчиво рекомендую регулярно посещать предприятия «Курортторга»? Потому что только так можно по-настоящему похудеть.

В общем, кушайте на здоровье — и вы всегда будете стройными и худосочными.

Что касается сплоченной воровской компании, то она питается теперь в колониях. Управляющая Семенова осуждена на одиннадцать лет с конфискацией имущества, директор общепита Боброва — на девять лет. Опять же с конфискацией. Остальные тоже получили по закону соответственно своим «заслугам».

Калининградская область.

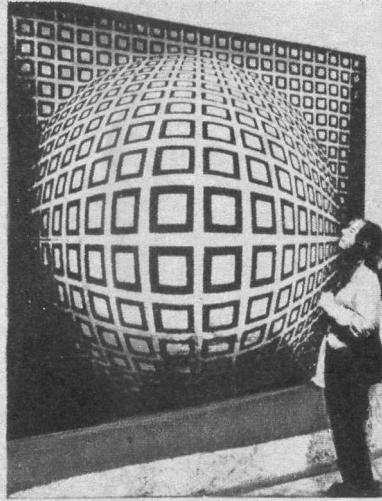
ПЕСТРАЯ СТРАНИЦА

кукушку в отставку?

— Выскакивающая из часов кукушка уже устарела и приелась, — заявили устроители конкурса в ФРГ. — Кто придумает что-нибудь пооригинальнее?

Посыпались предложения. Первый приз был присужден умельцу, который заменил кукушку моделью паровоза. Каждый час такой паровозик выезжает из оконца, дает гудки и снова скрывается.

обманный ковер

Недавно в западногерманском городе Франкфурте-на-Майне состоялась выставка ковров и gobelenов, где наибольшее внимание привлекло произведение французского мастера Виктора Вазарелли. Он продемонстрировал gobelen, который благодаря оптическому обману кажется выпуклым.

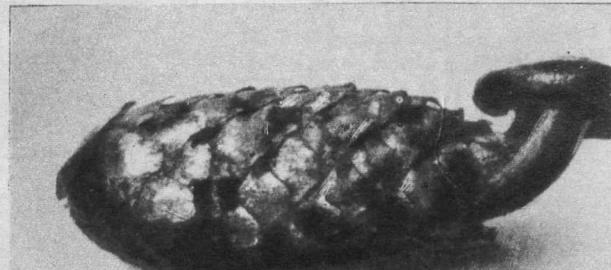

эмблема чемпионата

Редкое спортивное состязание в наши дни обходится без своей эмблемы (или, как еще иногда говорят, талисмана). На Московской Олимпиаде-80 такой эмблемой был Миша. На Белой Олимпиаде в Сараеве участников и гостей встретил лукавый и симпатичный волчонок, которого нарекли Вучко. А вот для финального футбольного турнира Европы, что состоится летом 1984 года во Франции, эмблемой выбран галльский петушок Пено.

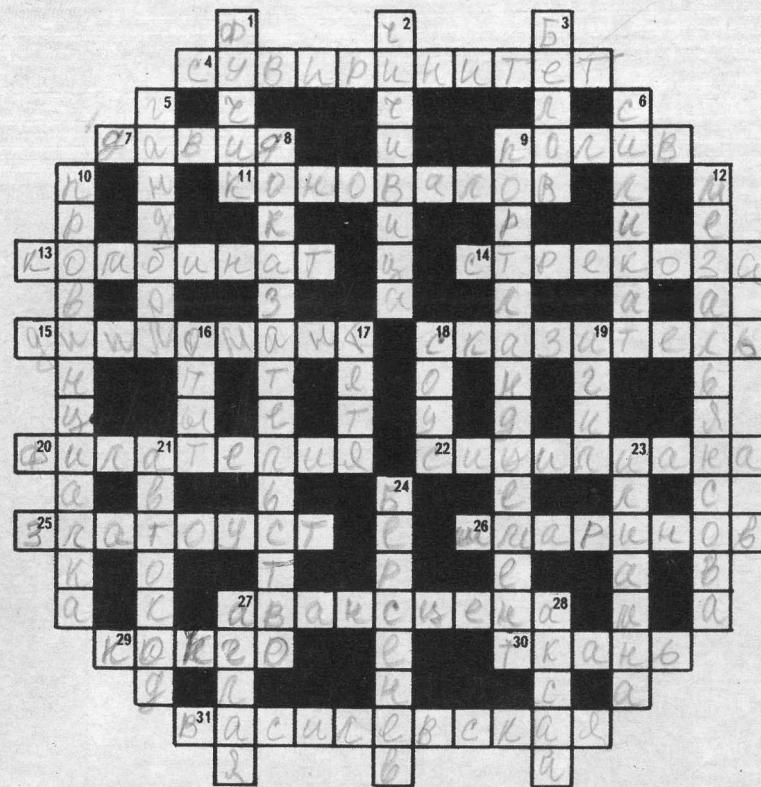
скейтборд

Это катание на роликовых досках по крутым дорогам, называемое скейтбордом, находит все новых и новых поклонников. Пришло это увлечение и в Чехословакию, сразу же обретя здесь своих «касов». Какие трюки они выделяют на этих дощечках, видно на снимке.

гибрид

Такой вот удивительный гибрид шишки с грибом был найден прошлой осенью в лесу вблизи швейцарского города Берна.

КРОССВОРД

По горизонтали: 4. Независимость государства. 7. Французский живописец, представитель классицизма. 9. Искусственное увлажнение почвы. 11. Рассказ М. Горького. 13. Объединение предприятий разных отраслей. 14. Насекомое, персонаж одной из басен И. А. Крылова. 15. Студент, выполняющий специальную работу при окончании вуза. 18. Исполнитель былин. 20. Коллекционирование марок. 22. Музыкальная пьеса, старинный итальянский танец. 25. Город в Челябинской области. 26. График, народный художник СССР. 27. Часть театральных подиумов между занавесом и рампой. 29. Река в Центральной Африке. 30. Текстильное изделие. 31. Польская и советская писательница.

По вертикали: 1. Публицист, национальный герой Чехословакии. 2. Бобовое растение. 3. Советский баскетболист, чемпион XX Олимпийских игр. 5. Командная спортивная игра с мячом. 6. Минерал, соль кремниевой кислоты. 8. Неопровергимый довод или факт. 9. Вязущее вещество, применяемое в современном строительстве. 10. Комедия И. С. Тургенева. 12. Персонаж пьесы В. В. Маяковского «Баня». 16. Эксперимент. 17. Вулкан на Курильских островах. 18. Приправа, подливка и кашанью. 19. Тувинский смычковый инструмент. 21. Язык программирования для ЦВМ. 23. Озеро на юге Азии. 24. Актер и режиссер, народный артист СССР. 27. Первый русский литературный альманах, издававшийся Н. М. Карамзиным. 28. Город в Ростовской области.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 14

По горизонтали: 4. Бахчиванджи. 7. «Берег». 8. Ровно. 9. Углов. 12. Радикал. 15. Кадриль. 17. Обложка. 18. Календula. 19. Слидометр. 21. Онтиро. 22. Ронотов. 24. Наречие. 28. Алдан. 29. Шрифт. 30. Исаев. 31. Фаддеевский.

По вертикали: 1. Матрица. 2. Светланов. 3. Ежевика. 5. Чугун. 6. Нарва. 10. Багратион. 11. Пластилин. 13. Квинтет. 14. Лопухов. 15. Карийон. 16. Договор. 20. Вальдшнеп. 23. Оринар. 25. Аджария. 26. Катод. 27. Оникс.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Весенний лов корюшки в порту Дудинка. (См. в номере материала «У самого Ледовитого...»)

Фото В. Данильченко

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ [заместитель главного редактора], И. В. ДОЛГОПОЛОВ [главный художник], Д. К. ИВАНОВ [ответственный секретарь], Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ [заместитель главного редактора], Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Оформление при участии А. А. КОВАЛЕВА.

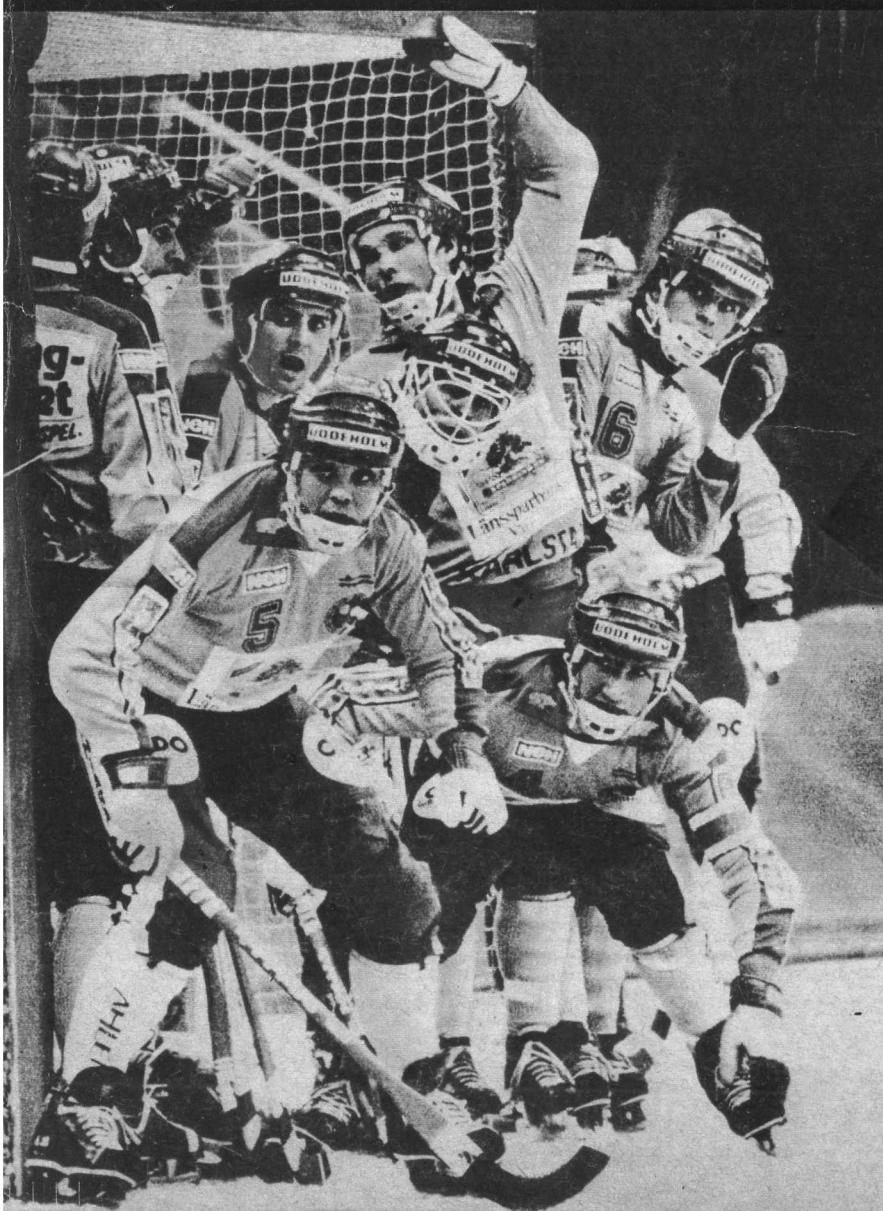
Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Очерка, публицистики и информации — 250-56-88; Морали и права — 251-00-26; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусства — 250-46-98; Экономики быта — 250-38-17; Поззии — 250-51-45; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патристический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13; Отдел прозы — 212-63-69.

Сдано в набор 19.03.84. Подписано к печати 03.04.84. А 00349. Формат 70×108 1/4. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 10,87. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 725 000 экз. Изд. № 888. Заказ № 2331.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина, 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

1.

2.

3.

ВЕРНИСАЖ «ОГОНЬКА»

«Молодые фотожурналисты столицы» — эти слова были написаны на билете, приглашающем на выставку в Дом дружбы с зарубежными странами.

Свыше пятидесяти молодых фотокорреспондентов агентств, журналов, центральных, московских и отраслевых газет представили здесь свои работы. Двести фотографий рассказывают о нашем времени, о жизни Советской страны, о людях труда, об их досуге.

Не все, конечно, равноценно на этой выставке. Но видно, что фотоаппарат в руках молодых, смело дерзающих, ищущих. И хочется привести строки из маленького каталога, выпущенного к этому смотру творчества молодежи: «Выставка молодых — это всегда ожидание. Ожидание первой встречи с новым именем и новой встречи с именем уже знакомым и полюбившимся. А еще это радость, что встреча эта состоялась!»

Мы печатаем несколько работ с выставки.

Д. БАЛЬТЕРМАНЦ

1. Анатолий Мелихов. Портрет.
2. Сергей Киврин. Угловой.
3. Вадим Некрасов. Любимец детворы.
4. Елена Глазачева. Над трассой БАМа.
5. Павел Кассин. До свидания!

4.

